

Честная сделка

Кристина Леола

Цикл: Аделхайд. Книга 1

Действующие лица:

Вэлтен Джакоб Александр Готтфрид Рэйнер Третий — мэйн первой пехотной дивизии императорского полка в отставке, лелеявший мечты о тишине и покое, но ставший жертвой женского коварства. Можно просто «мэйн Рэйнер».

Юта Гантрам (в девичестве Марейк) — вдова мастера заклятий, уже не юная, но, безусловно, очаровательная, иначе как еще объяснить временную слепоту мэйна Рэйнера, из-за которой он и угодил в ловушку?

Тильда — ее служанка с особым даром исчезать бесследно и появляться в самый неподходящий момент.

Мэтр Одо Штанге — маг-крючкотворец со склонностью к клептомании, которая слишком дорого ему обойдется.

Мэтр Стефан Хейко — столичный заклинатель, уверенный в собственной неотразимости. Но покуда уверенность эта ничем не подкреплена, имя его можете не запоминать, надолго он с нами не задержится.

Доктор Аугуст Эморри — кудесник, спаситель, философ и широчайшей души человек, который за время повествования сто раз пожалеет, что связался с «этой Гантрам».

Лена Эморри — его дочь, девица со всех сторон положительная, и лучше б нашему герою влюбиться именно в нее.

Раджинманд Гантрам — некромант-экспериментатор с бесконечным перечнем заслуг, по этим самым заслугам и получивший. Скончался за 72 года до описываемых событий.

Бруно Гантрам — его сын, сорокалетний увалень без особого ума, но с выдающейся фантазией. Скончался за 72 года до описываемых событий.

И прочие не очень живые обитатели Арве-мал-Тиге — дома ста голосов и тысячи историй, где нам и предстоит провести как минимум двадцать три главы из двадцати шести.

Глава 1

Глава первая, в которой продается дом и утаиваются нюансы

Пока Вэлтен Джакоб Александр Готтфрид Рэйнер Третий, мэйн первой пехотной дивизии императорского полка и без пяти минут новый владелец Арве-мал-Тиге, в пятнадцатый раз старательно выводил на листе свое бесконечное имя и обязательный список регалий, я вяло размышляла о том, что современному обществу остро не хватает умеренности. То есть на первых страницах я все-таки еще нервничала и даже сломала хлипкий замочек на браслете, который без конца дергала, но с каждым новым росчерком пера сердце мое билось все спокойнее, взгляд становился все рассеянее, а мысли уплывали все дальше.

В какой-то момент я даже добралась до имен своих гипотетических детей и поклялась, что сына моего никогда не будут величать сразу шестью словами без учета титулов и званий. Это ж какое излишество! Назову его просто Джон, коротко и звучно. Или Дон, еще короче и звучнее. «Назови сразу Он, — пробурчала присосавшаяся к моим мыслям Тильда. — Или просто О, будет везде ноликами расписываться».

Я лишь фыркнула, прогоняя из головы наглую девицу, но к реальности вернулась. Вовремя: мэйн Рэйнер как раз вырисовывал последнюю идеальную букву на последней, двадцатой, странице договора. Рядом красовалась и моя подпись, к этой самой двадцатой странице заметно покосившаяся и едва ли разборчивая, но в данный момент собственное несовершенство меня абсолютно не волновало. Если б могла, я бы и ноликов, и крестиков понаставила, только бы разобраться со всем поскорее.

— Что ж, господа... — протянул мэтр Штанге, придирчиво разглядывая наши с мэйнком художества, — осталась сущая формальность.

Тильда в моей голове ехидно хохотнула, а я с трудом удержала рвущийся из груди горестный стон. Эту фразу мэтр повторял уже в пятый раз, а формальности все никак не иссякали. Мэйну Рэйнеру бесконечная процедура, кажется, не доставляла никаких неудобств, или же скрывал он свое недовольство гораздо лучше меня. Вот и сейчас лишь кивнул с каменным лицом и молча поднялся, тут же вытянувшись по струнке. Тетива, а не человек, дотронься — зазвенит.

«Но хорош, зараза», — не преминула вставить Тильда, и я скрепя сердце согласилась. Если честно, когда он впервые появился на нашем пороге, я даже не сразу расслышала суть вопроса — так залюбовалась точеными скулами, штормовыми глазами и густой шевелюрой цвета воронова крыла. Даже излишняя худоба мэйна Рэйнера не портила, да и что нам худоба? Зато плечи вон какие широкие, и ямочка на подбородке... «Откормим», — пронеслась тогда мысль не то моя, не то Тильдина, а затем до поплывшего разума наконец дошло то, что незванный гость втолковывал мне уже несколько минут.

Он хотел купить Арве-мал-Тиге. Я бы сказала, хотел страстно и отчаянно, будь этот, как позже выяснилось, бесчувственный солдафон способен на столь сильные эмоции. Но намерения свои он выказал довольно четко, и покуда за полгода, что объявление о продаже болталось в вестнике, во мне страсти и отчаяния скопилось за десятерых, то и уговаривать меня долго не пришлось.

Вот бы мэйн Рэйнер еще спросил моего совета при выборе мага-посредника, но вместо этого он притащил из города самого невыносимого крючкотворца, какого только видывал свет. Впрочем, вряд ли в окрестностях Хамранта найдется хоть один счастливчик, в свое время не купившийся на белозубые улыбки и хвалительные грамоты мэтра Штанге. Что там, даже я по юности и глупости обращалась в его контору, за что и расплачивалась потом не один год. Но, слава всем богам, больше нам с ним дел иметь не придется. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть... последние пять-десять-двадцать формальностей, и я обрету долгожданную свободу. Не только от мэтра Штанге — он как раз наименьшая из бед, — но и от этого дома, леса, города и безумного наследия моего благополучно почившего мужа, да разорвут его демоны на ленточки и кусочки.

Главное, чтобы мэтр не провозился до сумерек, иначе все мои усилия пойдут прахом. Я ведь специально просила их приехать к восьми утра, рассчитывая в полдень уже радостно трястись в экипаже в обнимку с любимым потертым саквояжем, с которым когда-то прибыла в эти края. Но если солдафон оказался точен, как премерзкая экономка моего батюшки, то мэтр Штанге явился с трехчасовым опозданием и кипой бумагулек одна другой важнее.

Когда мы покинули кабинет и вышли в гостиную для последней — «самой-самой последней, честное слово» — формальности, часы на каминной полке показывали без четверти пять. Привлеченный их оглушительным тиканьем, мэйн Рэйнер бросил на циферблат короткий взгляд и, о чудо, едва заметно скривился. Да, я тоже не любила это клыкастое чудовище с тремя головами и стрелками, наворачивающими лигу за лигой вокруг пупка, так что прекрасно понимала его чувства. Наверняка

мэйн Рэйнер вознамерился перво-наперво избавиться именно от уродливых часов. Что ж, удачи. Сколько же сюрпризов его ждет на поприще переделки дома, представить страшно. Благо я к тому моменту уже буду слушать шум прибора на другом конце мира, хотя немного жаль, что не удастся увидеть весь спектр эмоций, кои способно отразить солдафонское лицо.

— Итак, господа, — привлек наше внимание мэтр Штанге, — осталось перенастроить защиту дома.

Сердце пропустило удар и сорвалось вскачь. Вот он, критический момент. Решающую роль играли не устные договоренности, не бумажки и подписи, не клятвы на хрустальной книге, а магические потоки. Если они откажутся отпустить, если что-то помешает...

— Первичная проверка не выявила никаких проблем, так что управимся быстро, — продолжил мэтр. — Когда скажу, возьмете меня за руки: госпожа Гантрам за левую, а рэйн Мэйн... простите, мэйн Рэйнер за правую.

Я мысленно взмолилась об удаче, и даже Тильда, обычно вставляющая в каждое мое обращение к богам едкие комментарии, прониклась важностью момента и не рискнула подать голос. Мэтр меж тем закрыл глаза и уподобился морской звезде: широко расставил ноги, раскинул в стороны руки, за которые нам вскоре предстояло хвататься, да чуть запрокинул голову. Посреди мрачной бордово-черной гостиной, навевающей кошмары даже на некромантов и гробовщиков, смотрелась сия поза впечатляюще. Я невольно глянула на мэйна Рэйнера и с тайным злорадством отметила новое проявление эмоций — на мага (а может, на безвкусное клетчатое кресло за его спиной) он взирал с тем же презрением, что и на трехглавые часы. Пусть привыкает, вскоре все это добро станет его проблемой, а не моей...

Мэтр Штанге вдруг вздрогнул и нахмурился, а я перестала дышать. Неужели?..

— Давайте! — неожиданно визгливо воскликнул мэтр, и я поспешно сцапала его левую руку.

Рэйнер невозмутимо сжал правую.

Пару секунд ничего не происходило, а потом от пальцев мага к моим хлынуло тепло, промчалось по венам, разогнав пульс до бодрого галопа, и устремилось обратно к потной ладони мэтра Штанге. В тот же миг, когда последняя капля огня покинула мою кровь, сменившись морозным холодом, в груди что-то оборвалось. Нить, привязывавшая меня к Арве-мал-Тиге. Казалось, я даже услышала звон опавших оков, и едва не воспарила над полом, такая легкость охватила тело... Но любезный мэйн Рэйнер был рядом и споро вернул меня с небес на грешную землю.

— Странная какая-то защита, — с сомнением произнес он. — Слово наизнанку вывернутая.

Я выдернула руку из дрожащей ладони мага и отступила на пару шагов. Мэтр Штанге тут же без сил повалился в кресло, и кабы не открытые глаза, которыми он растерянно блуждал по комнате, я бы уже бежала за нюхательной солью. Рэйнер стоял навтыжку на том же месте, чуть прищурившись, поджав губы и словно прислушиваясь к самому себе.

— Просто ставил ее бездарь, — пропыхтел мэтр, вроде бы слегка очухавшись — по крайней мере, взгляд его приобрел некую осознанность. — Госпожа Гантрам в свое время отказалась тратиться на переделку, но коли у дома теперь новый хозяин...

Он не договорил, но того и не требовалось. Мэйн Рэйнер благодушно кивнул:

— Всенепременно.

Сказала бы я им, какой «бездарь» ставил нынешнюю защиту. Да он мог подобный ритуал раз пятьдесят подряд провести и даже не вспотел бы, в отличие от мэтра Штанге, который и после одного раунда едва не задохнулся. Этот «бездарь» творил такое, что и не снилось сильнейшим магам империи, и защита его вовсе не странная и не вывернутая, просто ограждает она не дом от мира снаружи, а мир снаружи от обитателей дома...

Понятное дело, язык пришлось прикусить, зато Тильда в моей голове всю потешалась над столь пылкими мыслями: «Эк ты бросилась оборонять старого извращенца. Того и гляди скучать по нему начнешь. Так может, не поедem никуда? Чтоб не рвалось сердце на части от тоски...»

Я шикнула на нее, как оказалось, вслух, и удостоилась двух внимательных взглядов.

— Что-то не так, госпожа Гантрам? — с непроницаемой физиономией поинтересовался мэйн Рэйнер.

— Нет-нет, просто осознаю перемены, — пробормотала я.

Затем беспомощно огляделась, жалея, что не могу исчезнуть прямо здесь и сейчас и появиться за

тысячи лиг отсюда, и суетливо схватила саквояж, который благоразумно сразу вынесла из кабинета и на время ритуала оставила на кофейном столике. Не хватало еще бродить сейчас по комнатам. Нет-нет, скоро стемнеет... бежать надо, и как можно быстрее.

— С вами приятно иметь дело, мэтр, мэйн, — без всякой искренности выдавила я, натянуто улыбаясь. — Надеюсь, в этом доме вы обретете семейное счастье.

Прозвучало двусмысленно, как будто счастья я им желала непременно совместного, и мужчины синхронно приоткрыли рты. Но ни исправляться, ни слушать ответные речи я не стала — резко развернулась на каблуках и поспешила к выходу.

— Н-но, г-госпожа Гант-трам... — внезапно начал заикаться маг.

— Позвольте хоть оплатить вознице ожидание, — вмешался Рэйнер. — С полудня экипаж простаивает по... нашей вине.

Виноват был исключительно мэтр Штанге, и мы все об этом знали, но не настолько я жаждала его пристыдить, чтобы рисковать разоблачением.

— Право не стоит, — бросила я через плечо, не замедляя шаг. — Всего хорошего, господа.

Мэйн Рэйнер хоть и вояка до мозга костей, но вояка умный. Он явно заподозрил неладное, а я этой спешкой лишь подливала масла в огонь, но раз уж все мыслимые и немыслимые проверки мы с домом прошли, задерживать меня никто не имел права. Сделка заключена, и сделка честная... если опустить некоторые нюансы, так что подозрения подозрениями, а следом мэйн не рванул. В дверях я даже обернулась, дабы убедиться: гостиная отсюда просматривалась плохо, но, судя по приглушенным голосам, мужчины не сдвинулись с места.

Я толкнула тяжелые створки и, отважно ступив за порог, жадно втянула носом весенний воздух. Такой же, как и пару часов назад, когда я выбегала проветриться и морщилась от одуряющего аромата кирсии, которой заросла вся округа, стоило сойти снегу. Такой же и в то же время совсем другой. Теперь к сладости кирсии добавился терпкий запах свободы.

Голова закружилась, я покачнулась, но быстро поймала равновесие и шагнула на первую из двадцати трех ступенек, ведущих с крыльца к подъездной дорожке. Вторая, третья, четвертая... на пятую вместе с моей ногой опустилась еще одна — по-мужски огромная, но при этом втиснутая в женский башмачок на звонком каблуке. Дальше мы спускались уже вдвоем: я и материализовавшаяся рядом Тильда. Где-то по пути она попыталась отнять у меня саквояж, но после недолгого перетягивания груза я одержала безоговорочную победу, несмотря на разницу весовых категорий.

— Хочешь что-нибудь потаскать — в экипаже ждут сундук и чемодан, — проворчала я, переместив саквояж в другую руку.

— В них нет денег, — хмыкнула Тильда, и диалог иссяк.

В материальной форме она вообще говорила мало и все больше по делу, и только когда вновь оказывалась в моей голове, никак не могла заткнуться.

Судя по храпу, доносившемуся со стороны потрепанного наемного экипажа, возница вполне неплохо проводил время, так что мы позволили себе на пару секунд задержаться у подножия лестницы. Словно подчиняясь командам невидимого дирижера, мы симультанно развернулись и окинули дом прощальными взглядами. Снизу вверх, слева направо. Не могу сказать, что в тот миг испытывала что-то даже отдаленно похожее на грусть, но легкая нервическая тошнота к горлу подкатила. Все-таки здесь я провела без малого десять лет — не особо счастливых, но фактически всю свою молодость... Про Тильду вообще молчу, впрочем, я и не поворачиваясь знала, что лицо ее сейчас невозмутимо, как у престарелого жреца, выслушивающего скабрёзную шутку — годы опыта как-никак. Хотя внутри там наверняка бушевал настоящий шторм.

— И что теперь? — деловито уточнила Тильда, когда мы вдоволь налюбовались нашим узилищем.

— А теперь, — вздохнула я, — надо рвать когти. Очень быстро и очень, очень далеко.

Глава 2

Глава вторая, в которой ломаются корабли, планы и судьбы

Наверное, Тильда права, и всему виной мои многочисленные недостатки, из-за которых я мало того, что никогда не найду приличного мужа, но и вряд ли проживу достаточно долго, чтобы выйти хоть за кого-нибудь, даже за неприличного. Замуж я не собиралась — спасибо, одного раза хватило, — однако жить хотела, так что мысленные нотации выслушивала со стойкостью ланарского монаха. Говорят, они способны сутками балансировать на одной ноге, невзирая на ливни, снегопады и порывы ветра. Вот и я, стиснув зубы, покачивалась под ударами хлестких фраз и даже не возмущалась. Ну, почти.

К нотациям, разумеется, прилагался полный список упомянутых недостатков.

Во-первых, гордыня. Дескать, я так уверилась в непогрешимости основного плана, что не подумала о запасном. А зачем он мне, если я действительно все предусмотрела? И скорость экипажа, и расписание поездов, и задержки на станциях, и возможные пересадки в случае погони. Даже мигрень от общения с Тильдой и неизбежный визит не к врачу, так к аптекарю. Не учла только предприимчивость бабушки господина Кенига, владельца судостроительной верфи «Корабли Кенига» — единственной и неповторимой на этом берегу Северного моря. Глупая поломка на одном из грузовых судов вскрыла тайник, в котором ушлая бабулька повадилась переправлять в Ауэрд контрабандные зелья и артефакты, в результате чего все корабли Кенига оказались под колпаком. На время тщательных проверок порт будто вымер, зато ожили сутяжные конторы, в которые потоком хлынули возмущенные пассажиры, лишившиеся возможности покинуть Аделхайд. Я бы тоже не упустила шанс пожаловаться, кабы не обстоятельства, а так приходилось молча сидеть в гостиничном номере, кусать локти и ждать, когда хоть одному кораблю позволят отплыть. Иного способа сбежать с материка не было, хотя я бы согласилась даже на захудалую лодку с веслами.

Во-вторых, смазливая мордашка. Должна признать, на этом пункте я приосанилась и, как ни старалась, устыдиться и опечалиться не смогла. Зато Тильда печалилась за двоих и распекала мою внешность на все лады. «Хорошенькая девица во вдовьем наряде — это ж лакомый кусочек для всяких пройдох! На тебя только слепой внимания не обратил, а уж излишняя похотливых уродов — след понадежнее хлебных крошек. Как пить дать, по нему тебя и нашли. Ну вот что тебе мешало избавиться от этих черных тряпок?».

Мешал мне пункт третий. Воспитание. По мнению Тильды, недостаток самый страшный и самый опасный. Пока она расписывала ловушки, в кои может угодить дама, до отказа напичканная глупыми правилами и предрассудками, я с трудом сдерживалась, чтобы не напомнить о том, кто меня, собственно, воспитывал. Да, большей частью няньки, немного родители, но до определенного возраста голова моя все же оставалась легка и пуста. Зато в шестнадцать лет я попала в лапы Тильды, и... скажем так, жизнь оказалась полна удивительных открытий. Кстати, блюсти траур по мужу, о котором я только и помнила, что наличие противных усов и абсолютное неумение вести в танце, ее идея, потому эту претензию я тоже без зазрения совести вычеркнула.

Ну и в-четвертых меня обвинили в неумном любопытстве. Каюсь, обвинили справедливо, ко в свое оправдание скажу, что мэтр Штанге и мэйн Рэйнер тут тоже виноваты. Первый опоздал на три часа, а второй все эти три часа просидел с таким лицом, словно от моего общества у него острое несварение. Я же ни словом, ни жестом его не упрекнула и сдерживалась, сколько хватало сил, даже в библиотеку его сопровождала, дабы мэйн скрасил ожидание интересной историей. Но когда он предпочел общению со мной справочник по ботанике... да, сорвалась. Хотя и задала-то всего один невинный вопрос:

— Вы когда-нибудь бывали на Северном море?

— Да, — коротко ответил Рэйнер и вернулся к жизнеописанию пестиков и тычинок.

Но Тильда теперь была уверена, что именно моя несдержанность указала мэйну наше местоположение подобно стрелке компаса. «Возница наверняка сказал, что доставил нас на станцию, а там уж, зная про Северное море, недолго вычислить маршрут», — зудела она в висках.

И я снова с трудом обуздала рвущееся наружу возмущение. Ибо если уж искать истоки наших неприятностей и первопричину всех бед, то все началось с баек Тильды о далеких Наольских островах. Где деревья всегда зеленые и одним листом можно накрыться с головой. Где в орехах плещется сок, кошки вырастают до размеров откормленного теленка, а люди крепкие и коричневые как кофейные зерна. Женщины там вплетают ракушки в волосы и не стесняются наготы; мужчины там призывают рыбу песней и пронзают сердца зверей острыми копыями; дети там прыгают в воду со скал и играют со змеями.

Тильда родилась на одном из этих островов в семье аборигенки и белокожего учителя, прибывшего на край мира с просветительской целью, и насколько она знала, позже там вырос целый город таких цивилизованных просветителей. Местным они не навязывались, но учили желающих простейшим наукам и языкам. Ну и изучали дикарей между делом, труды многостраничные писали. Все это звучало невероятно захватывающе, и пусть я понимала, что реальность наверняка далека от идиллической картинки, нарисованной давно умершей полукровкой, все равно загорелась идеей посетить острова. А если получится, то и поселиться в белом городе. Вот уж где меня точно не стали бы искать.

Чтобы добраться туда, надо было пересечь сначала Северное море на обычном корабле, потом Огненное — на воздушном, а после еще на пароме плыть. И если б не эта глупая мечта, я бы точно выбрала другой маршрут. Покороче да понадежнее. Вероятно, направься я в противоположную сторону, уже бы покинула материк и нашла свой домик у моря. Не на острове, ну и ладно, зато на свободе. А теперь... теперь...

Теперь оставалось только вздохнуть и хмуриться под пристальным взглядом штормовых глаз мэйна Рэйнера.

Наша с ним новая встреча разительно отличалась от предыдущих — спокойных, чопорных и до зевоты скучных. О да, мэйн наконец утратил хваленое солдафонское хладнокровие, и глядя на его покрасневшее от гнева лицо, на котором отчетливо проступали признаки сильной усталости, я помимо воли забывала о грядущих проблемах и... наслаждалась. Нехорошо радоваться чужому горю, и за это мне тоже воздастся — судя по стиснутым кулакам мэйна, довольно скоро, — ко как же приятно осознавать, что я не одна ущербная, и мир в принципе полон несовершенства.

Итак, гость поджидал меня в гостинице.

Я как раз вернулась после очередного визита в порт — неудачного, потому пребывала в крайне дурном настроении. Тильда сидела тихо и даже не пыталась материализоваться, за что я была премного благодарна, ибо на поддержание еще и ее формы мне бы просто не хватило сил, ни душевных, ни физических. Но стоило шагнуть в номер и увидеть в кресле прямо напротив двери почерневшего от злости мэйна первой пехотной дивизии императорского полка, как силы сразу же нашлись: я припустила прочь по коридору так резко, что иные антилопы обзавидовались бы.

Увы, хищник тоже не дремал. Не знаю, как ему это удалось, но меня схватили уже у соседней двери и быстро заволокли обратно в номер. Что удивительно, я даже не пыталась кричать, хотя, наверное, стоило. Не для того, чтобы поднять шум, а чтобы мэйн зажал мне рот рукой, и тогда бы я его укусила. Это обязательный элемент всех похищений, по крайней мере, описанных в романах, и хотя тащили меня отнюдь не в башню черного колдуна, хотелось все же соответствовать канону. Но мысль мелькнула и пропала, рот мой оставался закрытым без посторонней помощи — наверное, Рэйнер эти романы тоже читал, — а вскоре закрылась и дверь, да щелкнул замок.

— Что за ребячество, — проворчал мэйн Рэйнер, и я вынуждена была согласиться.

Как есть ребячество — поджидать даму в полутемной комнате будто книжный злодей. Внизу для таких целей поставили чудесные диваны, и даже напитками угощают, от простой воды до чего покрепче.

— Да не съем я вас! — рявкнул мэйн, заметив, что я так и стою посреди комнаты да пучу на него наверняка испуганные глаза. Затем на секунду зажмурился, глубоко вдохнул и добавил уже спокойнее: — Поговорим?

В своей способности соединять слова в буквы я уверена не была, но кивнула и, не сводя с Рэйнера напряженного взгляда, попятилась назад. Вскоре ноги уперлись в мягкую подушку, и я плюхнулась в кресло, еще хранившее тепло солдафонских ягодиц.

— Для начала... — Долгая пауза. Спокойствие явно давалось ему с трудом. — Для начала, не желаете ли объясниться?

Я не желала и без раздумий покачала головой.

— Хорошо. Хорошо.

Рэйнер рассеянно огляделся, заметил в углу стул и спустя одно бесконечно плавное движение уже сидел на нем верхом лицом ко мне. Я и не подозревала, что человек-тетива, который, кажется, даже ходил не сгибая коленей, способен на такую поистине звериную грацию.

— Тогда я начну, а вы не стесняйтесь присоединиться к беседе в любой момент. — Он улыбнулся, криво и невесело. — Вы превратили мою жизнь в кошмар.

Кому-то подобное заявление могло бы показаться чрезмерным, но я, к сожалению, прекрасно понимала чувства мэйна, потому как сама едва выбралась из этого кошмара. Ладно, в последние годы кошмар был с задоринкой и даже доставлял мне некое извращенное удовольствие, но я еще помнила первые дни, недели, месяцы... и в осунувшемся лице Рэйнера видела призрак шестнадцатилетней себя.

— Слуги ушли на второй день, — тем временем продолжал он. — Не сбежали с воплями о том, что за ужасы творятся в Арве-мал-Тиге, а спокойно собрались и разъехались кто куда, объясняя сие отвратительным нравом хозяина. Притом большинство из них служило мне годами, так что даже не знаю, какое такое проявление моего нрава стало последней каплей.

Я по-детски шмыгнула носом и виновато потупила взор. Мои слуги не продержались и нескольких часов и тоже винили во всем взбалмошную малолетнюю хозяйку, хотя в шестнадцать я была сама кротость и добросердие. Мне тогда хватило ума приглашать новых и новых людей, сначала из ближайшего Хамранта, потом из соседних городов, но единственное, чего я добилась, — так это славы главной стервы Аделхайда. Со временем стараниями Тильды ситуацию удалось сгладить, но, как говорится, осадок остался. Мэйн Рэйнер, судя по всему, оказался посообразительнее и сразу нашел истинного виновника.

Дом.

Арве-мал-Тиге не любил чужаков, но начини он выгонять их силой, и вскоре превратился бы в главную достопримечательность Лиутского леса, и те самые чужаки хлынули бы рекой. Потому слуги и загостившиеся визитеры уходили без всякого страха, но с обидой, чтобы наверняка. Для счастья дому хватало одного хозяина, потому хозяин Арве-мал-Тиге был обречен на одиночество.

— ...не спал неделю, — прорвался в мои мысли голос Рэйнера, — я выучил миллион учгунжских народных напевов, я теперь могу узнать любого обитателя дома по единственному короткому стону, но самое главное — я так и не понял, как это все работает! Кто вы такая и что мне подсунули?!

Первый вопрос я проигнорировала, а на второй, прокашлявшись, все же ответила:

— Просто дом. — Получилось сипло и неубедительно.

— Просто дом? Тогда смерть — это просто послеобеденный сон.

Ну в какой-то мере...

— В общем, — Рэйнер неожиданно поднялся, вновь превратившись в натянутую тетиву, — я вынужден обвинить вас в мошенничестве.

От такой наглости у меня даже голос прорезался.

— Каком еще мошенничестве? Я отдала вам отличный дом за бесценок!

— Я выплатил полную стоимость! — возмутился он.

И то верно. Как ни пыталась я сопротивляться в надежде избежать мук совести, и как ни закатывал небесны очи мэтр Штанге, Рэйнер не согласился на смехотворную сумму, указанную в объявлении, и накинул сверху еще два раза по столько же. «Таков нынче рынок», — объяснил он. И добавил что-то про «солдат вдову солдата не обидит».

Ну так если у кого-то обостренное чувство справедливости, разве я в том виновата? Да, я обрадовалась непредвиденному доходу — а кто бы не обрадовался? — и крохотный домик у моря в моих мечтах превратился в домик у моря побольше. И гуляла я по берегу уже не в одном из пяти имеющихся у меня платьев, а в наряде поновее да помоднее. Нормальные женские грезы, не Рэйнеру меня судить. К тому же отнекивайся я подольше, он бы еще на первых порах заподозрил подвох, и море я бы увидела только на отвратительном желто-коричневом полотне руки не самого психически здорового члена семейства Гантрам.

Задумавшись, я пропустила большую часть обличительной речи мэйна Рэйнера и спешно попыталась ухватиться хотя бы за конец, чтобы дать достойный ответ.

— ...утаив столь важные подробности. Бросили меня в огненную бездну! Бесчестный поступок, недостойный почтенного рода Гантрам.

Кажется, от соседства слов «почтенный» и «Гантрам» я на пару мгновений ослепла — по крайней мере, лицо Рэйнера, озаренное праведным гневом, из поля зрения исчезло, и осталась лишь темно-красная пелена. Затем из этих кровавых глубин проступили знакомые черты и смоляные кудри, и я через силу выдохнула.

— Недостойный рода Гантрам? — прошипела, едва снова обрела голос, и даже смогла подняться на ноги. — Почтенного рода Гантрам? Этот почтенный род создал огненную бездну, которую вы отчего-то не захотели назвать домом! Создал и поддерживал годами. Десятилетиями! А с самыми почтенными представителями сего почтенного рода вы, верно, даже успели познакомиться. Вспоминайте, не стрелял ли в вас посреди ночи из призрачного ружья плешивый старикашка с болтающимся на ухе моноклем? А бритоголовое двухметровое дитяtko не подсматривало ли за вами в ванной? Прекрасные люди, я действительно не достойна стоять с ними в одном ряду.

Рэйнера перекошило так, что я сразу поняла: было, все это и не только. Весь запал как-то моментально испарился, и я подбитой птицей рухнула обратно в кресло. Было стыдно, не отрицаю. А еще грустно и обидно, потому что когда все это свалили на меня, никто особо не переживал. Конечно, Рэйнер тут ни при чем, но и я когда-то получила ни за что, ни про что...

«Ну еще начни снова оплакивать свою горькую судьбу, — фыркнула Тильда, и я погрустнела еще сильнее. — И раз ты бедная-несчастливая, то надо и еще кого-то сделать бедным и несчастным».

«Эй! — Забывшись, я едва не завопила вслух, но вовремя спохватилась. — Как будто ты сама не хотела оттуда выбраться. Ты вообще на чьей стороне?».

Сторону она всегда занимала исключительно свою собственную, а потому в полете могла поменять мнение десять раз кряду, что в очередной раз доказала.

Мэйн молчал, Тильда в моей голове перечисляла мои недостатки, я страдала. За окном сгустились сумерки, и меня все сильнее мучил один насущный вопрос...

— Как вы улизили? — все же не удержалась я, ибо помнила, каких трудов стоило покинуть Арве-мал-Тиге даже на несколько часов, не то что дней. В первые годы брака муженьку требовалось периодически таскать меня на столичные балы, и его не волновала цена, которую мне приходилось платить за эти отлучки...

Мэйн Рэйнер вынырнул из размышлений, неожиданно весело ухмыльнулся и вновь оседлал стул:

— Договорился.

О да, договариваться они любят...

— И что теперь? — скучилась я. — Вернете меня... д-домой?

В этом смысле слово звучало странно, но иного дома у меня действительно не было. Точнее, пока не было. Надеюсь, что пока...

— Верну, — кивнул мэйн, сердце ухнуло, и я поджала губы. — На время. Пока не избавимся от этой пакости. Мне нужна свобода действий, к тому же ваш побег кое-кого изрядно разозлил. Народ требует назад свою любимицу, а пока вы будете их отвлекать, я займусь очисткой...

— Ничего не выйдет, — вздохнула я, потирая переносицу. — Мэтр Штанге ни одного всполоха не способен разглядеть. Для него это просто дом, и...

— Я вызвал столичного заклинателя, — перебил Рэйнер. — Вот только не знаю, как скоро он сможет прибыть. Будем ждать... Что такое?

Похоже, скептицизм таки отразился на моем лице, но я лишь отмахнулась:

— Нет-нет, ничего. Столичный заклинатель — это чудесно.

В конце концов, не могут же все прославленные маги оказаться шарлатанами? Пусть мой опыт и говорил об обратном...

В моей жизни таких магов было два — один из нашей столицы, сияющей и пронзающей небеса башнями, а другой из соседней Учгунгии, холодной и одноэтажной. И если первый сразу честно признался, что ничего необычного в доме не видит, и денег взял только за дорогу, то второй устроил целое представление с бубнами, песнопениями и ритуальным сожжением тряпичных кукол. После его визита я неделю вымывала из волос запах костра, а у обитателей Арве-мал-Тиге появилась новая игра. «Учгунжский заклинатель» называется. Правила просты: завывая себе песню да стучи ложкой по котелку или еще какой железяке — кто дольше всех удержит материальный объект в руках, тот и победил. Для призраков это сложно.

Для хозяина дома тоже, но по иным причинам. Рэйнер вот явно уже успел погрузиться в таинство, раз упоминал учгунжские напевы.

— Почему вы просто не перекинете потоки обратно на меня и не отправитесь восвояси? — все же спросила я, и Тильда протяжно застонала:

«Ты еще деньги ему предложи вернуть».

Я невольно покосилась на стену с сейфом, в котором хранился драгоценный саквояж. И далеко б я, дура, без него убежала?

— Ну, во-первых, мэтр Штанге не поймет подобных манипуляций и не оценит, если я силком буду вкладывать вашу ладонь в его. — Рэйнер хмыкнул и покачнулся на стуле, будто ребенок на деревянной лошадке. Ну точно вояка, деревянного меча не хватает. — А во-вторых, — он резко посерьезнел, — вы правы, это теперь мой дом, и я так просто не отступлюсь.

Мог бы с этого начать, а не пугать до полусмерти. Я не то чтобы жаждала вернуться в свой десятилетний кошмар, но уверенность мэйна Рэйнера внушала оптимизм. На него хотелось... положиться. Почему нет, если удастся все решить и уехать уже с чистой совестью? Не такая уж я дрянь...

Тильда хохотнула.

Не такая!

Я решительно вскочила, подумала и снова села. А как это будет выглядеть? Я продала дом и осталась жить с новым хозяином? Да и дорога... несколько дней в пути наедине с мужчиной, это ж неслыханно! Поддерживать форму Тильды так долго я попросту не смогу, и...

— Идемте, — прервал мои мысли мэйн Рэйнер, вставая. — Я выторговал всего три часа свободы, и они уже на исходе. Вещей, как я погляжу, у вас немного.

— Надо дождаться мою служанку, — ляпнула я. Не время выдавать тайну Тильды, еще не время. Надо сначала посмотреть, как он с домашними себя ведет. — Мы не можем... вот так... вдвоем...

Я прямо почувствовала, как мучительно краснею, а Рэйнер взял да расхохотался. Вот оно, пагубное влияние проклятого особняка. Арве-мал-Тиге даже кусок гранита превратит в истеричку.

— Ох, да ладно вам, — выдохнул мэйн после пары всхлипов. — Служанку? Возница, конечно, говорил, что в экипаж вы сядились вместе с огромной темнокожей дамой и с ней же его покинули, но помилуйте, от меня сбежал даже верный камердинер после пятнадцати лет службы, а вы с вашим характером сумели кого-то удержать?

— С моим характером? — прищурилась я.

«Огромной?!» — возмутилась Тильда.

— Так что у вас там? — словно и не услышал Рэйнер. — Амулет иллюзий? Если надо подпитать, я могу...

— Ничего, — процедила я сквозь стиснутые зубы. — Есть у меня служанка, понадежнее вашего трусливого камердинера. К тому же, покинув дом, я могла нанять хоть сотню слуг!

Он насмешливо вскинул бровь и демонстративно огляделся.

А до меня вдруг разом дошло сразу две вещи. Во-первых, все мои попытки что-либо доказать будут выглядеть глупо, а потому лучше просто прикусить язык. А во-вторых, как это он выторговал всего три часа? От Хамранта до побережья три дня на самом быстром поезде!

— Как вы... — я, кажется, слегка охрипла, — сюда добрались?

Мэйн Рэйнер меж тем деловито вытаскивал из почему-то незапертого сейфа мой саквояж, а чемодан и небольшой сундук каким-то чудом уже стояли у порога.

— Когда-нибудь ходили туннелями? — ответил он вопросом на вопрос.

О боги, только такая «везучая» особа как я могла продать дом кроту, а потом удивляться, что ее догнали...

Глава 3

Глава третья, в которой Юта предается воспоминаниям и порочному любопытству

Не секрет, что в возрасте от двух до трех лет за каждым отпрыском империи родители наблюдают с особым вниманием и затаенной надеждой, ибо именно в этот период обычно проявляются первые признаки дара. Хорошо если полноценного магического, тогда можно выдохнуть с облегчением, ведь даже такой, мягко говоря, средненький маг как мэтр Штанге способен обеспечить достатком и уважением не только себя, но и всех своих родственников до пятого колена. Даже один одаренный ребенок — счастье для всего клана.

Впрочем, так называемое благословение Анико тоже может стать счастьем. Не для простолюдинов, разумеется, им в основном достается всяческая ерунда вроде умения находить воду да предсказывать дождь за пять минут до первых капель. Семьи же из высших кругов — другое дело. Многовековая селекция как-никак, тщательный отбор, чистая кровь — разве может при таких обстоятельствах появиться кто-то бесполезный? Анико награждает избранных всего одной способностью, но порой такой, что сильнейшие маги кусают локти от зависти. На это и рассчитывали мои родители. И их родители. И (явно бессмертные) родители их родителей.

Матушку с батюшкой выбрали друг для друга из множества кандидатов, скрестили как породистых скакунов и затаили дыхание в ожидании чуда, которого так и не произошло. То ли чистая кровь дала сбой, то ли дату зачатия рассчитали неверно, то ли Анико был не в духе, а прочие боги на секунду отвлеклись и не успели наделить магией новорожденный визжащий комочек плоти.

Не вышло из меня ни мага, ни благословенной. По крайней мере, именно такой вердикт вынес мэтр Марейк, мой прадед и глава рода, на четвертом году моей жизни. Конечно, надежда еще оставалась, но столь слабая, что дальше приглядывали за мной лишь вполглаза, а потом и вовсе верили пустое дитя заботам нянек.

Мое дражайшее семейство не учло или позабыло, что Анико — бог случая, а случаи бывают разные. Мой, к примеру, оказался крайне запущенным и, что называется, несчастным. Благословение дало о себе знать лишь в четырнадцать лет, да такое, что лучше б и до старости молчал... Хорошо, что к тому времени до меня не было дела даже слугам и никто ничего не заметил. Плохо, что два года спустя я умудрилась попасться на глаза мэтру Гантраму.

Батюшку насторожил интерес ко мне второго придворного мага, ибо о пристрастиях его шептались давно и громко, и я точно не попадала в группу риска. И поскольку в остальном в глазах семьи я оставалась бесполезным балластом, все глубоко задумались: что такого разглядел во мне мэтр Гантрам, и какую с этого можно поиметь выгоду. Дара во мне так и не нашли, иных причин для предложения руки и сердца тоже, а потому насторожились еще сильнее и запросили за невесту такой откуп, что хватило бы построить дворец на собственном острове и набить его шелками и драгоценностями.

Мэтр раскошелился без возражений, клан Марейк в едином порыве нервно закусил губу, понимая, что надо было просить больше, а я шагнула за порог отчего дома со скромным саквояжем в руке и впервые в жизни задумалась о бренности бытия.

Иллюзий по поводу своего нежданного мужа я не питала. Уже не питала.

Теперь, переступая порог Арве-мал-Тиге все с тем же саквояжем, я размышляла о том, как бы все сложилось, достанься мне дар мэйна Рэйнера. На самом деле от незавидной участи меня бы спас и любой другой, но способность почти мгновенно перемещаться на огромные расстояния занимала мой ум с детства и ввиду обстоятельств казалась мне самой-пресамой важной и замечательной. «Кротов», прокладывающих пространственные туннели, в империи насчитывалось всего-то штук десять, а тех, кто в силах за сутки покрыть несколько сотен лиг и не свалиться наземь бесчувственным кулем, и того меньше.

Говорю же, я везучая.

С другой стороны, кто еще мог позариться на мой домик в лесной глуши, как не человек, которому что отсюда, что с побережья, что из центра столицы куда угодно несколько шагов? Зато каких шагов! Должна признать, это было самое захватывающее путешествие в моей жизни, и клянусь, не только потому, что оно едва ли не единственное, помимо тряски в поезде, одинаково унылой в любом направлении.

Мэйн Рэйнер проложил туннель прямо из гостиничного номера. Казалось, он и не концентрировался вовсе, лишь небрежно взмахнул рукой — и посреди комнаты вспыхнула широкая арка цвета заката над водной гладью. Я замороженно уставилась на огненные всполохи, а Тильда в

моей голове вдруг ощутило занервничала и зашипела: «Даже не думай, я туда не пойду». Словно услышав ее, Рэйнер ухмыльнулся, поудобнее перехватил мои пожитки и ехидно уточнил:

— Служанку ждать передумали?

Хотя ехидство, скорее всего, было вызвано восторженным желанием немедленно нырнуть в туннель, которое я наверняка излучала.

— Я... — Я сглотнула и взяла себя в руки. — Я ей записку оставлю. Сама доберется.

Ну разве не прекрасный выход? В дом я прибуду незаметно, так что никаких слухов и кривотолков, а пару-тройку дней спустя Тильда «доберется» к нам на поезде, и не придется объяснять Рэйнеру ее природу. Возможно, мне и вовсе удастся тихонько отсидеться и никому не попасться на глаза, пока мэйн решает нашу главную проблему.

Я ринулась к столу и для виду оставила пару закорючек на салфетке. Благо Рэйнер проверять мое сочинительство не стал, но вдруг нахмурился, тряхнул головой и выругался сквозь зубы. И к моему величайшему ужасу, арка исчезла.

Тильда облегченно выдохнула, я приоткрыла рот.

— Что? Как? — пролепетала испуганно. — А как же...

— Лучше с улицы, — объяснил Рэйнер. — Только сейчас заметил помехи из-за магической защиты здания. К тому же мы на третьем этаже, это тоже чревато искажениями.

Поняв, что помилования не будет, Тильда вновь заворчала про «демонский огонь» и «шаг в неизвестность», и я наконец не выдержала. Сказано, что отправляюсь без служанки, значит без служанки. «Надо бы тебя и вовсе здесь оставить, и выбирайся как хочешь», — буркнула я напоследок и сорвала с шеи кулон.

В голове наступило непривычное затишье. Непросто делить мысли еще с кем-то, но за эти годы Тильда не раз спасала меня добрым советом и действительно стала мне дорога. Однако порой и от близкого человека необходим перерыв, особенно когда у него столь скверный характер.

Сунув цепочку с кулоном в саквояж, который мне вручил мэйн Рэйнер, я всем своим видом изобразила готовность отправляться в путь. Он только хмыкнул и галантно распахнул дверь.

Да уж, не думала, что буду так рваться обратно в Арве-мал-Тиге, но... туннель же. Туннель!

— Уже покидаете нас, госпожа Горст? — улыбнулся служащий за стойкой внизу, когда я протянула ему ключ.

Рэйнер глянул многозначительно, а я покраснела. Ну не называться же было настоящим именем, вот я и вспомнила героиню любимой книги. Книги своеобразной, хотя вряд ли ему известно ее содержание.

— Да, вот... — невнятно промямлила я и взмахнула рукой.

— Муж вернулся, — добавил мэйн Рэйнер с теплотой мраморного изваяния, очевидно, заботясь о моей репутации.

Мог бы и братом назваться.

— Ага, муж, — слабым голосом подтвердила я.

— Му-у-уж.. — Служащий окинул удивленным взглядом мой наряд.

Мы с мэйном ответили одновременно:

— Обманулась.

— Рано обрадовалась.

И не сговариваясь, устремились к выходу.

Второй раз арка вспыхнула в пустом переулке за зданием гостиницы и вызвала во мне не меньший восторг, а уж когда мы шагнули в туннель...

В императорском дворце есть невероятной красоты хрустальный зал (как жене придворного мага, мне даже разок удалось там побывать), стены которого таят в себе целые миры. Воспоминания путешественников, обрывки сказочных снов, песни и грезы — все это стараниями заклинателей

нашло приют за прозрачными панелями и переливалось всеми оттенками волшебства. Если встать посреди зала и медленно повернуться вокруг своей оси, то можно почувствовать себя одним из творцов, обозревающим бескрайние владения.

В туннеле меня охватили похожие ощущения. Рэйнер уверенно шагал вперед сквозь разноцветное марево, а я безумно вертела головой туда-сюда, надеясь уловить как можно больше образов, мелькающих по ту сторону. Когда все эти города, леса и поля проплывали за окнами вагона, в них не было и тысячной доли нынешнего очарования. Искаженные же скоростью и магической преградой, унылые пейзажи родной империи наполнились красками и чувствами, и меня так и подмывало протянуть руку и...

— Не советую, — бросил через плечо мэйн Рэйнер, и я резко одернула пальцы, почти коснувшиеся переливчатой стенки туннеля.

Какой он все-таки... грубиян.

А через пару мгновения волшебная радуга потускнела и развеялась, и мы очутились на подъездной дорожке прекрасного внешне и ужасного внутри Арве-мал-Тиге, сокрытого под сенью святого Лиутского леса.

Рэйнер, не сбавляя шага, направился к крыльцу. Под мышкой у него бряцал содержимым мой сундучок, в другой руке скрипел так и норовящими расстегнуться замочками чемодан. Вещи словно радовались возвращению.

В отличие от меня.

Все-таки Тильда была права: любопытство меня когда-нибудь погубит. Пять минут удовольствия того не стоили.

Понуриив голову, я тоже поплелась к ступенькам, и стоило мне приблизиться, как двери наверху с силой распахнулись — кто-то сказал бы «приветливо», а по мне, довольно зловеще. Створки грохнули о стену, в недрах дома что-то упало и разбилось, на чердаке задребезжали окна. Я вздохнула и подняла глаза на мэйна Рэйнера, хмуро застывшего на пороге.

— «Арве-мал-тиге» — это ведь что-то значит? — спросил он. — Похоже на древенрохаронский.

Значит, еще как значит. Я еще раз вздохнула и шагнула в двери.

— Он самый, — пробормотала, оглядывая полутемное фойе в поисках ловушек. Меня ведь наверняка ждали. — Арве-мал-тиге — дом ста голосов.

Из гостиной донесся жалостливый вой, а Рэйнер за моей спиной расхохотался.

Глава 4

Глава четвертая, в которой чай не отравлен, а слуги подозрительно любезны

— Не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома. — Мэйн Рэйнер широким насмешливым жестом обвел ни капли не изменившуюся за неделю гостиную, и восторг от его дара и невероятного путешествия окончательно развеялся.

Лучше б оставался каменным солдафоном, ерничанье по поводу и без ему не к лицу.

Я чопорно кивнула, сделав вид, будто не заметила издевки, и гордо прошествовала к креслу.

Ну хорошо, относительно гордо, потому что все так же ждала подвоха, а совмещать настороженные взгляды по сторонам и опасливые движения с горделивой осанкой довольно проблематично. На каждый мой шаг дом отзывался едва слышными судорожными вздохами по углам, словно я ступала по чьей-то груди, но больше ничего не происходило. Наконец я опустила на мягкую подушку, и в тот же миг перед лицом материализовалась затянута в белую перчатку рука с подносом.

— Чаю? — как всегда невозмутимо поинтересовался Аццо.

Появляться полностью он не спешил, но если мне зависшая в воздухе рука дворецкого была привычна — да и готовилась я к чему-то подобному, потому даже не вздрогнула, — то мэйн Рэйнер взирал на нее в крайнем ошеломлении, словно за прошедшую неделю ему ни разу...

Да быть не может!

— Благодарю. — Я осторожно поднесла к губам одну из двух дымящихся чашек да так и замерла, наблюдая, как поднос подплывает к Рэйнеру.

Признаю, держался он прекрасно. В считанные секунды взял себя в руки, нацепил на лицо привычную маску и на приближение частично невидимого дворецкого смотрел уже не потрясенно, а скорее изучающе. С легким любопытством и нелегкой насмешкой. От воспоминаний, как я сама при первой встрече с визгами носилась по дому и швырялась в преследующую меня перчатку чем ни попадя, стало вдруг мучительно стыдно и завидно.

Но это же любимая их «шутка», почему же за неделю жизни в доме мэйн Рэйнер так с ней и не познакомился? А он точно не познакомился, такую первую реакцию не подделаешь.

— Мэйн? — Аццо наконец добрался до хозяина, застывшего в проеме, и протянул ему вторую чашку.

— Я так понимаю, вы дворецкий? — с усмешкой поинтересовался Рэйнер, но подношение принял.

Я думала, хрупкий фарфор в солдафонских лапищах будет смотреться детской игрушкой, но пальцы у него оказались на удивление длинными и изящными — музыкальными, как сказала бы матушка — и за тонкие изгибы ручки и блюдце держались со всем возможным пиететом.

— Так точно, мэйн.

— Не соизволите ли появиться полностью?

— Нам велено обратное, мэйн, — не меняя почтительного тона, отозвался Аццо.

О да, свои обязанности обитатели Арве-мал-Тиге знали от и до и всякую лазейку использовали с размахом. К примеру, велено им было вовсе не шнырять по дому в виде разрозненных рук и ног, а «как можно реже показываться на глаза», но старый Гантрам сам виноват, надо было четче формулировать.

Рэйнер явно собирался сказать еще что-то, но едва открыл рот — рука вместе с подносом исчезла. Пуф — и мы в гостиной снова вдвоем. На первый взгляд. А на второй... лучше даже не думать, сколько их сейчас наблюдает за глупыми смертными и строит коварные планы.

На лбу уже выступила испарина, и я наверняка покраснелась от обдававшего лица пара, так что чуть опустила чашку. Делать глоток без одобрения Тильды было боязно, но кулон я так и не надела, а сама она не спешила воспользоваться возможностью передвигаться по дому призраком, как все прочие. Нет, отравить нас никто бы не смог, по крайней мере, насмерть — уж это старик предусмотрел. А вот залечить до какой-нибудь пищеварительной оказии — запросто.

— Вы не пьете, — заметил Рэйнер, и я вскинула голову.

— Не уверена, что это безопасно, — призналась честно.

— Так и думал, — хмыкнул он и... одним махом осушил чашку.

Как только язык не ошпарил и внутренности себе не сжег.

— Что вы... — ахнула я, но тут же спохватилась.

Какое мне, собственно, дело? Хочет человек всю ночь на горшке просидеть, кто я такая, чтобы лишать его удовольствия? Может, у них там, в императорском полку, развлечения такие.

Сама я для виду вновь поднесла чашку к губам, умастивая возможных наблюдателей, и тут же поставила на стол. Обмануть кого-либо вряд ли удалось, но хоть что-то...

Рэйнер наблюдал за мной с тем же выражением, что и за самостоятельной рукой дворецкого, и признаков острого отравления пока не демонстрировал. Потом все же опустился в кресло напротив и снизолел до объяснений:

— Всю неделю ничего горячего в рот не брал, соскучился. — Он повертел перед глазами расписной фарфор, будто диковинную безделушку, и с легким звоном тоже поставил блюдце с чашкой на стол. — Почему вас встречают чаем, а я был вынужден питаться сырыми овощами?

Хороший вопрос, хоть и сложный.

— А вы... — я замаялась, не зная, как бы так выразиться, чтобы мэйи не решил, будто я считаю его идиотом, — ...просили?

Раздражение в его исполнении оказалось даже красноречивее гнева. Признаюсь, я было понадеялась, что закатившиеся очи — это первый шаг к вызванному чаем припадку, но через мгновение они выкатились обратно, пена изо рта так и не пошла, и мэйи окинул меня снисходительным взглядом:

— И кого же мне следовало просить? Бестелесные голоса? К вашему сведению, со мной тут всю неделю общались исключительно завываниями и кровавыми надписями на стенах, и эта рука в перчатке — первая конечность, кою мне посчастливилось лицезреть, исключая собственные. Как, кстати, она удерживала поднос? И куда он исчез, ведь не призрачный же?

Ненавижу такой тон, хотя должна бы уже привыкнуть. Что дед, что отец, что муж иным со мной и не разговаривали. Каждое их слово так и сочилось неприкрытым «да что ты можешь понимать». Рэйнера спасло лишь то, что на последних вопросах он будто бы одумался и задавал их с непритворной надеждой на ответ. То есть понял, что я все же что-то да понимаю и как минимум дом этот знаю лучше некоторых.

С одной стороны, помогать не особо хотелось из-за жгучей обиды. Нет, не на дурацкий тон, а на несправедливость. Мне Арве-мал-Тиге достался без всяких инструкций, до всего пришлось доходить собственным умом и горьким опытом. Так почему я вдруг обязана облегчать кому-то жизнь? Тем более мэйи Рэйнер сразу заявил, что возвращает меня только из-за разбушевавшихся призраков, которых мне следует отвлекать и развлекать, пока он решает проблему. Об иной помощи он не просил.

С другой стороны, если я все же помогу, дело пойдет быстрее. Предупрежденный, Рэйнер избежит многих оплошностей (а чего не избежит, то, несомненно, порадует мое разобиженное нутро). И чем меньше он отвлекается от очистки дома, тем скорее я окажусь у моря. Я, может, и не самый хороший человек, но вредить другим в ущерб себе никогда не стану.

Потерев виски, я подняла на мэйи усталый взгляд и вздохнула:

— Идемте. Научу вас языку бестелесных голосов.

Для начала пришлось спрятать саквояж в кабинетный сейф. Можно было начать экскурсию и инструктаж оттуда же, но мне вдруг почудилось, что мэйи иссыхает прямо на глазах, щеки его вваливаются все сильнее, движения становятся вялыми, и вообще бедолага вот-вот грохнется в голодный обморок. Уверена, то было лишь разыгравшееся воображение и недодавленные остатки совести, но справиться с собой не вышло, потому из кабинета я повела мэйи напрямиком на кухню.

Конечно, из-за перехода по туннелю мы потеряли несколько часов и из прибрежных сумерек шагнули в ночь, уже накрывшую эту часть материка, так что наестся до отвала ему все равно не грозило. Ну хоть завтраком себя обеспечит. Если сумеет.

Как ни странно, ночного Арве-мал-Тиге я никогда не боялась. Ладно, боялась первые несколько месяцев, а потом вдруг обнаружила, что в мягком сиянии свечей, в определенный час

вспыхивающих разом по всему дому, уродливая расцветка стен кажется уже не такой мрачной. И тишина не так оглушает, и гулкие комнаты словно наполняются чем-то теплым, незримым, но осязаемым, прогоняющим пустоту и из дома, и из моего сердца. Да, порой призраки шалили так, что волосы на затылке вставали дыбом, и из спальни после наступления темноты я старалась не выходить, но со временем ко всему привыкаешь. Разве что с «Учгунжским заклинателем» я так и не свыклась, но он изначально меня не пугал, а только раздражал.

Играли в него исключительно по ночам, когда ни у кого нет привилегий в виде предписанных обязанностей и возможности часами удерживать любой из предметов быта. Ночью все прозрачны и равны — кроме Аццо, который, кажется, умер и был пленен вместе с этим треклятым подносом, но сомневаюсь, что и при иных обстоятельствах он бы снизошел до столь плебейского развлечения. Проглоченный кол не дал бы пасть так низко.

Судя по затишью, вскоре нас ждал очередной раунд игры, но я отчего-то не переживала. Даже дергаться и оглядываться перестала, вдруг уверившись, что, пока рядом Рэйнер, меня не тронут. Было странно сознавать, что эту ночь под крышей Арве-мал-Тиге я проведу не одна, а с еще одной живой душой. Впервые за десять лет. Странно, но приятно.

Задумавшись, я не заметила, как мы добрались до кухни. Выпитый чай, похоже, окончательно вернул Рэйнера в привычное агрегатное состояние холодного камня, и я совсем успокоилась. Так и мне проще, и ему полезнее, учитывая, что нужно сделать.

— Кхм... это кухня, — глупо сказала я, и мэйн слегка изогнул бровь, мол, да что вы говорите. — Еда там, — добавила я, указав на огромную дверь с широкой металлической ручкой, которую лично я могла повернуть с трудом и только в состоянии аффекта от невыносимого голода.

За дверью помещение делилось на кладовую и морозильный шкаф, где и хранилось все мало-мальски съедобное в доме.

— С этим я и сам разобрался, — хмыкнул Рэйнер.

— Полки пополняются... — занудно начала я, но он перебил:

— Да-да, по мере необходимости прямыми порталами из нескольких лавок. Это было прописано в договоре.

Точно, было. И лично я считала данный пункт самым лакомым для возможного покупателя, ибо мой муженек так жаждал прожить долгую и счастливую жизнь подалее отсюда, но при этом убедиться в моем физическом благополучии, что обеспечил бесперебойную поставку продовольствия на сорок лет. За счет казны. Миновало только десять, потому новый владелец Арве-мал-Тиге мог не волноваться о пропитании. По крайней мере, в плане доступности продуктов.

— Ингредиенты я нашел, — продолжил Рэйнер, — но, как и говорил, был вынужден ограничиться сырыми овощами, ибо приготовить на кухне ничего невозможно. Печь не топится. Дверцы шкафчиков с посудой бьют по пальцам. И даже костер во дворе не развести — меня тут же присыпало грязью, прошлогодней листвой и демон знает чем еще.

Да, Джерт не любит огонь. Огонь опасен для его любимых деревьев и цветочков.

Я прикрыла улыбку ладонью, прокашлялась и спросила:

— А едой пахло?

Рэйнер явно хотел ответить что-то резкое, даже рот открыл, но тут же нахмурился, тряхнул головой и скривился:

— Пахло иногда. И мясом жареным, и сладостями. Я думал, что помешался от голода.

— Нет, просто они готовили. — Я со вздохом опустила на ближайший стул. — Они обязаны готовить, если в доме есть хозяин. Но подавать... тут нужны конкретные указания. Точное время. Определенные блюда, иначе могут и потроха зажарить. При смене хозяина все договоренности отменились, так что вы должны установить собственные правила. Это касается всего быта.

Кажется, меня мечтали хорошенько отчихвостить за молчание, но сочли сие бесполезной тратой сил и времени.

— И как эти правила устанавливать? — процедил Рэйнер.

Я пожала плечами:

— Отдать распоряжения ответственным лицам. Вы же военный, приказывать должны уметь. Кухней заведует Катрин. Призвать ее можно из любого уголка дома. Просто называете имя и озвучиваете

пожелания. Она услышит и выполнит, даже если вы ее не увидите. Наверняка не увидите. Все, что касается сада — это к Джерту. За прочую службу отвечает Аццо. А если что-то нужно в библиотеке — это к Лорэлее. Все просто.

— Действительно, что может быть проще, — едко заметил Рэйнер, — призывать призраков по именам, которых не знаешь.

— Вы могли попытаться с ними подружиться и тогда бы все узнали, — ошетибилась я. — Они же выходили на связь, послания на стенах оставляли!

— О да, кровавые надписи — мой излюбленный способ общения! Как вижу, так сразу хочу подружиться!

— Со временем они бы перешли на нормальные разговоры!

— Со временем я бы свихнулся и разговоры были бы уже ни к чему!

— Я смотрю, вы уже не так голодны? — не выдержала я.

— Зовите свою Катрин, — прорычал Рэйнер.

— Вы хозяин, вы и зовите, — фыркнула я, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку стула. — Меня теперь они вправе игнорировать.

Рэйнер зажмурился, стиснул переносицу пальцами, да так и замер на пару минут. Грудь его тяжело вздымалась, ноздри трепетали, на челюсти играли желваки. Ненадолго хватило горячего чая, надо и правда покормить человека, пока он меня не съел.

— Просто приказать подать завтрак? — тихо уточнил он.

— Формулируйте четко, не оставляйте лазеек, с помощью которых можно извратить приказ.

— Ясно. — Рэйнер выдохнул, открыл глаза и вытянулся по струнке. — Катрин.

— Призываю Катрин, — подсказала я и удостоилась злобного взгляда.

— Призываю Катрин, — практически прорычал Рэйнер, и на полке за моей спиной содрогнулись котелки.

— Говорите, она здесь, — кивнула я, но упрямый мэйн не поверил.

— Катрин, ты здесь?

— Да-а-а-а, хозяи-и-и-ин, — замогильным голосом пронеслось под потолком.

Я еле удержала рвущийся наружу смех, заметив, как при этом перекосило Рэйнера. Он-то не видел эту милейшую блондинку с очаровательной улыбкой и ямочками на щеках. Вредную и зачастую жуткую, как и все здесь, но явно не соответствующую этому завыванию.

— Завтрак мне подадите ровно в шесть-тридцать. Горячую, свежесваренную овсяную кашу с топленным маслом и ягодами. — Рэйнер подумал мгновение и добавил: — Без иных добавок. Если не спущусь сам, велите кому-нибудь меня разбудить, а то тяжелый выдался день. Насчет обеда распоряжусь завтра.

— Слу-у-ушаюсь, хозяи-и-и-ин.

Меня раздирали противоречивые эмоции. Это как смотреть, как неприятный тебе человек, заглядевшись по сторонам, заносит ногу над глубокой лужей. Вроде бы надо окликнуть и предупредить, но и на результат посмотреть хочется. Мэйн ошибался, воспринимая призраков как живых и отдавая соответствующие приказы, но я не зря предупреждала о лазейках. Совету он не внял, и теперь...

Честно, совесть почти победила, и я готова была объяснить Рэйнеру его оплошность, но тут дословно вспомнила указание. «Завтрак мне подадите...» Не «нам», «мне», а вы, госпожа Гантрам, разбирайтесь сами.

Я захлопнула рот и ослепительно улыбнулась, заранее мысленно желая глубокоуважаемому мэйну Рэйнеру провалиться и приятного аппетита.

Глава 5

Глава пятая, в которой дом-то умный, а вот люди не очень

— Всегда завтракаете так рано? — совершенно спокойно уточнила я, когда мы покидали кухню.

Комната за нашими спинами тут же погрузилась во мрак. Прощально звякнули тарелки, явно предвкушая утреннее развлечение.

— Да, — отозвался Рэйнер. — Привычка. Как и не есть перед сном, насколько бы ни был голоден.

Так вот почему он даже не попытался попросить поздний ужин, хотя я не успела объяснить, что по ночам слуги в этом плане недееспособны. Что ж, не успела, а теперь и не придется. С этим пусть тоже сам разбирается, коли возникнет необходимость.

— Разумеется. А я вот раньше девяти редко встаю. — «Тонкий намек, уважаемый мэйн, тончайший. У вас еще есть шанс избежать беды». — И каши с самого детства не люблю. Никакие.

— Каждому свое, — невозмутимо пожал плечами этот... непробиваемый чурбан. — Я, к примеру, не понимаю всеобщей страсти готовить мясо с фруктами. Отвратительное сочетание.

Я аж с шага сбилась и, подавившись возмущенным вздохом, закашлялась. Не понимает? Отвратительное? А овсянка, вскипевшая с первыми лучами солнца, — это, значит, деликатес?

Стало ясно, что пора умыть руки, ибо твердолобость — это одно, но если человек не способен оценить пикантные кисло-сладкие нотки, что дарует фруктовая мякоть запеченному мясу, то он опасен для окружающих. От такого чего угодно можно ожидать. Может, он еще и шоколадные пирожные не ест? Вслух я ничего не сказала, но мысленную зарубку сделала: спиной к мэйну не поворачиваться ни при каких обстоятельствах.

В столовой мы не задержались, хотя я заметила, каким взглядом он окинул огромный стол на монструозных ножках-лапах, единственный стул, больше похожий на трок, и нежные кружевные салфеточки жизнеутверждающего багрового цвета на всех поверхностях. В вазах на угловых тумбах все еще чахли срезанные мной — с величайшего позволения Джерта — первые весенние цветы. Сейчас букеты напоминали скорее пучки засушенных лесных трав, что висят на потолочных балках в святая святых каждого уважающего себя книжного зельевара, но выкинуть их Рэйнер почему-то не удосужился. Не то в принципе не нашел времени заняться благоустройством, не то просто еще не добрался до столовой, не то призраки защищали эти веники с тем же рвением, что и каждую уродливую частичку Арве-мал-Тиге. Так, глядишь, превратят их в очередной артефакт.

С каждым нашим шагом по дому гасло все больше свечей, словно отрезая нам обратный путь и предупреждая, что экскурсию пора заканчивать. Лично я была не против, но, судя по упрямо поджатым губам Рэйнера, он вознамерился выжать из меня все соки, хотя сам уже с трудом держался на ногах.

В гостиной я наконец остановилась и скрестила руки на груди:

— Вопрос пропитания решен. — Относительно. — Устройство библиотеки показывать? Все тайны кабинета раскрывать? Или желаете услышать историю каминных часов?

Мэйн невольно покосился в сторону камина и вздрогнул, а я злорадно улыбнулась. Если трехглавое чудовище еще не довело его до нервного тика, то сей благостный миг точно не за горами.

— Историю часов — не надо, — уверенно произнес Рэйнер и вдруг с удобствами расположился в недавно покинутом кресле, явно настраиваясь на долгий разговор.

— Я хочу услышать историю дома.

Я моргнула. Руки безвольно повисли вдоль тела.

— Всего дома? — выдохнула. — От и до?

— Сегодня обойдемся без подробностей, — смилостивился мэйн. — Но пока вы усталая и растерянная, и не успели обдумать, что мне можно рассказать, а что лучше скрыть, я был бы рад хотя бы основным сведениям. Кто. Когда. Зачем. Как.

Каким-то чудом я сумела подавить нестерпимое желание послать бесчувственного солдафона к чьей-нибудь матери. Пока я усталая и растерянная, видите ли. Не по-мужски пользоваться женскими слабостями. Не по-мужски сначала набрасываться на меня, как на преступницу, а потом

требовать ответов, даже не дав умыться после долгого дня. «А с тобой по-другому и нельзя. Даст слабину- и сожрешь его с потрохами», — наверняка сказала бы сейчас Тильда, будь на мне кулон, но... Рука инстинктивно потянулась к шее. Но я по дурости заперла его в сейфе вместе с деньгами, а сама она, похоже, так оскорбилась, что теперь и золотыми побрякушками не выманишь. Золото Тильда любила беззаветно. И увы, безответно, потому как все, что она цепляла на себя в материальной форме, загадочным образом навеки терялось уже через пару минут.

Проклятье.

Едва не топнув по-детски ногой, я поморщилась, вздохнула и тоже уселась.

— Ну, так что это за трехэтажное отродье? — подбодрил Рэйнер.

Пламя в камине взметнулось и с легким хлопком вновь опало, прильнув к поленьям.

— Уныйом, — невнятно промычала я.

— Что-что?

Я зажмурилась, сомневаясь, что смогу еще раз повторить самое идиотское в мире название, и выпалила:

— Умный дом.

Уверена, Раджинманд Гантрам жутко гордился своей задумкой. Холил ее, лелеял, высиживал, будто сказочный дракон драгоценное яйцо. А когда наконец выстроил в голове основную цепочку, вскочил как ошпаренный, ринулся к ближайшему столу с перьями и бумагой и накарябал это мерзкое «УМНЫЙ ДОМ» огромными буквами на самом верху желтоватого листа.

Ниже он кратко перечислил основные жизненно важные человеческие потребности, набросал свой распорядок, который, впрочем, и без того знал назубок, ибо на удивление занудный быт его не менялся лет с двадцати, а в конце поставил размашистую подпись: «Р. В. Г.». Тайна этой средней «В» мучает меня по сей день, ведь ни в одном семейном документе — а перерыла я их немало — второго имени старого некроманта не значится. Даже в родовую книгу он вписан, безусловно, вычурным, но вполне себе одиночным «Раджинманд».

Но вернемся к затребованной мэйном истории.

Итак, Р. В. Г. осенила гениальная идея. И все вышеописанное отнюдь не мои праздные фантазии — тот самый лист с названием и первыми набросками будущего шедевра некромантского искусства я нашла уже на второй месяц своего пребывания в доме. Нашла измятым, потрепанным, заляпанным каким-то пахучим соусом, но гордо пришипленным на припорошенную мелом учебную доску — самое видное место в лаборатории. Во время магического выброса эту лабораторию запечатало так основательно, что даже противный соус высохнуть не успел... Но я опять забегаю вперед, а лучше отмотать назад.

Раджинманд Гантрам не любил людей. Не любил так истово и страстно, что в нежном возрасте семнадцати лет наваял целый трактат на тему перенаселения, падения среднего уровня интеллектуальных и магических способностей и необходимости строгого контроля рождаемости. Впечатленные и откровенно испуганные родители юного гения решили действовать от противного и отправили отпрыска эту самую рождаемость повышать — в храм под ручку с тщательно отобранной невестой. Невеста возвышалась над щуплым Раджинмандом на целую голову, была вдвое шире в плечах и раздавала приказы зычным командирским басом. Нетрудно догадаться, что брак сей отнюдь не добавил некроманту любви к людям, зато помог осознать, что истреблять или контролировать их слишком хлопотно — особенно таких, как его жена, которая и приложить может, — гораздо проще от всех отгородиться.

Здесь и начинается история Арве-мал-Тиге.

Для начала Раджинманд исполнил свой долг и оставил потомство — согласно его откровениям в дневниках, опять же найденных в лаборатории, не особо удачное.

Сын, нареченный славным именем Бруно, уродился настоящим крепышом и ожидаемо вымахал в двухметровый шкаф, на радость матери и к ужасу отца. Еще и благословения Анико удостоился в виде дара видеть магические потоки, но через несколько лет благословение обернулось проклятием. Что-то не то он увидел и потянул, в результате чего навсегда остался несмышленым дитем. Точнее, это доктора уверяли, что мальчик просто остановился в умственном развитии, сам же Раджинманд предполагал некую форму серьезного психического расстройства, ибо даже на фоне несообразительной малышни Бруно выглядел полным идиотом. Он не понимал человеческих эмоций, каждое слово воспринимал буквально и мог забыть, с кем разговаривал пять минут назад. Что, впрочем, не мешало некроманту искренне привязаться к сыну — а может, он только потому

и терпел его единственного подле себя, что чувствовал не только кровное, но и духовное родство.

На дочь же Раджинманд вообще никак не реагировал и даже имени ее ни разу не упомянул. Слабая физически, но сильная магически, она пошла по пути врачевателя и, спасая человеческие жизни, навсегда лишилась уважения и внимания отца.

Зачинать третьего ребенка он счел излишним, как и оставаться с супругой, и все последующие годы своей насыщенной жизни посвятил главной цели: создать место, куда не ступит нога человека, но при этом достаточно комфортабельное, чтобы сам Раджинманд не отвлекался от научных изысканий.

Он восстановил разрушенное семейное гнездо в Лиутском лесу, старательно нагнетая мрачную атмосферу и наполняя комнаты жуткими вещицами, чтобы никому и в голову не пришло задержаться там хоть на секунду. Провел множество омерзительно безнравственных экспериментов. И наконец, нашел идеальное решение. Да-да, умный, так его растак, дом.

Вливать собственные силы в предметы быта, чтобы они самостоятельно обеспечивали все потребности хозяина, было слишком накладно, а вот если... привязать к ним души? Мощные и полные энергии, сияющие и замкнутые в единую цепь, так что хватит единственного ритуала подчинения, и дом оживет, послушный некромантской воле.

Будущих слуг Раджинманд Гантрам подбирал тщательно, с умом, много лет. Он ловил обладающих нужными качествами умерших по всему материку, а кого-то, подозреваю, мог и сам умертвить во имя науки и собственного благополучия, но таких подробностей, к сожалению или к счастью, в его дневниках не было. И все бы прошло без сучка, без задоринки, кабы не упомянутая привязанность некроманта к сыну, которого он зачем-то приволок с собой. Благословенный Бруно даже после печального происшествия в детстве потоки видеть не научился и как-то вмешался в финальный ритуал.

И вот результат: дом ожил, но слуги, которые по задумке должны были лишиться личностей и собственного мнения, прекрасно сознавали и себя, и свою горькую участь, а потому всячески ей сопротивлялись. Лабораторию со всеми секретами Арве-мал-Тиге запечатало магическим выбросом, а безвременно почившие Раджинманд и Бруно Гантрам пополнили собою хор бестелесных голосов.

Безымянная дочь некроманта еще при его жизни родила вне брака, и ее сын, желая смыть с семьи позор, устремился к величию и дослужился аж до придворного мага. Как потом и его сын, за которого мне не посчастливилось выйти замуж.

Летописцы обрыдаются над нашими судьбами.

Разумеется, Рэйнеру я рассказала далеко не все, так что его ставка на усталость и растерянность не сработала. К примеру, выдавать лабораторию — единственное место, недоступное для призраков — я не собиралась под страхом смерти. Как и делиться причинами, по которым муженьку вздумалось притащить меня в это змеиное гнездо на растерзание безумным предкам и их рабам.

Я изложила лишь основные сведения, как мэйи и просил: кто, когда, зачем, как. И все равно под конец язык распух, а во рту пересохло, так что я начала задумчиво поглядывать на так и позабытую на столе чашку чая. Ну а что, Рэйнер вроде жив...

Говорить я старалась без особых эмоций, но даже сухие факты произвели на него неизгладимое впечатление. Бедолага несколько раз нервно менял позу и с каждым словом хмурился все сильнее, пока брови окончательно не срослись в одну. Конечно, это вам не императорский полк, где правят бал офицерская честь и совесть, а дом некроманта, презирающего весь род людской.

Остывший чай я все-таки выпила. Медленно, после каждого глотка прислушиваясь к организму. И пока пила — Рэйнер не проронил ни слова. И через пять минут. И еще через пять тоже...

— Эм... — Я прокашлялась, совершенно не представляя, как вывести его из ступора, но мэйи и сам очнулся.

— Идите спать, вы устали, — произнес глухо и отстраненно.

Дважды меня просить не пришлось. Не то чтобы мне было любопытно понаблюдать за сменой чувств на его лице или расспросить о сделанных выводах, но не только у Рэйнера выдался тяжелый день. Мне пережитых эмоций и вовсе на неделю вперед хватит.

Я поднялась, куда как менее резво, чем хотелось бы, и даже успела сделать несколько шагов к лестнице, когда в спину ударило:

— Можете занять свою прежнюю спальню, я выбрал себе другую.

Щеки обдало жаром, и я порадовалась, что мэйн не видит моего лица. Вот было бы весело, завались я на хозяйскую кровать...

Глаза слипались, и путь наверх я практически не запомнила. Помню только, что пришлось возвращаться за оставленным внизу чемоданом, но Рэйнер моей беготни, похоже, даже не заметил — так погрузился в раздумья. Потом было бесконечно долгое разоблачение — расстегнуть платье без Тильды оказалось крайне сложно, а она так и не сменила гнев на милость — натягивание сорочки и, наконец, мягкая постель.

И мне даже поспать удалось. Секунды три перед тем, как стены задрожали от ритмичных ударов и раскатистого:

— О-м-м-матанда-а-а-ариос-схи-и-и-индроту-у-ур-р-р-р-р.

Застонав, я накрылась подушкой, но учгунжские напевы звучали будто прямо в моей голове. А потом и кровать всколыхнулась, словно на нее запрыгнул крупный кот, и с меня нагло стянули одеяло.

— Не смотри, не смотри, — шептала я, плотнее прижимая к лицу подушку.

— Юта.

— Не смотри, и они уйдут.

— Мы скучали.

— О-м-матур-р-р-ринда-а-а-атума-а-а-а-а...

— Юта.

— Поиграй с нами.

Мой хлипкий щит все же отобрали, пусть и не с первой попытки. Призрачным детским ручкам удержать материальный объект вдвойне труднее, но эти уж если вцепятся — сопротивляться бесполезно, силы там немерено. Я упрямо зажмурилась.

— Юта.

— Поиграй с нами.

— Юта.

— Мы скучали.

По щеке скользнули холодные пальцы, и я, вздрогнув, все же распахнула глаза. На прикроватной тумбочке тут же вспыхнули свечи, озаряя склонившиеся надо мной пухлые детские мордахи, обрамленные умильными кудряшками. Розовые бантики, рюшки и оборки. И самые жуткие улыбки из всех, что можно встретить в Арве-мал-Тиге.

— Юта-а-а-а, — протянула Нелли.

— Мы скуча-а-а-али, — вторила ей сестра-близняшка Холли.

— Поиграй с нами.

И вслед за одеялом с кровати стянули уже меня. За ноги.

Глава 6

Глава шестая, в которой дом приветствует блудную дочь, а блудная дочь сопротивляется

— Бом! Бом! Бом!

Я не сразу поняла, что это не в голове звенит от удара затылком об пол, а кто-то колотит черпаком по кастрюле, почти заглушая гортанные напевы.

— Бом! Бом! Бом!

Скорее всего, один из подопечных Катрин. Вскоре к гулкому звону добавились более глухие удары — кажется, обычной палкой сразу по нескольким тазам. А это любимый «инструмент» горничных. Имен большей части прислуги я так и не узнала, но хоть раз да видела каждого, потому живо представила наглых девиц, дружно музицирующих на этом банном рояле.

— Бом! Бом! Бом!

— Да чтоб вас...

Потирая шею, я осторожно села и огляделась. Моей спальней тут и не пахло — пусть темнота и мешала рассмотреть подробности, но силуэты мебели указывали на... детскую.

Проклятье! Паршивки применили ко мне дар!

Неожиданно, хотя закономерно. Отныне я не хозяйка, а потому не защищена от их магического воздействия. Оставалось надеяться, что «поиграть» захотели не сразу все обитатели дома, иначе мне конец.

На ноги я поднималась медленно, побряхывая точно столетняя старуха, и разумеется, тут же наступила на мелкую, но оттого не менее смертоносную игрушку. Ступню пронзила острая боль, я зашипела и со злости пнула дурацкого деревянного солдатика, да только промахнулась и еще несколько секунд балансировала на одной ноге, пытаюсь не упасть. В углу покачнулся черный силуэт рогатой лошадки, и тьма засмеялась на два детских голоса.

— Юта неуклюжая.

— Юта смешная.

Да, безумно смешная и готовая впасть в бешенство.

Выставив руки перед собой и стараясь не отрывать стопы от пола, я пошаркала к двери, но не тут-то было.

— Нечестно! — взвизгнула не то Нелли, не то Холли.

— Мы играем в прятки! — поддакнула не то Холли, не то Нелли.

— Ты должна нас искать!

— Вы качаетесь на лошадке, — пробурчала я, нащупывая ручку.

— А вот и нет, — раздалось совсем рядом, и меня схватили за руки с обеих сторон.

Вспышка, и я уже не в детской, а посреди коридора на первом этаже, между кухней и столовой, а девчонок и след простыл.

— Теперь ты прячься, — прошептала одна из пустоты.

— А мы найдем, — пообещала вторая.

— О-м-м-матанда-а-а-ариос, — провыл какой-то поваренок буквально за стенкой и заколотил в импровизированный гонг: — Бом! Бом! Бом!

Боги, за что мне это...

Благо хоть здесь было посветлее — свечи в настенных канделябрах горели через одну, отбрасывая пляшущие блики на жуткие картины, насколько мне известно, нарисованные Бруно Гантрамом. Глядя на них, я невольно поддерживала выводы Раджинманда о психическом расстройстве — нормальный человек, пусть даже застрявший где-то в самом начале своего развития, не станет

изображать собак с человеческими головами и кукол, душащих людей.

Я поспешила убраться подальше и от картин, и от завываний и звона, и от собственного страха, который впервые за несколько лет решил выбраться из укрытия и явить себя во всей красе. Сердце билось в горле, точно птица в силках, ноги вдруг стали ватными, а на глаза навернулись слезы. Да что со мной такое?

«Надо переждать в лаборатории. Туда они не сунутся. Пересажу до утра...»

Я уже едва не свернула в библиотеку, где за обычным с виду книжным шкафом скрывался путь в подвал, в котором старый некромант и оборудовал лабораторию, как вдруг поняла... Это же не мои мысли! И чувства не мои. То есть не так: чувства как раз мои, но усиленные до предела извне, потому что меня такой ерундой не напугаешь. Демоновы призраки!

Пришлось на минутку остановиться, закрыть глаза и постараться выровнять дыхание.

О способностях старших слуг я узнала далеко не сразу и первое время приписывала странное поведение бегущих из дома живых людей последствиям сорванного ритуала. Но затем нашла краткие характеристики всех отобранных некромантом душ, и все прояснилось. Именно Лорэlea влияла на эмоции гостей, распаяя их до нужной температуры. И именно Аццо ненавязчиво вмешивался в чужое сознание, зарождая правильные с его точки зрения идеи и направляя поток мыслей в определенное русло. Катрин могла заставить любого потеряться во времени и растянуть минуты на часы или сжать целый день до секунды, а Джерт так ловко запутывал тропы и маскировал дом непроходимой чащей, что, пожелай он, и сюда бы вообще никто и никогда не сумел добраться. Только связанный с домом хозяин был огражден от этих даров, и потому прежде мне не доводилось испытывать их на себе...

Что ж, пренеприятнейшие ощущения. Но при должном настрое вполне можно отделить собственные мысли и чувства от насланных, чем я сейчас и занималась.

А ведь это наверняка расплата. Не столько за побег, сколько за целый день, который призраки провели на коротком поводке, чтобы я могла спокойно подписать договор и не переживать, что мэтр Штанге заблудится в трех соснах, а мэйн Рэйнер сбежит восвояси, роняя сапоги и воинские медали. Чего мне это стоило, лучше даже не вспоминать...

Немного успокоившись, я наконец открыла глаза и поняла, что каким-то образом очутилось в гостиной и почему-то не стою, а сижу прямо на полу и поглаживаю пальцами мягкий ворс ковра. Чашки со стола исчезли, и Рэйнера в кресле уже не было, зато его место заняла бледная до синевы Лорэlea. На коленях ее лежала раскрытая книга, в руке плавился огарок свечи, длинные пепельные волосы змеились вокруг головы, точно мы погрузились на дно озера. Старик Гантрам писал, что она утопленница, но такой я даму-библиотекаря видела впервые. На меня явно пытались произвести впечатление.

— И блудная дочь вернулась в родимый до-о-ом, — заунывно начала она, и я скривилась, предвкушая очередной шедевр. Изъяснялась Лорэlea исключительно стихами собственного сочинения, чем порой доводила меня почище игры в учгунжского заклинателя. — Рыдая, припала к отцовскому изголовью. И велено было высечь ее огне-о-о-ом. И сказано было: грех пусть искупит кро-о-овью.

В тот же миг ковер под моими руками вспыхнул пламенем, и я подскочила, каюсь, не сдержав визга.

Демонов дом! Демоновы призраки!

Заключенная в огненное кольцо, я вертелась на месте, пока не поняла всю бессмысленность сего действия. Розоватые, как персиковая кожура, языки пламени поднимались все выше, но не излучали ни капли тепла и тем более не обжигали. Сунув руку прямо в огонь, я пошевелила пальцами и заорала что было мочи:

— Аццо! Прочь из моей головы! Кукиш вам, а не кровь.

Удивительно, но пламя погасло, оставив после себя легкую дымку, из которой и выплыли улыбающиеся мордахи Холли и Нелли.

— Скучная Юта.

— Глупая Юта.

— Мы тебя нашли.

«Как будто я пряталась», — успела подумать я, а в следующий миг загребушие детские ручонки

вновь вцепились в мои запястья.

— Твоя очередь.

— Да сколько мож...

На сей раз меня перенесли в пыльную кладовку, в каких хранят совершенно бесполезный, но отчего-то жизненно важный хлам, и даже умный некромантский дом сия участь не миновала. В углу стояли какие-то доски, на полках лежали тряпки и жались друг к другу боками пузатые склянки. Разумеется, голой ступней я угодила прямо в ведро, благо пустое, но равновесие все равно потеряла, и пришлось ухватиться рукой за стеллаж. Склянки угрожающе звякнули, но устояли.

— Считай до ста, — приказали девчонки и исчезли, а я оглядела свое новое убежище, поумилялась горящими свечками, которые кто-то заботливо оставил на одной из полок, и решила никуда отсюда не выходить.

Не хватало еще носиться по дому в одной сорочке, будто героиня грошового романа ужасов. Плюнув на все, я уселась на пол, подтянула колени к груди и уперлась в них подбородком.

Поскорее бы эта ночь закончилась...

— Грустишь?

Я вздрогнула и вскинула голову. Прямо из закрытой двери торчала носатая и щекастая физиономия Бруно Гантрама и моргала на меня невинными голубыми глазами.

— Грущу, — не стала спорить.

Бруно нахмурился и через секунду прошел сквозь дверь целиком, сразу заняв все свободное пространство кладовой. Какой он все-таки... необъятный.

— Девочек не видела?

Я пожала плечами:

— Они прячутся.

— Опять, — тяжело вздохнул Бруно. — Никакого с ними сладу. Уж я их воспитываю, воспитываю...

Я невольно улыбнулась, вспоминая некоторые сцены воспитания, которым была свидетелем. Да, воспитывал Бруно основательно, как умел, но походило это скорее на игру в дочки матери с куклами.

Не представляю, чем думал старик Гантрам, когда выполнил просьбу сына, но что вышло, то вышло... Вероятно, он слишком часто повторял, что Бруно взрослый и должен вести себя соответственно, и тот, как всегда, воспринял все буквально. Он сам мне рассказал, как пришел к отцу и заявил: «У взрослых есть дети. Я взрослый. Мне нужны дети». И вскоре две умершие от страшной болезни близняшки Холли и Нелли стали этими детьми.

Жуткая семейка, скажу я вам. Сорокалетний папа с разумом ребенка и пятилетние девчонки, явно порожденные не людьми, а демонами...

— А отец твой где? — спросила я.

Бруно еще разок душераздирающе вздохнул и вдруг уселся — точнее завис над полом, скрестив огромные ноги — напротив меня, по пути чуть не опрокинув на нас все содержимое полок. Поразительно, сквозь двери ходит, чтобы удержать материальный объект — напрягается, а по рассеянности сносит все и вся без малейших усилий.

— Тоже прячется.

Я бы тоже пряталась, если бы оказалась заперта в доме со своими пленниками, но раньше старик вроде был посмелее и поактивнее.

— Он теперь все время прячется, — продолжил Бруно. — С тех пор, как человек в синем дал им кровь...

Я задумчиво кивнула, но тут же застыла, выпучив глаза.

— Кто дал? Что дал?!

Человек в синем. Человек в синем! Перед глазами промелькнул добротный сюртук мэйна Рэйнера

насыщенного небесного цвета, и я поджала губы.

— Новый хозяин, — простодушно ответил Бруно. — Всего несколько капель дал, но им хватило.

Так вот чем он расплатился за три часа отлучки, когда ходил за мной. Кровью! Каким же надо быть идиотом, чтобы отдавать призракам такую мощную кровь? Это энергия. Это жизнь. Значит, мне не показалось, и они действительно стали сильнее. Что ж, если до сего момента во мне еще тлело какое-никакое чувство вины за то, что не помогла ему с завтраком, то теперь от него не осталось и следа.

— Спасибо, мэйн Рэйнер, за мою веселую ночь, — сквозь зубы процедила я, забыв, что не одна.

— Веселую? — обрадовался Бруно. — А говорила, что грустишь. Пойду я тогда. Девчонок надо найти. Дети по ночам должны спать.

И не дожидаясь ответа, он провалился сквозь пол.

Я уже говорила, что обожаю призраков?

Полагаю, Катрин тоже не удержалась и поучаствовала в ночных игрищах с вернувшейся блудной дочерью — пошалила со временем, потому что, попыхтев от злости всего-то минут пять, я вдруг услышала заливистое:

— Возрадуйтесь! Новый день настал! Возрадуйтесь! Утро на пороге! Возрадуйтесь! Сегодня никто не умер!

Семь часов.

Цепляясь за полки, я поднялась и осторожно выглянула за дверь. Коридор действительно заливал еще мутный и сероватый, но безусловно солнечный свет. В спокойном воздухе плясали сверкающие пылинки.

Я медленно двинулась вперед, то и дело оглядываясь по сторонам, но нападать из-за угла никто не спешил, и вскоре шаг мой стал уверенным, а на лице расцвела улыбка. «Спасибо, Катрин. Не знаю, помочь ты хотела или наказать, но спасибо».

— Возрадуйтесь! Новый день настал! — надрывались те самые трехглавые каминные часы, но отнюдь не в гостиной, а совсем рядом, за поворотом, в одной из спален. — Возрадуйтесь! Утро на пороге! Возрадуйтесь! Сегодня никто не умер!

— Заткнись, чудовище! — рявкнул в ответ мэйн Рэйнер, затем послышался какой-то звон, а следом: — Какого?!

В спальню я юркнуть не успела — соседняя дверь распахнулась, и оттуда вывалился новый хозяин Арве-мал-Тиге. Босой, растрепанный, в одних штанах. С ног до головы перемазанный кашей.

Мы замерли друг напротив друга, и не знаю, что там отражалось на моем лице — не утихшая злость или жгучее смущение от вида обнаженного торса, великолепного, несмотря на живописно стекающую по нему овсянку, — но на лице Рэйнера явно читалась жажда смерти. Вероятно, моей.

— Что? Что я сделал не так? — прошипел мэйн, и я, расправив плечи, попыталась притвориться, что не стою перед ним растрепанная и в сорочке.

— Вы попросили подать кашу — ее подали.

«Наверняка вывалили всю кастрюлю на кровать».

— Вы попросили вас разбудить — и они выбрали самый действенный способ.

«Скажи спасибо, что разбудили на полчаса позже, и каша успела остыть, так что вляпался ты не в горячее варево».

— Но насчет качества еды можете не переживать. Катрин никогда не приготовит гадость — поварская гордость, знаете ли.

В самом деле, пахло от Рэйнера так, что у меня самой чуть слюнки не потекли. Да, виновата исключительно каша...

Чувствуя себя отмщенной, я вскинула подбородок и наконец скрылась за дверью спальни. Что там ворчал мне вслед мэйн, не расслышала.

Моя кровать, к счастью, не пострадала ни от каких шедевров кулинарии, так что уже через

несколько секунд я свернулась под одеялом, чувствуя, как сверху наваливается тяжелый сон.

И все-таки интересно, зачем Аццо пытался отправить меня в лабораторию?

Глава 7

Глава седьмая, в которой гости незваные, но поразительно своевременные

— Значит, только эти четверо, а остальных призывать бесполезно, — подвел итог получасовой беседы мэйн Рэйнер.

— Можете попробовать, если узнаете их имена. Но прочие подчиняются этой четверке, и все приказы проще передавать через них, — благодушно ответила я и отложила десертную ложечку.

Шоколадный пудинг удался Катрин на славу. Впрочем, как и весь обед из трех блюд, который мы только что благополучно уничтожили.

Уж не знаю, чего это стоило Рэйнеру, но урок он усвоил довольно быстро, и когда я очнулась после шести часов сладкого сна, на зеркале туалетного столика уже красовалось послание. Плевать, что как всегда кровавое, главное суть: через полчаса меня ждали внизу для трапезы. Умылась и собралась я в рекордно короткие сроки, несмотря на отсутствие Тильды, и выглядела почти прилично. Подумаешь, платье слегка измялось, а волосы вместо изящного пучка скрутились в растрепанный кукиш, зато не опоздала. К тому же вряд ли я могла чем-то поразить мэйна, после утренней-то встречи.

К еде приступили молча и первые несколько минут обменивались прищуренными взглядами, но с каждым съеденным кусочком мяса, с каждой ложкой супа и листком салата лицо Рэйнера разглаживалось, а я обретала внутренний покой. Конечно, появившаяся тяжесть в желудке немного подпортила настроение — все-таки блюд оказалось многовато для первого приема пищи за день, — но невероятный десерт исправил положение. Дополнительной радостью стал хозяйский трон, который мэйн широким жестом уступил мне, сам устроившись на принесенном из кухни стуле, что позволило мне взирать на него немного свысока.

Разговор он начал первым, едва утолив самый острый голод, и о былых обидах предпочел не вспоминать. Не то чтобы я сразу все простила и забыла, но мудро решила не нагнетать атмосферу, не отчитывать его за отданную призракам кровь — успеется — и по возможности спокойно отвечала на многочисленные вопросы.

Чего ждать. Чего опасаться. Чем пользоваться. Как обхитрить. Кого избегать. Как бороться.

Очень хотелось между делом невзначай попросить для себя защиты, ибо еще одной такой ночи я могла и не выдержать, но я поостереглась. Единственный успех с обедом не гарантировал, что Рэйнер сумеет четко сформулировать приказ, и если он велит, к примеру, «не обижать и оберегать Юту», призраки будут вправе замучить меня своей заботой до смерти. Так что лучше подождать и вернуться к этому вопросу, скажем, в конце недели. Пусть наберется опыта, а я пока поотбиваюсь своими силами.

Некстати вспомнилось, как я сама пыталась оградить от призраков мужа. Не от большой любви или уважения, просто тогда он виделся мне единственной опорой и едва ли не лучиком света в царстве мрака, хотя он же меня в этот мрак и окунул. Но Арве-мал-Тиге Итана буквально ненавидел. Даже родной прадед, Раджинманд Гантрам, не раз выходил из подполья и пытался его то придушить, то пристрелить, наверняка сожалел, что сам же ввел ограничения на физические увечья живым.

Понятия не имею, в чем крылись корни той ненависти, но свелось все к тому, что муженек раскошелился на магический почтовый ящик, куда и присылал ежемесячное задание, а навещать стал не чаще двух раз в год. Признаюсь, я вздохнула с облегчением. Нет, меня не страшило, что он вдруг потребует исполнения супружеского долга — да хоть бы уже потребовал, сколько можно-то, — просто я устала надеяться. Надеяться, что меня вот-вот отсюда заберут или хотя бы привезут весточку от родни, которая, кажется, совсем забыла о тихой девочке из клана Марейк. А так... не приезжает, ну и демон с ним. Значит, пора рассчитывать только на себя и выбираться самостоятельно.

Что я и сделала, пусть для этого мэтру Итану Гантраму пришлось героически погибнуть в чьей-то чужой постели.

— Госпожа Гантрам, вы в порядке? — прервал мои размышления голос Рэйнера, и я вскинула голову.

Оказалось, я так и сидела, постукивая ногтями по хрустальной креманке, чем, похоже, изрядно его достала. По крайней мере, с каждым «трынь» мэйн отчетливо морщился.

— Юта.

— Простите?

— Зовите меня Юта.

По мне, переход на более... личное обращение был вполне логичен. Во-первых, нам предстояло жить под одной крышей практически наедине — призрачные вредители не в счет. Во-вторых, мы уже лицеизрекли друг друга в самом затрапезном виде: он меня в сорочке, я его в овсянке. Ну и в-третьих, я никогда не мечтала стать одной из Гантрамов и после близкого знакомства с некоторыми представителями сего, как выразился мэйи, почтенного семейства предпочитала лишний раз не слышать это «Гантрам» по отношению к себе.

Было еще и в-четвертых — я здесь немного одичала и все эти политесы искренне считала излишеством.

Мэйи Рэйнер явно разгадал только эту последнюю причину и вновь скривился, но все же кивнул:

— Хорошо. Юта.

Ответной любезности и предложения называть его Вэлтенем, Джакобом, Александром или Готтфридом я не удостоилась. Зачем такая куча имен, если ими не пользуются? Ох, с какой бы радостью я звала его Готтфридом. «Милый Готтфрид, а не пойти ли вам к демонам», — ну просто музыка. Я пару раз мысленно повторила эту фразу и почувствовала себя героиней романа, которая отбивается от навязчивого ухажера...

В реальности же ни от кого отбиваться не пришлось — Рэйнер сам поднялся, чопорно кивнул и сообщил:

— Сегодня я осмотрюсь в кабинете, полистаю бумаги, вдруг найду что-нибудь интересное. — Я уже открыла рот, но он тут же вскинул руку, обрывая так и не начавшуюся речь: — Да-да, вы наверняка уже все там изучили, но могли по незнанию что-нибудь пропустить. Если понадобится ваша помощь, я позову. А пока удостоверьтесь, что ваши... друзья мне не помешают.

И с этими словами мэйи развернулся и помаршировал прочь, а я поняла, что еще чуть-чуть — и креманка в моей руке превратится в горку осколков.

Вот как такому помогать? Я же уже хотела честно сказать, мол, часть бумаг некроманта унесла к себе — ну, почти честно, потому что не унесла и не к себе, а оставила в лаборатории, где им и место, — но всего парой фраз Рэйнер умудрился опять вогнать меня в состояние бешенства. Пусть теперь повернется, ибо в кабинете нет ровным счетом ничего, кроме одного самого невинного дневника старика Гантрама и... ох, проклятье. Моего недописанного романа. Ну да ладно, это я переживу. Да и не докажет он, что приключения лихой контрабандистки Шанталь — моих рук дело.

Внутренний голос — должность сию в отсутствии Тильды, похоже, заняла моя врожденная совесть — твердил, что это нелепо и так я лишь оттягиваю миг освобождения от десятилетнего рабства, но что он понимал, этот голос? Не его только что обвинили в глупости и невнимательности.

Я оставила в покое несчастную креманку, глотнула воды и тоже поднялась. И в ту же секунду по дому разнеслось приглушенное «тук-тук-тук», а следом трехглавые часы, благополучно вернувшиеся из спальни мэйи в гостиную, завопили:

— Открой дверь, женщина!

— Аццо, открой, — в который раз взмолилась я, но ответа не получила.

И просила я открыть отнюдь не парадную дверь, в которую все так же кто-то настойчиво колотил, а кабинетную, за которой скрылся Рэйнер. Я и звала его, и стучала — тщетно. Его будто нарочно оградили от моего внимания... или просто хотели, чтобы незваного гостя встретила именно я.

— Открой дверь, женщина! — вновь заголосило каминное чудовище на три голоса, и я зарычала.

Демонов дом!

Всплеснув руками, я яростно пошагала к парадной двери, но, видимо, слегка перестаралась и топотала слишком громко, ибо, стоило достигнуть цели, как с улицы донеслась звонкая девичья трель:

— Простите за беспокойство, вы там? Я лишь хотела извиниться за папа. Дело в том, что в данный момент он пытается вас ободрать...

Я растерянно моргнула и невольно выпалила:

— Что?

Не сказать чтобы громко, но остротой слуха незваная гостья могла посоперничать с моим дедом, на любом расстоянии улавливающим все ругательства в свой адрес, даже произнесенные шепотом или те, о которых ты едва успела подумать. Вот и эта... выдохнутое слово сквозь дубовую дверь услышала. Летучая мышь, не иначе.

— Ох, как чудесно, что вы дома! — незнамо чему обрадовалась явно молоденькая девица. — Еще раз извините, но я просто не смогла его остановить. Как увидел кирсию, так словно с цепи сорвался. Я уж и оттаскивала его, и умоляла, но папа порой такой упрямый. Говорит, мол, все равно скоро ответит, а так хоть польза будет...

Мне надоело слушать этот поток сознания через дверь и я, вздохнув и заранее сожалея о своей порывистости, потянулась к ручке.

Гостья и впрямь оказалась молоденькой, но отнюдь не юной девочкой. Скорее, девушкой в самом соку — рыжей как лисий хвост, звонкой как музыка ветра, изящной и хрупкой как древняя ваза и подозрительно улыбчивой. Такие становятся «жемчужинами сезона», кружат головы и коллекционируют разбитые сердца страстных вьюношей. А потом выходят замуж за обеспеченных господ вдвое старше и рожают новых рыжих, звонких и улыбчивых на зависть таким как я, безлико русым, тусклым и хмурым.

И Тильда меня называла хорошенькой? Похоже, мы обе слишком давно не выбирались в люди и не видели истинной красоты.

— Здравствуйте, — просияла незнакомка, словно ей сам император явился, и зачем-то разгладила и без того идеальную юбку нежно голубого платья. — Прощу прощения за вторжение, но...

— Думаю, на сегодня покаяний довольно, — перебила я.

Вовсе не из благородства, просто почувствовала, что еще одно «простите- извините» — и я начну драться. Гостья... раздражала. Так и хотелось захлопнуть дверь прямо перед ее носом, и плевать, кого там обдирает в нашем саду некий папа. И кстати, что еще за папа? Когда стало немодно правильно ставить ударение в словах? По-хайдски девица изъяснялась вполне внятно и без акцента, и только это клятвое «папа» резало слух.

До меня вдруг дошло, что это может оказаться вовсе не степень родства, а имя, но тут гостья чуть отступила, открывая вид на подъездную дорожку, и всякие сомнения отпали. Огненно-рыжий мужчина лет сорока, увлеченно обдирающий бутоны кирсии с куста у самого крыльца, мог быть только ее отцом.

На нас он не обращал никакого внимания, а цветки осторожно складывал в огромную прозрачную склянку, которую трепетно прижимал к груди. Я удивленно хмыкнула и... переступила порог.

— Зачем ему кирсия? — спросила, с любопытством наблюдая за процессом «обдиранья».

Насколько я знала, кусты были совершенно бесполезны. Расцветали по весне первыми, благоухали излишне сладко, так что голова кружилась, и угасали в первый же месяц. «Отличная метафора для жизни некоторых красоток, — пронеслась мысль. — Надо вставить в книгу о Шанталь».

Да, и обязательно ввести в сюжет рыжую девицу, которая говорит «папа» и беспрестанно извиняется.

— О, кирсия — невероятное растение, — заявила меж тем потенциальная соперница моей отважной героини. — У нас на родине на основе ее лепестков и пыльцы готовят множество лечебных снадобий. А еще считается, что каждый бутон — это след, оставленный отошедшей в иной мир душой. Кусты и растут-то в основном у кладбищ, но в Хамранте все иначе. Только возле вашего дома и нашли...

Видимо, глянула я на нее как-то особенно злобно, потому что гостья стушевалась и затараторила:

— Вы не подумайте, мы не собирались вламываться, даже ворот никаких не заметили. Просто гуляли, искали травы для папа, а он у меня как задумается, так и заблудиться может. Вот и очутились здесь, и кирсию увидели, и он...

— Да-да, — взмахнула я рукой, — сорвался с цепи.

— Простите...

Я прищурилась.

— Извините, — совсем сникла девица, но тут же встрепенулась. — Совсем забыла представиться!

Прошу про... то есть... эм... Лена Эморри. А это мой отец...

— Который сам в состоянии представиться, — пробормотал мужчина, уткнувшись в банку и вдыхая аромат лепестков, отчего голос прозвучал гулко. — Аугуст Эморри, ваш новый доктор.

— Мой? — растерялась я, и Аугуст Эморри наконец поднял лицо.

Даже с высоты крыльца я разглядела, насколько оно грустное. Будто разум его круглые сутки бился над решением мировых проблем и никак не находил ответа, и осознание тщетности усилий печальной дымкой навеки заволокло зеленые глаза. Уголки губ опустились под тяжестью вселенских бед, а аккуратную рыжую бородку словно только для того и отрастили, чтобы скрывать горестно подрагивающий подбородок.

Впрочем, говорил доктор Эморри совершенно спокойно и, кажется, даже попытался улыбнуться, но чуть искривившийся рот положение не спас.

— Может, и ваш, — пожал он плечами. — Но вообще я открыл кабинет в Хамранте.

— Папа очень хороший врач, — не преминула вставить младшая Эморри, на что ее отец лишь поморщился:

— Лена...

— Правда-правда! И вы не слушайте эти сплетни, людям делать нечего, вот они и треплют языками, а проклятия никакого нет. Это, наоборот, благословение!

— Лена! — вновь попытался приструнить дочь доктор Эморри, но, похоже, эта девица не могла молчать дольше нескольких секунд.

Хотя, если честно, любопытство мое так разыгралось, что я уже и не хотела, чтобы она замолкала.

— Проклятье? — невинно уточнила я, переводя взгляд с печального отца на взбудораженную дочь.

— Благословение, — упрямо поправила она. — Говорю же, не слушайте болтунов. Мы раньше в столице жили, а там любят уродовать правду. Думали, на новом месте будет проще, но слава вперед папа прибежала.

«История семейства Эморри за пять минут». Я едва не закатила глаза.

— Так чем же благословил Анико вашего батюшку?

Доктор предпочел вновь зарыться в куст, а Лена нервно поправила рыжие кудряшки.

— Папа знает, где он нужен. То есть не знает... чувствует. И приходит заранее. Но когда с каждым его появлением кто-нибудь получает травму и начинает вопить «Помогите! Врача!»... Это, знаете ли, не способствует народной любви. — Она вдруг наморщила лоб, будто что-то вспоминая, и наконец выдала явно чужую фразу: — Люди путают причину и следствие.

Ну разумеется.

Любопытство было удовлетворено, и я потеряла к нарушителям всякий интерес, но совершенно не представляла, что делать дальше. Пожелать приятного дня и скрыться в доме, позволив доктору и дальше терзать куст, а его дочурке маяться на солнце? Или пригласить внезапных гостей на чай?

Вести светские беседы я была не в настроении, но зато начала переживать насчет слухов, которые непременно поползут, если болтушка Лена где-нибудь ляпнет про хозяйку Арве-мал-Тиге. Хорошо, если горожане решат, что мэйн Рэйнер привез с собой жену, но пара мелких деталей вроде вдовьего наряда, и...

Так что, похоже, придется все же вытерпеть чаепитие и в процессе намекнуть Лене Эморри, что обо мне лучше не упоминать. В конце концов, ее отец тоже пострадал от сплетен, должна понять.

Оставалось надеяться, что Аццо соизволит подать чай. «А может, удастся даже уговорить его слегка подправить их мысли», — мечтательно подумала я и уже открыла рот, чтобы озвучить вымученное приглашение, как вдруг из недр дома донесся жуткий грохот.

Доктор Эморри чуть не выронил драгоценную банку и как-то обреченно вцепился в ее округлые бока, Лена подскочила, а я устало обернулась на открытую дверь.

— Помогите! Врача! — заорали внутри.

Заорал отнюдь не мэйн Рэйнер, но голос показался смутно знакомым.

Я невольно глянула на доктора — лицо его словно стало еще грустнее, если такое вообще возможно. Но теперь я понимала истоки этой вселенской печали.

Глава 8

Глава восьмая, в которой все неприлично, но приличия соблюдены

Было странно наблюдать, как порог Арве-мал-Тиге переступают совершенно посторонние люди. Такого не случилось... ну, если не брать в расчет день, когда мэйн Рэйнер осматривал потенциальное жилье, и собственно день продажи, то почитай с первого года моего здесь пребывания. Тогда-то я еще приглашала слуг да тех самых горе-заклинателей для очистки дома от скверны, плюс мэтр Штанге периодически навещался, но потом все же отчаялся выкачать из молоденькой дурехи хоть какие-то монеты. Еще так называемый муж приезжал, но его вряд ли можно отнести к посторонним, даже при всей нелюбви к нему здешних обитателей.

Итан, кстати, всегда входил в дом с опаской, чуть ли не в полуприседе, и сбежать старался поскорее, порой прихватывая с собой и меня для какого-нибудь крайне важного мероприятия в столице. Сразу было видно — муженек знаком с местным колоритом не понаслышке и рисковать не намерен.

Эти же ввалились в фойе как пресловутые слоны в посудную лавку, не подозревая о затаившейся внутри опасности. Даже грустный доктор Эморри хоть и не сменил выражения лица, но двигался решительно, словно собрался с силами и приготовился к встрече с любым врагом, будь то болезнь или саблезубый монстр.

Почему-то именно это убедило меня в его врачевательском таланте, о котором так распиналась Лена.

На секунду он замер, поглаживая свою ненаглядную склянку и явно пытаюсь определить, куда идти дальше. Благо пострадавший решил не ждать, когда у доктора сработает внутреннее чутье, и вновь подал голос.

— На помощь! Кто-нибудь! — донеслось из... библиотеки.

Аугуст Эморри тут же устремился на зов, Лена горной козой поскакала следом, а я немного растерянно побрела за ними. Какие самостоятельные гости...

Библиотека встречала нас распахнутой настезью дверью, опрокинутым шкафом и распростертым под ним мэтром Одо Штанге. Живописно присыпанный томиками поэзии и свитками с древними эпосами, он тихонько подвывал щебету птиц за окном и вяло трепыхался, без особого толку пытаясь выползти из-под полок. Каждое движение, видимо, отдавалось болью, потому вой периодически становился чуть громче. Доктор Эморри оценил обстановку за доли секунды и, нехотя вручив мне банку с лепестками, шагнул к пострадавшему:

— Лена, помоги.

Для столь хрупкой девицы Лена оказалась на удивление сильной, и похоже, ей не впервой было помогать отцу. Вдвоем они споро подняли стеллаж и тут же в четыре руки прижали к полу активно заизвивавшегося мага.

— Не дергайтесь, — неожиданно строго велел доктор. — Надо убедиться, что спина не пострадала.

Мэтр замер. Мне даже на миг показалось, что лишился чувств, но нет — стоило шагнуть ближе, и я увидела, как он моргает круглыми от испуга глазами.

Пока Лена — вынуждена отметить, довольно бережно — убирала в сторонку книги и свитки, доктор Эморри водил над мэтром Штанге руками, излучавшими слабый зеленоватый свет. Я наблюдала за действием с непритворным интересом, ибо сама к целителям обращалась только за порошком от мигрени, а матушкины невроты лечили исключительно за закрытыми дверями.

Аугуст Эморри впечатлял. Диагностика заняла у него считанные мгновения, затем зеленое сияние сменилось розоватым, а докторские ладони зависли над откопанной из-под книг ногой.

— Вам повезло, переломов нет, как и внутренних повреждений. Но лодыжку и плечо вы ушибли знатно. Не шевелитесь пока, будет жечь.

Я так увлеклась, наблюдая, как с мэтра стягивают сапог и закатывают штанину, а потом впиваются пальцами в его бледную волосатую ногу, что даже не услышала шагов. Потому постыдно подпрыгнула, когда у самого уха раздался недовольный голос мэйна Рэйнера:

— Что здесь происходит?

— Все вопросы потом, — немедленно отозвался доктор, не отрываясь от пациента. — Мне нужна тишина.

Рэйнер заскрипел зубами, а Лена Эморри при виде нового действующего лица вскочила, зарделась и присела в реверансе. Я прямо чувствовала ее желание извиниться, но приказ папа оказался важнее, потому она лишь покаянно улыбнулась и сложила идеальные бровки не менее идеальным домиком.

Я хмуро покосилась на Рэйнера, ожидая узреть глуповато-восхищенное выражение, кое появляется на лицах всех мужчин, стоит какой-нибудь красавице вот так улыбнуться. Конечно, опыт мой ограничивался лишь несколькими балами в далеком прошлом, зато еще и множеством прочитанных романов, и не могут же все авторы столь дружно и складно врать? Однако мэйн скользнул по девице Эморри равнодушным взглядом — точно равнодушным, мне было с чем сравнить, ведь затем он уставился на меня. В серых глазах заштормило так, что удивительно, как в меня молнии не полетели. И с чего, спрашивается? Как будто я их всех пригласила!

Но вдруг до меня дошло, что Рэйнер мог неправильно все понять...

— Они живые, — одними губами произнесла я, не решаясь нарушить творимое доктором волшебство, и кажется, мэйн слегка успокоился.

И на Лену Эморри посмотрел с куда большим интересом.

Проклятье.

А вот тот, кого сосредоточенность целителя должна была волновать более всего, отчего-то сохранить молчание не смог. Изогнув шею, мэтр Штанге отыскал мэйна взглядом и попытался повторить покаянное выражение лица Лены, однако в его исполнении бровки домиком не так умиляли.

— М-м-мэйк Рэйн-н-нер, — промямлил маг, — а я т-тут вас искал.

«Ага, минуя парадный вход», — злорадно подумала я, но Рэйнер лишь нахмурился, ибо явление гостей пропустил и пока слабо представлял, кто откуда взялся.

Тут мэтр Штанге перевел глаза на меня, на пару секунд замер — наверное, с такого ракурса узнавалась я не сразу, да и эффект неожиданности никто не отменял — и отчетливо икнул.

— Г-г-гос... — начал он, но мэйн предпочел не ждать, пока болезный выдавит мое имя.

— Госпожа Гантрам вернулась по моей просьбе — разобраться с документами ее семьи, найденными в доме.

— А к-как же...

— Компаньонка при ней, о приличиях, многоуважаемый мэтр, можете не переживать.

Я моргнула. Компаньонка?

— Смилуйся, Анико, взрослые же люди, помолчите хоть минуту! — не выдержал доктор Эморри, ладони его вспыхнули алым, и мэтр Штанге дернулся и застонал.

Рэйнер не то пристыженно, не то обиженно поджал губы, а Лена прошептала:

— Вы лучше выйдите, я позову, когда папа закончит.

Теперь мы с мэйном удивленно моргали на пару. Нас выставляют из нашей же библиотеки? То есть не «нашей», конечно, но все-таки нашей...

Я фыркнула, намереваясь врасти в пол намертво, а Рэйнер вдруг схватил меня за локоть и потащил прочь.

— Штанге явно влез через окно, — прошипела я, едва мы оказались вне зоны слышимости, но он все не останавливался и волок меня дальше. — А эти двое явились подозрительно вовремя! Якобы новый городской доктор и его дочурка... может, они в сговоре и...

— И пытаются таким ловким способом выкрасть из библиотеки жизнеописание Хеорга Одноглазого, — перебил мэйн. — Ведь путей полегче не существует. Кстати, данный свиток я бы и добровольно отдал любому вору. Хеорг был на удивление скучным типом, даже глаза лишился, уснув за столом и упав лицом на наколку для бумаг.

Наконец мы остановились посреди гостиной, и я вырвалась из его хватки и хотела было упереть

руки в бока, но обнаружила, что до сих пор нежно обнимаю докторскую банку с лепестками кирсии.

— Это не повод оставлять посторонних в библиотеке!

— Заметьте, в моей библиотеке, — ухмыльнулся Рэйнер. — Вам вот я позволяю по всему дому шастать, и ничего. Хотя, чувствую, когда-нибудь я об этом пожалею. А тут уважаемый доктор с милой дочерью...

— Якобы доктор, — упрямо буркнула я, хотя ни капли в этом не сомневалась, и едва не добавила «и совсем не милой», но это было бы уже чересчур.

— Вы же видели его дар. И да, я вспомнил, что встречал его в Хамранте. Доктор Эм... что-то ка «Эм».

— Эморри, — недовольно подсказала я.

— Точно.

— А Штанге вас тоже не волнует?

— С мэтром разговор будет отдельный, — посерьезнел Рэйнер. — Но это подождет — вряд ли он рискнет убежать тем же путем, что влез в дом. А пока... я хотел бы кое- что обсудить с вами.

— Чаю, — донеслось справа, и я, вздрогнув, обернулась.

В дверях стояла вполне себе материальная Тильда с заставленным всякой всячиной подносом. Гордая, как королева в тылу врага, и неприступная, как девственница в присутствии родителей.

Я перевела взгляд на мэна, увидела на его шее знакомый до каждой царапинки кулон и без сил рухнула в так кстати подвернувшееся кресло. Лепестки в банке подпрыгнули и вновь опустились на дно.

— У нас гости, Тильда, — сообщил Рэйнер, — так что чай подашь позже. На пятерых.

Она покладисто кивнула и без слов удалилась. Поразительно. Мне, чтобы отделаться от этой занозы, подчас приходилось самой скрываться.

— Итак... — Рэйнер выдержал эффектную паузу. — Тильда привязана к артефакту материализации.

Я кивнула, хотя он не спрашивал.

— Это тоже дело рук некроманта?

Как будто кто-то другой на такое способен.

Еще один кивок.

— Зачем ему понадобился призрак, который может обретать форму?

Ох...

Надеюсь, я не слишком покраснела.

В миг нашего знакомства Тильда произнесла фразу, которую я поняла далеко не сразу:

— Смотрю, молодой Гантрам весь в прадеда.

Это было первое, что мне вообще сказал кто-либо из обитателей дома, и в тот момент меня терзало сразу несколько вопросов. Во-первых, молодой? Шестнадцатилетняя я искренне полагала, что тридцатипятилетнему Итану в пору выбирать не жену, а местечко на кладбище, и все же вот она я, в супружеском ложе, благо хоть в одиночестве. Во-вторых, в каком смысле «в прадеда»? Видала я этого прадеда на портрете — ничего общего, кроме цвета глаз, и муж еще радовался, что тщедушность и крысиные черты Раджинманда никому из потомков не передались. Сам Итан был сложен как виармонтская статуя, даром что почти старик — любоваться им это не мешало, за что я и поплатилась. Ну и в-третьих, что это за полупрозрачная девица зависла над кроватью и так внимательно меня разглядывает? Мама!

Мама на помощь не пришла, девица исчезать не торопилась, и я заорала. От души, во всю мощь юного организма. В те дни я вообще много и со вкусом вопила: убегая от руки Аццо, уворачиваясь от кустов в саду, оживших стараниями Джерта; заглушая горестные ночные завывания Лорэлей, прячась от разыгравшихся близнецов и получая очередной «завтрак в постель» от Катрин.

За несколько недель дом почти свел меня с ума, а потом появилась Тильда, едва не став финальным аккордом в мелодии моего помешательства, но в итоге оказавшись спасительницей. Не помощницей — все-таки справиться с Арве-мал-Тиге мне пришлось самостоятельно, — а некой точкой опоры, благодаря которой меня не так сильно мотало из стороны в сторону.

А ту свою фразу Тильда пояснила много позже. Молодым она Итана назвала в сравнении с прочими представителями семейства Гантрам, а что касается сходства с прадедом... Вот тут и кроется причина моего смущения, ибо, к своему стыду, я подумала совсем не о том.

Когда я высказала свои предположения, Тильда хохотала целую вечность.

— Ты правда решила, будто старый пень, как и твой идиот, был охоч до молоденьких? — все-таки выдавила она, когда смогла издавать внятные звуки. — Да он женщин до сих пор боится как огня! Только подглядывать и может, извращенец. И сыночка учит плохому.

Бруно действительно проявлял нездоровый интерес к моим ежедневным утренним процедурам, но воспринимать его как мужчину я не могла даже в первое время, а уж когда узнал получше — тем более. Старого же Раджинманда я за сим занятием и вовсе никогда не ловила, однако Тильде поверила безоговорочно.

Оказалось, молодая островитянка, глупо погибшая под копытами лошади, едва прибыв на большую землю, понадобилась некроманту вовсе не для постельных утех, а для мелких поручений в городе, а самое главное — чтобы сдерживать жену, которая нет-нет да рвалась проведать великовозрастного детину Бруно. При всех своих странностях, направлять на супругу грубую мужскую силу Раджинманд считал зазорным, но вот стравить ее с особой бойкой и не уступающей в габаритах

— это запросто.

— Разрешил в случае чего даже волосенки ей повыдергивать, но в дом не пускать, — хмыкнула Тильда. — Вот и говорю, твой такой же. Спрятался за спиной девчонки и хочет решить проблемы ее руками.

Я не думала, что Итан прячется за моей спиной — в конце концов, про Арве-мал-Тиге он мог просто забыть и не приближаться к нему на пушечный выстрел, а меня привязал к дому, только чтобы не сбежала. Но насчет решения проблем Тильда была права. Муж многого рассчитывал добиться моими руками. И добивался, пока не умер.

В общем, от воспоминаний о моей развратной версии взаимоотношений служанки и некроманта щеки обдало жаром, и я понадеялась, что мэйн Рэйнер не столь испорчен.

— Затем же, зачем и мне, — наконец ответила я, — ходить в город, встречать внезапных гостей, которых почему-то не остановил Джерт, помогать во всем... Остальные привязаны к конкретным предметам в доме, а ситуации бывают разными, непредвиденными...

— Вы покраснели, — заметил Рэйнер.

— Неправда.

— Вы сливаетесь с обивкой кресла.

Я глянула вниз — кресло подо мной было насыщенно алым.

— А ведь краснеть положено вам, — вскинула я голову, разозлившись. — И не стыдно шариться по чужим вещам?

Мэйн нахмурился:

— Не понял.

— Все вы поняли. Откуда у вас артефакт?

Он инстинктивно дотронулся до кулона и тут же опустил руку.

— Нашел утром на прикроватной тумбочке. Собственно, и в кабинет удалился, чтобы спокойно разобраться с его свойствами, раньше было не до того.

Я удивленно моргнула:

— Призраки не могли его достать. Они вообще не могут к нему прикоснуться.

Как и забраться в сейф — в этом плане он почти так же неприступен, как некромантская лаборатория, о чем позаботился отнюдь не Раджинманд, а я сама. Спасибо его многочисленным

записям, хоть на что-то сгодились.

— А вы не думали, что как часть дома и один из предметов, к которым привязаны призраки, кулон мог сам переместиться к новому хозяину? — с кривой усмешкой уточнил Рэйнер. — Вот как он к вам попал?

Ко мне... ко мне кулон свалился прямо в ванну, и я едва не захлебнулась, пока барахталась и цеплялась за скользкие края, искренне полагая, что это очередная подлянка призраков и вода сейчас станет ядом и сожжет мне кожу. Но со всеми здешними причудами такому появлению очередной волшебной штучки я даже не удивилась и не стала разбираться, откуда что взялось.

Наверное, Рэйнер прав, но что-то меня все равно смущало, и я подозрительно прищурилась:

— И Тильда так просто пошла на контакт?

— Ничего себе просто! — воскликнул мэйн. — Я ее добрый час уговаривал представиться и только потом смог добиться какого-никакого послушания.

Час?

Я бросила взгляд на трехглавого каминного монстра. Большая стрелка уверенно приближалась к цифре «пять», и я чуть слышно выругалась, ведь казалось, гости явились сразу после обеда, едва мэйн скрылся в кабинете...

Демонова Катрин!

От возмущения я подскочила и нервно прошлась вокруг кресла.

Что за игру затеяли призраки? Почему пропустили, а скорее, даже заманили в дом доктора с дочкой? Почему не помешали влезть мэтру Штанге? Точнее, похоже, все-таки помешали, но слишком поздно. К чему это смещенное время? Зачем Тильда потакает Рэйнеру? Ведь я как никто знала, что она вполне способна сопротивляться любым приказам.

Если честно, мне начинало казаться, что и Рэйнер здесь появился неспроста, а мне просто милостиво позволили продать ему дом, ибо это входило в какой-то тайный план коллективного разума.

Да, именно план, а не очередное развлечение, и это до ужаса пугало...

— Надо посмотреть, как там гости, — не выдержала я и вперила в мэйна тяжелый взгляд, готовая отразить любые возражения.

Но он покладисто поднялся:

— Кстати, не просветите, откуда взялись все эти люди и что за банку вы так трепетно баюкаете на груди?

Ответить мне не дали — за спиной раздалось легкое покашливание и раздражающе звонкий голосок:

— Простите... Папа закончил, мэтр Штанге чувствует себя прекрасно. Даже готов был откланяться, но мы сочли, что это невежливо. — Я обернулась, и Лена Эморри слегка попятилась и пробормотала: — Извините.

— Ну что вы, — оживился мэйн Рэйнер и на удивление быстро и плавно очутился подле нее, словно перетек из центра комнаты напрямик под арку, соединявшую гостиную и фойе. — Вам не за что извиняться. Мы всегда рады гостям, не так ли, госпожа Гантрам?

Ответа от меня не требовалось — к слову, Рэйнер на меня даже не оглянулся, задавая вопрос, и продолжил разливать с соловьем:

— С удовольствием выпьем с вами чаю и послушаем, как вы оказались в нашей глуши. О вашем батюшке в столице ходят легенды, неужто кудесника так легко отпустили в Хамрант? Ах, да, позвольте представиться. Мэйн Александр Рэйнер, с недавних пор хозяин этого чудесного дома.

Значит, все же Александр... Пока он лобызал губами протянутую ручку онемевшей от восхищения юной девы — невыносимо прекрасной в тающем дневном свете, — я злорадно думала, что имя Готтфрид подошло бы ему гораздо лучше. Никогда не назову мэйна Александром, даже если разрешит. Пусть это останется прерогативой всяких докторских дочек.

После короткого обмена любезностями сладкая парочка, совершенно позабыв про меня, устремилась в библиотеку, а я еще пару мгновений размышляла, стоит ли идти следом, но в

конечном итоге сдалась.

Кто бы знал, как в тот момент мне хотелось пополнить местную коллекцию мертвяков одним или двумя экземплярами...

Глава 9

Глава девятая, в которой все еще слишком много вопросов, но некоторые секреты придется раскрыть

Это было самое странное чаепитие из всех, на каких мне только доводилось присутствовать — включая ночные посиделки на чердаке с близнецами, их безглазыми куклами и рукой Аццо, подающей нам пустые фарфоровые чашки.

Для начала, я совершенно не запомнила, кто нас обслуживал. Кто подливал чай, менял опустевшие стараниями мэтра Штанге тарелки с закусками и приносил все новые и новые десерты (похоже, Катрин решила за один вечер компенсировать все годы, что лишала меня сладкого, и ради кого?). Гости, понятное дело, тоже обслугу не видели, однако, в отличие от меня, их сия странность ни капли не волновала. Я порой тоже забывалась, но знание подноготной Арве-мал-Тиге все же сказывалось и приводило в чувство, вызывая закономерные вопросы. Откуда у меня в руке печенье? Когда успели зажечься свечи? И почему, демон его задери, мэйн Рэйнер столь легко управляется с домом и призраками?! Меня они никогда так не слушались...

Я откровенно нервничала и злилась, и в этом помогал второй раздражающий фактор: Рэйнер целиком и полностью сосредоточился на Лене Эморри. Я бы не назвала это флиртом и сомневалась, что человек-тетива в принципе способен флиртовать, но все его улыбки и реплики были направлены исключительно на нее... не то чтобы в ущерб другим присутствующим. Доктора растольная беседа, кажется, вообще не интересовала, а вот красноватые листики неизвестного мне растения, которыми Катрин украсила тарелки с пирожными, — другое дело. Парочку он даже сунул в карман, не особо таясь и не заботясь о сахарной пудре, что тут же белым налетом улеглась на черную ткань сюртука. А мэтр Штанге тем временем разрывался между острой потребностью оправдаться и впечатляющей грудью Тильды, так и притягивающей его взор.

Да, а вот и третья проблема. Моя «компаньонка». Полагаю, мэйн велел ей придерживаться именно этой роли, потому она и не подавала чай — просто пришла и молча уселась на диван рядом со мной с видом престарелой храмовницы, вынужденной бдеть за нерадивыми юнцами, которым впервые показали женщин и объяснили, что с ними можно делать.

И похоже, меня одну смущало, что (не учитывая годы посмертия) Тильда была на несколько лет младше меня, и даже ее внушительные формы этого не скрывали. А уж если вспомнить про мой вдовый статус, то нам и вовсе впору было меняться ролями — из меня бы получилась просто каноническая компаньонка.

Неужели сидящая рядом молодая девица и правда способна как-то спасти ситуацию и оградить меня от слухов? Я, конечно, и сама буквально вчера пыталась отмахнуться от поездки наедине с Рэйнером под предлогом отсутствия служанки, но не думала, что все действительно так просто. В данном мне образовании этому вопросу уделялось непозволительно мало времени — или я слушала недостаточно внимательно, — а в прочитанных книгах компаньонки всегда были стары, строги и умудрялись упустить подопечных в самый неподходящий момент, дабы какой-нибудь расторопный господин мог уложить трепещущее тело юной девы перед камином...

Я встряхнулась и вернулась к действительности, успев уловить конец очередного излияния мэтра Штанге:

— ...наглядная демонстрация. Так что я, конечно, прошу прощения за напористость, но это лишь попытка уберечь вас от беды. Тем более раз теперь в доме живут столь прелестные особы...

Взгляд его вновь утонул в довольно скромном вырезе мышинового платья Тильды, и маг едва не облизнулся. Очень хотелось напомнить ему, что те же самые прелестные особы жили в доме и раньше, последние лет десять, однако прежде мэтр отчего-то не стремился столь наглядно продемонстрировать дыры в охранном контуре Арве-мал-Тиге — именно этим он объяснял свое незаконное вторжение.

Объяснял страстно и неумолчно, добрых полчаса, хотя ни я, ни мэйн Рэйнер объяснений не требовали и не упрекнули его ни словом, ни взглядом... Ладно, может, взгляды сдержат мне все же не удалось. В любом случае, если маг что и продемонстрировал, то только симптомы той самой горящей на воре шапки. Уверена, если бы не присутствие Тильды, глазки бы его нервно бегали по сторонам, а скомканным платком он бы вытирал не слюни, а вспотевшие от напряжения зальсины.

Не знаю, о чем там все это время думал мэйн Рэйнер — или хорошенькая мордашка в обрамлении рыжих локонов вовсе лишила его мозг данной функции, — но лично меня тревожил не столько сам факт вторжения, сколько мотивы допустивших это вторжение призраков. Или не допустивших, а... организовавших?

Тем более, судя по тому, где мага постигла неудача, стремился он явно туда же, куда этой ночью меня пытался отправить Аццо. В лабораторию некроманта. Могли ли разочарованные моей неподатливостью призраки найти другую жертву? Нет, не так. Безусловно могли, но как далеко распространяется их власть? И почему тогда мэтр Штанге не сумел избежать бесславного столкновения с книжным шкафом?

В нелепую случайность верилось слабо, но и дельных мыслей в голову не приходило, потому, когда за гостями закрылась дверь, я вздохнула с облегчением и расслабилась, а вот Рэйнер, наоборот, сбросил показную веселость и напрягся.

— Что могло понадобиться этому шуту? — процедил он, скрестив руки на груди и хмуро уставившись в окно, за которым по подъездной дорожке медленно удалялась в сумерки разношерстная троица.

Интересно, маг тоже пришел пешком или оставил лошадь в отдалении, дабы не испортить сюрприз?

— То есть в версию мэтра Штанге вы не поверили? — усмехнулась я. — Как же так! А ведь пообещали, что закажете ему обновление защиты.

— Во-первых, я пообещал лишь сообщить о своем решении к концу недели, — отмахнулся мэйн. — И сообщу: что нанял для обновления столичного заклинателя, который как раз к тому времени и прибудет. А во-вторых, по-вашему, надо было устроить разбирательство при посторонних?

— Мне показалось, вы с милой Леной довольно быстро перестали быть посторонними. Поразительное родство душ...

Я честно пыталась скрыть нотки раздражения, но вряд ли успешно, и уж не знаю почему, но Рэйнера мое брюзжание только развеселило.

— Это не повод в первый же день демонстрировать ей свою суровую сторону, — хмыкнул он.

«А у вас есть другие?» — хотела спросить я, но вслух озвучила другое:

— И вас не смущает, что мэтр может повторить попытку, если уж ему что-то понадобилось в на... вашей библиотеке?

— Меня смущает, что его никто не остановил, — вновь нахмурился Рэйнер и произнес: — Призываю Аццо.

Произнес как-то так... буднично. Слово это самая естественная фраза в мире, и он выдает ее по сто раз на дню вот уже лет двадцать.

— Я здесь, мэйн.

Еще одно новшество. Мне о своем присутствии призраки сообщали стонами, ветром или грохотом — как повезет. Впрочем, много я и не требовала, не считая существенным.

— Вы знали о вторжении? — приступил Рэйнер к допросу.

— Да, мэйн.

— С какого момента?

— Едва господин маг перебрался через забор.

— Кто-нибудь пытался его остановить?

— Никак нет, мэйн.

— Почему?

— Не было распоряжений, мэйн.

— А как же распоряжение охранять дом? Или человек, проникший на чужую территорию тайком, не вызвал у вас подозрений?

— У всех свои причуды, мэйн. Иные хозяева рады любым гостям, через какие бы щели те ни проникали.

На этом месте, надо сказать, я даже крикнула, не ожидая от всегда лаконичного дворецкого такой многословности и такого ехидства. Это на что он намекает?

— Тогда зачем же вы обрушили на бедного гостя шкаф?

— Господин маг крайне неуклюж, мэйн.

Я почти поверила. Почти. Вот только зависшая за спиной Рэйнера Тильда, уже утратившая материальную форму, в этот миг не удержала невозмутимую маску и красноречиво закатила глаза.

Итак, сегодня еще одного призрака ждет допрос с пристрастием. Хватит прятков — если Тильда не явится сама, придется вспомнить пару нечестных, но безотказных приемов...

На мой решительный вид она отреагировала лишь поднятой бровью, а потом и вовсе показала язык и исчезла. Что ж, одно радовало: вопреки моим опасениям, смена хозяина, похоже, не так уж сильно на нее повлияла и не превратила в послушную марионетку, а значит, вся эта чопорность и услужливость — не более чем игра. Разговорить упрямую девицу это вряд ли поможет, но меня грела мысль, что годы некоего подобия дружбы не позволят ей бросить меня во тьме неведения. В доме творилось что-то странное, и я должна была понять, что именно. И на других союзников рассчитывать не приходилось...

Задумавшись, я почти не слушала последние указания мэйна. Кажется, он велел отныне сообщать обо всех ожидаемых и неожиданных визитах и за сим отпустил Аццо.

Сказать или нет, что стоило уточнить принадлежность визитеров к роду человеческому?

— Есть какие-то соображения?

Я подняла на Рэйнера взгляд и пожала плечами:

— Я никогда до конца не понимала их мотивов. Знаю только одно: мы для них пленители, и откровенности или помощи ждать не стоит.

— Даже если я пытаюсь их освободить? — удивился он. — Это же в их интересах.

— А вы пытаетесь? — усмехнулась я. — По-моему, ваша главная цель — очистить дом. Что при этом станет с призраками — дело десятое, и они об этом никогда не забудут. Да и вдруг на самом деле вы ищете способ завершить ритуал старика Гантрама и стереть их личности, чтобы получить свое идеальное жилище? Как видите, у них полно поводов для сомнений и недоверия. К тому же думают они не так, как мы.

— Смотрю, вы долго об этом размышляли. — Мэйн отошел от окна и задумчиво уставился на опустевший кофейный столик.

— Надо же было чем-то занять эти десять лет.

— Сколько? — вскинулся он.

— Итан Гантрам взял меня в жены и запер здесь в шестнадцать.

— Запер? Что вы...

— Знаете, я, пожалуй, обойдусь без ужина, — перебила я, уже жалея, что ответила столь подробно. Пороки и поступки мужа — не самая любимая моя тема. — Имейте это в виду, когда будете отдавать распоряжения. Полагаю, вы вернетесь к обыску кабинета, и моя помощь пока не нужна?

Говорила я спокойно, с легкой улыбкой, хотя к горлу уже подкатывала желчь. Ну и чего, спрашивается, расстроилась? Тоже мне, великий повод. Ублюдок мертв, а я скоро буду свободна — так кто из нас победил?

Пару мгновений Рэйнер лишь смотрел на меня, сдвинув брови, потом словно очнулся и кивнул:

— Не нужна.

— Тогда позвольте откланяться. Если возникнут вопросы, я буду у себя.

Ответа я дожидаться не стала и с гордо поднятым подбородком направилась к лестнице, чтобы через несколько шагов остановиться от оклика:

— Юта. Вам, должно быть, тяжело без служанки.

Не веря собственным ушам, я медленно обернулась. Каким-то немыслимым образом Рэйнер оказался прямо за моей спиной. Стоял, смотрел пристально и протягивал кулон.

— Я просто хотел понять его свойства и даже не думал лишать вас подруги.

— С чего вы...

— Десять лет. Я же не идиот. — На лице его расцвела озорная ухмылка, совершенно преобразившая строгие черты. — К тому же Тильда без умолку вас нахваливала.

Долго уговаривать меня не пришлось — в кулон я практически вцепилась и тут же защелкнула замочек цепочки на шее.

«Врет, шельмец, — раздалось в голове в следующий миг. — Я лишь один раз сказала, что ты не так плоха, как кажется на первый взгляд. Сомнительная похвала».

«Я скучала», — не стала врать я, и ощутила в ответ странную волну тепла — не то отклик Тильды, не то мое собственное облегчение...

— Спасибо, мэйн, — произнесла я вслух. — Это много для меня значит.

— Зовите меня Александр, — милостиво разрешил Рэйнер, и я наконец искренне и широко улыбнулась:

— Ни за что.

Его вытянувшееся лицо стоило всех моих переживаний. Настроение взмыло ввысь, и по лестнице я поднималась, едва ли не насвистывая.

«Пороть тебя надо было, — тяжело вздохнула Тильда. — Чтоб совесть не впала в спячку».

«А ты на что? И вот сейчас, совесть, мы поговорим».

Шанталь выразительно изогнула бровь и томно изогнула спину.

— Нет, сэр Артур: наглой лестью вы меня не получите!

— А угрозами? — коварно улыбнулся сэр Артур. — В темнице сыро и страшно, вряд ли там вам понравится больше, чем в моей постели, но если я шепну королю о ваших делишках...

— Пишешь?

Сквозь стол и испещренную буквами страницу просунулась огромная голова Бруко Гантрама, и я слегка отстранилась.

— Пишу, — вздохнула, откладывая перо.

Настроение для творчества было совсем неподходящее, но лишь оно помогало мне собрать мысли в кучу, и сейчас я в этом нуждалась как никогда. И пусть сцена выходила дурацкая, потом все переделаю, главное встряхнуться.

Бруно поднялся повыше и взглянул на исписанный лист прямо сквозь свое прозрачное тело.

— Почему Шанталь не хочет полежать в постели сэра Артура? Там явно лучше, чем в темнице. Темница же от слова «темно»?

Да, несмотря на прочие отклонения, читал он прекрасно, даже если текст вверх тормашками. И порой это его умение казалось мне самой ужасной ошибкой природы. Бруно любил мои истории. И вмешиваться в процесс их создания тоже любил.

— Да, милый, но в постели тоже может быть темно.

— И сыро и страшно?

— И сыро и страшно.

— А вот здесь повтор! — радостно воскликнул он, тыча толстым пальцем в нужное место. — Изогнула-изогнула. Ты говорила, что повторы — плохо.

— Точно, спасибо. — Я подчеркнула неудачное предложение, чтобы потом заменить, но Бруно и на этом не успокоился:

— Когда уже появится великий герой и спасет Шанталь от коварных злодеев? Ты обещала назвать его в мою честь.

Обещала, но если честно, слабо представляла великого героя по имени Бруно. На самом деле под этой страницей лежала еще одна, посвященная как раз появлению спасителя. Звали его Александр, он любил кашу и откидывал черные кудри со лба изящным жестом. Черные? Нет-нет, я же

собиралась сделать героя блондином...

— Прости, Бруно, пока Шанталь придется спасаться самостоятельно, иначе она ничему не научится.

«Как тонко подмечено», — пробухтела Тильда, все еще немного обиженная после не особо удачного допроса.

Как правило, я предпочитала писать без кулона, ибо ее насмешки и советы были еще хуже простодушных вопросов и замечаний Бруно, но сегодня решила сделать исключение. Во-первых, действительно соскучилась и так и не смогла унять страх, что мэйн забрал артефакт навсегда. А во-вторых, ждала, когда Тильда перестанет дуться.

Обиделась она на недоверие. Я, видите ли, была обязана принять за истину ее слова о том, что в доме ничего не затевается. Мэтр Штанге? Всего лишь недоразумение. В библиотеку его провел старый некромант, шутки ради, а остановил Аццо, бдящий за порядком. В первый раз, что ли, эти внутрипризрачные дрызги? Зачем втягивать в них хозяев. А доктора с дочуркой и вовсе пропустили ради компании для нас с мэйном. Дескать, мне не повредит живая подруга, а Рэйнеру и вовсе пора о семье задуматься, о детишках, вдруг да сладится у них с Леной Эморри.

К концу разговора я так озверела, что начала покрикивать вслух и опомнилась, только когда в висках застучали молоточки боли. В итоге Тильда, оскорбленная в лучших чувствах, ушла в подполье, а я, так и не успев задать всех вопросов, схватилась за перо.

«Мир?» — спросила теперь, обещая самой себе больше не срывать. В конце концов, если она не хочет о чем-то говорить, никакая истерика этого не исправит.

«Я подумаю».

«Расскажешь, что у Рэйнера в голове?» — навскидку поинтересовалась я.

«Железный блок у Рэйнера в голове, — пробормотала Тильда. — Я об него полдня билась, но только мигрень заработала».

«У тебя не может быть мигрени», — рассеянно отозвалась я и нахмурилась.

Не то чтобы я надеялась узнать мысли мэйна, но это был единственный плюс пребывания у него кулона. При жизни Тильда обладала уникальным даром проникать в чужой разум — думаю, за это некромант и выбрал ее в личные помощницы, — однако после привязки к артефакту кое-что изменилось. Мы много экспериментировали и смогли установить двустороннюю связь, и еще она с легкостью читала мои поверхностные мысли, а вот более глубокие и потаенные слои для нее стали недоступны. С Рэйнером же, получается, Тильда даже поговорить мысленно не смогла. Хотя чему удивляться... военных наверняка и не от таких умельцев защищают всевозможными блоками.

Впрочем, новость скорее радостная — у меня оставался козырь в рукаве, о котором мэйн ни сном, ни духом.

— Ты не пользуешься даром, — внезапно произнес все еще торчащий из стола Бруно, и я вздрогнула.

Совсем про него забыла.

— Прости?

— Буковки и символы вокруг тебя такте тусклые. А раньше почти ослепляли. — Он поморщился. — Это плохо. Папа говорит, если откажешься от благословения, благословение откажется от тебя.

Символы... да будь они прокляты эти символы.

Резко отодвинув стул, я встала и раздраженно прошлась по комнате.

Признаюсь, иногда мне хотелось увидеть свой дар глазами Бруно. Он рассказывал, что вокруг Лорэлеи разноцветными волнами вихрятся эмоции, Джерт весь оплетен тропами, будто девичьими лентами, а над головой Катрин вращаются стрелки часов. Ну а у меня вот... символы.

Наверное, это красиво. Наверное, если бы я их увидела, боль стала бы не такой острой.

— Ну и ладно, — пробормотала я не то себе, не то Бруно.

— Если откажешься от благословения, благословение откажется от тебя, — как заведенный повторил он. — Нужно пользоваться даром. Анико ничего не дает просто так.

«Наш дурачок прав, — неожиданно серьезно заговорила Тильда. — Сходи в лабораторию, покопайся в заданиях ублюдка Итана. Ему пользы уже не будет, а ты растрясешь дар».

А вот это уже интересно. Сначала Аццо пытается отправить меня в лабораторию, потом туда же лезет мэтр Штанге, ведомый кем-то из призраков, а теперь и Тильда решила подтолкнуть... Конечно, был шанс, что она действительно лишь обеспокоена состоянием моего дара, но прежде он ее никогда не волновал, даже наоборот — Тильда, как и я, считала, что лучше б меня и вовсе ничем не благословляли.

«Что там такое в лаборатории?» — строго спросила я, но ответа не услышала.

— Тук-тук, — вдруг отчетливо произнес Бруно и, провалившись вниз, исчез, а в дверь постучали.

Тук-тук — коротко и уверенно. Даже если б этот дом принимал посторонних, я бы все равно узнала нежданного гостя.

«Мы еще не закончили», — уверила я Тильду и шагнула к двери.

Открывала с какой-то затаенной тревогой и... волнением. Этого еще не хватало!

— Не потревожил? — сухо улыбнулся мэйн Рэйнер.

Я мельком оглянулась на исписанные полной чепухой страницы и скривилась.

— Ничуть. Возникла какая-то проблема?

— Скорее... вопрос. Понимаете, я внимательно изучил кабинет и прошелся по библиотеке, и вот ведь странность — не нашел ни единой книги по некромантии.

— И в чем вопрос? — севшим голосом уточнила я.

— Полно вам, Юта. Это дом практикующего некроманта, ученого, экспериментатора, совершившего безнравственное, но великое открытие, и не осталось ни одной записи? Ни единого клочка бумаги с расчетами? Никакой литературы по теме? В жизни не поверю. — Рэйнер вскинул бровь и скрестил руки на груди, и мой желудок перевернулся. — Так вы проводите меня в его лабораторию, или мне начать ломать стены?

Глава 10

Глава десятая, в которой поэзия не радуется, а мертвецы шлют письма

В лабораторию я шагала как на эшафот: чинно и благородно, но внутренне содрогаясь от страха и судорожно пытаюсь припомнить, в каком виде там все оставила. Если честно, я не думала, что новый хозяин вообще отыщет вход в святая святых некроманта, и решила не тратить время на уборку потайной комнаты — его и так было в обрез, едва хватило на основные пункты плана побега. И не то чтобы я такая уж неряха, но за эти годы мое убежище от призраков слегка... захламилось. Я старалась поддерживать чистоту, все-таки проводила там чуть ли не каждую вторую ночь, и все же почему-то казалось, что зрелище нас ждет не особо приятное.

Рэйнер исправно изображал сурового конвоира, по дороге не проронив ни слова, ни улыбки, и только когда мы добрались до библиотеки, слегка скривил губы:

— Стоило догадаться. Уж не лаборатория ли привлекла мэт... — Внезапно свет погас, и мэйн осекся.

По забитым книгами стеллажам скользнули серебристые отблески луны — я и не думала, что уже так поздно, — в темных углах зашелестело, и под потолком, словно просочившаяся с верхнего этажа вода, растекся заунывный голос:

— Кто потревожил мой покой? Кому не спится в час ночной? За каждый пропуск безопасный Пожертвуй каплю влаги красной.

— Серьезно?

Я закатила глаза и повернулась к растерявшемуся Рэйнеру:

— Нет, просто прикажите не мешать. И кстати, о красной влаге. Не давайте им, пожалуйста, крови, пока я не уеду. Вы как хозяин сейчас ограждены от их влияния, но ко мне и к прочим не привязанным к дому применять способности они могут, а от крови становятся сильнее. — Я помолчала. — Это неприятно.

— У призраков есть способности? — заинтересовался он.

Еще один экспериментатор на мою голову.

— Те же, что были при жизни, — буркнула я. — Подробнее почитаете, когда попадем в лабораторию.

— Не слушай злыдню, господин. Пожертвуй кровь и проходи.

— Призываю... — Рэйнер засомневался. — Это Лорэля?

— Здесь только она стихами разговаривает.

— Призываю Лорэлю, — закончил он.

— Я здесь, несу исправно службу И вмешаю всем хозяйским нуждам.

Я мысленно застонала. Вслух нельзя — иначе потом придется сутки напролет слушать призрачные поэмы... а если Лорэля еще и до эмоций моих вновь доберется, я вообще свихнусь.

— Для начала зажги свет, — объявил меж тем Рэйнер.

Полыхнуло так, что я на миг зажмурилась. Загорелись, наверное, все до единого магические светильники в комнате — приборы капризные и установленные только в библиотеке и лаборатории. Видимо, свечи для книг и записей некромант счел опасными. Или же у него были проблемы со зрением, ибо сияние этих штук с легкостью могло прожечь глаза до самого мозга.

— Меньше света! — приказал Рэйнер.

Полагаю, ему радужные пятна вокруг на несколько минут тоже были обеспечены.

Комната вновь погрузилась во мрак. Проморгавшись, я разглядела лишь тусклый огонек где-то меж книжных полок.

— Лорэля, — прорычал мэйн, — верни тот уровень освещения, который был, когда мы сюда вошли.

Наконец библиотека озарилась приятным розоватым свечением.

— Спасибо, — вздохнул Рэйнер, потирая глаза. — Никакой красной влаги не будет, не мешай нам. И... я запрещаю применять к Юте Гантрам твой дар. Это понятно?

— Понятно, — неожиданно совсем не поэтично проворчала Лорэрея, и по комнате промчался сквозняк.

Рэйнер повернулся ко мне:

— Ведите.

Смирившись с судьбой, я угрюмо протопала к левой стене с нишами для свитков, отсчитала третий свиток справа на третьей полке и подняла его вверх как рычаг. Раздался щелчок, и стеллаж с одного края чуть выехал вперед.

— Прошу. — Я отступила и взмахнула рукой, предоставляя мужчине право тягать тяжести.

Рэйнер хмыкнул, но без возражений шагнул в образовавшуюся щель и толкнул превратившийся в дверь шкаф. Тот заскрипел и нехотя поддался.

— Осторожнее, там почти сразу ступеньки, — из чистого эгоизма предупредила я.

А ну как упадет и свернет шею, а мне потом разбираться с еще одним вредным призраком.

— Благодарю. — Рэйнер огляделся, быстро схватил ближайший светильник — сияющий шар на резной ножке — и без страха ступил во тьму.

Я со вздохом двинулась следом, чтобы через мгновение упереться в невидимую стену. Даже не упереться, а со всего маха врезаться в нее лбом — аж в ушах зазвенело. А может, и не только в ушах, но хотелось верить, что голова у меня все же не чугунная. Ну что опять не так?

— Вы в порядке? — Рэйнер успел спуститься на несколько ступеней и теперь стоял, подняв светильник и внимательно меня разглядывая.

Из темноты, будто из черной воды, торчали только его рука с дурацким розовым шаром и бледное лицо.

— Нет, — пробормотала я, потирая уши. — Не понимаю, что...

«Попытаться стоило, — раздался в голове подозрительно веселый голос Тильды. — Кулон снимите, непутевая».

Я, теперь уже сама, стукнула себя по лбу и зашипела. Проклятье! Точно непутевая. Пыталась пройти в связке с призраком.

Оставлять кулон на виду не хотелось, пусть я и знала, что тронуть его могут только живые, но деваться было некуда. Разве что бежать в кабинет и прятать в сейф, но даже я понимала, что предосторожность излишняя. Да и Рэйнер, судя по лицу, уже был готов послать меня к демонам и пойти вниз один. Ну уж нет, я должна своими глазами увидеть, что такого важного там стряслось.

«Расскажешь потом», — хохотнула Тильда, и я наконец сняла цепочку.

Оставив артефакт на одной из полок, я беспрепятственно миновала проем. Рэйнер тут же развернулся и молча продолжил спуск, а я взмолилась всем богам, чтобы за время моего отсутствия в некромантских чертогах не завелся какой-нибудь монстр.

Что ж, могло быть и хуже.

Да, по случаю с кулоном Рэйнер наверняка без слов понял, что призракам сюда ходу нет, а потому скомканное одеяло и подушки в углу с головой выдавали мою трусость и ночные отсидки в безопасном убежище. Да и стопка грязных тарелок на полу в центре полустершейся зловещей пентаграммы меня не красила, а среди гор бумаг, из-под которых и стола-то не было видно — огромного лабораторного стола,

— наряду с некромантскими выкладками вполне могли обнаружиться истории приключений моих бедовых героинь. Но в остальном комната выглядела... как и положено берлоге безумного ученого.

На серо-зеленой доске с меловыми развозами висел все тот же листок с гениальной идеей про умный дом, только соус уже высох. На полках громоздились книги — моими стараниями отнюдь не так аккуратно, как в библиотеке. Застекленные шкафы ломались от склянок и свертков с ценными ингредиентами, за минувшие годы наверняка пришедшими в негодность, а письменный стол

радовал глаз кучей непонятных металлических шуток, которые до сих пор покачивались, вращались и шелкали. Когда-то эти звуки меня успокаивали — порой, оставаясь в спальне наверху, я даже уснуть не могла без этого мерного «клаи, — шелк-вжих».

Рэйнера, похоже, заинтересовали именно таинственные приборы — глаза его вспыхнули не хуже развешанных по стенам светильников, и он уже шагнул было к возжеленной цели, как вдруг наше внимание привлекла красная молния, прошившая бумаги на лабораторном столе.

Мы оба замерли, а затем я ринулась в центр комнаты и безжалостно разгребла по сторонам заполненные буквами и символами листы, освобождая... «подарок» мужа.

Магический почтовый ящик.

Внешне он не впечатлял — обычная шкатулка из черного дерева, без единого украшения, но мэйн, кажется, сразу понял, что перед ним, и, прищурившись, склонился над столом.

Из-под гладкой, как лысина Бруно, черной крышки вновь вырвалась алая вспышка, словно вскипело какое-то колдовское варево, и рассеялась в воздухе.

— Кажется, вам письмо, — усмехнулся Рэйнер, а я сглотнула.

Потому что написать сюда мог только один человек, и он уже восемь месяцев как скончался.

Глава 11

Глава одиннадцатая, в которой внешность обманчива, слава героев преувеличена, а Юту никак не оставят в покое

Впервые я встретила Итана Гантрама в день своего шестнадцатилетия. Для меня он давно перестал быть праздником и ничем не отличался от прочих дней в году, а уж для моей семьи и подавно. За пять лет до этого родители произвели на свет еще одну дочь, которая уже радовала их и дедушек с бабушками поразительным пророческим даром, так что обо мне вспоминали лишь в редкие минуты меланхолии и в основном в контексте неоправданных ожиданий.

Но как бы ни были виновны окружающие, собственной вины я тоже никогда не отрицала, ибо сама загляделась на взрослого привлекательного мужчину на прогулке в парке, сама с ним столкнулась — в какой-то мере нарочно — и сама же сглупила, ринувшись собирать вырвавшиеся из его рук и разлетевшиеся по тропинке листья.

— Госпожа, — пыталась привлечь мое внимание Анта — горничная, по велению родителей следившая за моим поведением в общественных местах. — Негоже вам...

Но я, игнорируя замечания и слабые попытки хрупкой женщины поднять меня на ноги, все равно ползала по земле наравне с незнакомцем и собирала пожелтевшие от времени страницы.

Теперь я понимаю, что Итан наверняка намного раньше рассмотрел мой дар — когда я, замечтавшись, читала древние надписи на памятниках или одними губами проговаривала позабытые заклинания, выбитые на камнях вокруг дворца, — и та наша встреча была тщательно спланирована. Однако прошлого не изменить, и тогда я, подняв один из листков, пробежалась глазами по выцветшим символам, пораженно ахнула и вернула его хозяину со словами:

— Очень красиво.

И ни на секунду не задумалась, что юной девице, да и вообще никому из живых, знать мертвый, утраченный язык пвархов вообще-то не положено. По крайней мере, не на том уровне, чтобы с одного взгляда понять сложное стихотворение.

Я по сей день помню те строки, как ни пыталась вытравить их из головы. И вспыхнувшие азартом глаза будущего мужа помню — он сомневался, но я подтвердила самые смелые его догадки.

Ухаживал Итан без особого задора, очевидно, сочтя меня легкой добычей. Наверное, не без оснований. Да, как я уже говорила, он казался мне чуть ли не старцем, но безумно привлекательным и интересным, а о его предпочтениях я узнала много позже — когда клан Мареик уже получил откуп, а пышное свадебное платье какой-то там десятиюродной сестры, сбежавшей с кузнецом и не дошедшей до алтаря, подогнали по моей угловатой фигуре.

Ранним утром шестого летнего дня, за пару часов до похода к жрецу, Итан Гантрам без опаски раскрыл мне свой великий замысел. Не добровольно, разумеется. К тому моменту служанки успели нашептать о нем столько всего, что я со свойственным юности пылом буквально набросилась на жениха. Я кричала, обвиняла и требовала правды.

Требовала и получила.

Итан обещал мне свободу от гнета семьи и безбедную жизнь. Он говорил, что я уникальна, что последний человек, способный читать на любом языке, жил несколько веков назад, а куда обо мне никто не знает, то и дар этот послужит только нам двоим.

— Маги древности были непобедимы, — убеждал он. — Их знания в силах возвеличить любого, но на расшифровку одной страницы какого-нибудь завалящего гримуара уходят годы, а ты можешь переводить их пачками. У меня есть доступ к записям. Есть возможность бывать на раскопках, собирать по миру самые загадочные манускрипты... Помоги мне их постичь. Помоги возвеличить род Гантрамов, и я отплачу сторицей. Уже сегодня я заберу тебя отсюда, и больше никто из живых не посмеет тебе указывать.

Что ж, в этом муженек не обманул. Живые мне более не указывали, зато от мертвых я получила сполна.

Я знала, что сила мага в основном зависит от его наследия — записанного не только в крови, но и в толстых книгах в виде заклинаний. Однако лишь с появлением в моей жизни Итана Гантрама поняла, как далеко способен зайти человек в погоне за властью.

Война стихий, отгремевшая много столетий назад, подчистую стерла несколько языков, и муж как

одержимый принялся собирать пока не расшифрованные записи. Под знаменем короны, естественно, якобы для составления общедоступных словарей. Но словари пополнялись на несколько слов в месяц, а гримуар Итана Гантрама, регулярно присылавшего мне задания, раздувался не по дням, а по часам.

Первое время я по глупости думала, что работа над переводом как-то мне поможет, просветит, но дары Анико так обманчивы. Понимать увиденный символ — не значит сознавать его глубинную суть, и я превратилась в некое подобие этих заводных механизмов на столе старого некроманта. В бездумного исполнителя. Клац-щелк-вжих.

В какой-то мере муж был прав, привязав меня к Арве-мал-Тиге, иначе я бы давно сбежала. Полагаю, не найдись у его семьи столь занимательного дома, меня бы держали на цепи в подвале.

Вот вам и свобода от гнета родни. Если честно, не так уж они меня и угнетали.

Воспоминания об Итане иглами впились в виски и заставили на миг зажмуриться. Рука замерла над крышкой черной шкатулки, не решаясь ее приподнять.

— Юта, — неожиданно ласково позвал Рэйнер, и я вскинула голову. — Хотите, я открою?

— Нет-нет, я сама. Спасибо.

«Распустила сопли, — мысленно обругала я себя голосом Тильды. За эти годы мы так срослись, что и в ее отсутствии я неплохо представляла все, что островитянка могла мне сказать. — Там, конечно, ничего хорошего, но наверняка много интересного. Открывай, не томи».

И я наконец открыла ящик.

Внутри обнаружился привычный прямоугольный сверток, скрепленный черно-синей охранной печатью Итана (воронья голова с пишущим пером в клюве), созданной на основе одного из переведенных мною заклинаний и настроенной исключительно на меня. Именно в таких свертках муж присылал мне задания. Я аккуратно достала его и провела пальцами по шершавой коричневой бумаге.

Итан никак не мог ничего прислать. Он давно мертв, и неделю назад перед моим побегом ящик молчал...

— Там еще что-то, — заметил Рэйнер, и я заглянула в шкатулку.

На дне действительно лежал белый листок с рядами витиеватых букв.

«Сия посылка найдена среди вещей покойного Итана Гантрама, второго придворного мага его императорского величества, Клауса Сиятельного, с инструкцией отправить ее по указанным координатам. Ввиду безымянности получателя и невозможности вычислить точное место назначения на проверку безопасности содержимого ушло непозволительно много времени, за что Министерство военных сухопутных сил приносит свои глубочайшие извинения. Надеемся на понимание и снисхождение.

С пожеланиями всех благ и мирных дней,

МВСС Аделхайда и министр О. Верго лично».

Я очень старалась, но сдержать истеричный смешок не удалось. О. Верго лично, ну надо же! Как будто мне было дело до того, кто там больше полугода пытался вскрыть печать, но отчаялся и, плюнув на все, решил все же выполнить инструкции моего треклятого муженька. Даже после смерти он не желал оставить меня в покое... Если бы могла, я бы его оживила, только чтобы вновь удавить собственными руками, прикопать в саду, под любимой яблоней Джерта, и каждое утро радостно отплясывать на его могиле.

— Откроете? — спросил мэйн, а получив в ответ лишь злобный взгляд, ни капли не смутился и пожал плечами. — Я не настаиваю.

— Еще бы вы настаивали, — проворчала я и резко сломала печать.

Вскоре из-под коричневой обертки показалась белая кожаная обложка с вытравленными по углам свернувшимися змеями. Мне не нужно было смотреть на название, чтобы узнать книгу, но я все равно сорвала остатки бумаги.

Ублюдок все-таки нашел ее... нашел, но не успел воспользоваться плодами своих многолетних трудов. Я бы рассмеялась, если бы к глазам не подступали слезы.

— Это... — выдохнули над ухом, и я поняла, что мэйн Рэйнер стоит совсем рядом, явно с трудом

сдерживаясь, чтобы не потянуться к книге.

— Легендарный гримуар виармонтского заклинателя Альберога Вишху, о котором мечтает во сне и наяву каждый имперский маг.

— Вряд ли только имперский, — уже спокойнее произнес Рэйнер и все же коснулся черточек и точек, из которых состояло название. — Зачем муж отправил его вам?

Наверное, я могла соврать что-нибудь про хранение, ведь нет места безопаснее дома, полного призраков. Наверное, могла, но не хотела.

— Для перевода, — просто ответила я и повернулась.

Чтобы встретиться с Рэйнером глазами пришлось задрать голову. Он не выглядел удивленным, скорее, задумчивым.

— Чтица, — кивнул мэйн каким-то своим мыслям. — Редкий дар.

— Итан тоже так считал, — хмыкнула я, прижимая книгу к груди.

— Мне сложно представить... — Он прокашлялся. — Сложно представить, что он мог так с вами поступить. Запереть здесь как... как...

— Вы знали Итана Гантрама? — не выдержала я этих заиканий.

— Лично не встречал, но многое о нем слышал. Он единственный из придворных магов отправился на войну добровольно. И единственный из магов-добровольцев не отсиживался в тылу. Без него наши потери были бы даже не в десятки, в сотни раз больше... Потому да, все, что я о нем знаю, не вяжется с обликом мерзавца, способного буквально поработить юную девушку.

А вот теперь я рассмеялась, и даже ни капли не истерично, а весело и искренне. Итан Гантрам умел извлечь пользу из всего, и на войну отправился как раз ради возможности проникнуть на прежде недоступные земли. Конечно, официально наши войска там якобы освобождали народы запада, но порой мне казалось, что это Итан, стоявший за правым плечом императора, нашептывал ему, кого и где надо освободить. Совпадение ли, что именно на западных территориях расположены самые древние захоронения? Совпадение, что через считанные недели после смерти моего супруга наша армия сочла миссию исполненной и отступила?

Я очень мало знала о войне и могла во многом ошибаться, но в героизм Итана Гантрама поверить было крайне сложно.

Впрочем, Рэйнеру я бы все это вряд ли сумела объяснить.

Он молча и хмуро наблюдал за моим весельем, и я постаралась взять себя в руки.

— Простите. Боюсь, в таком случае любые мои высказывания о муже вы воспримете как слова обиженной женщины, потому воздержусь. — Я передернула плечами и сменила тему: — Вы не против, если я изучу гримуар в своей комнате? Вам, похоже, и без того будет чем заняться.

Я кивнула на заваленный бумагами стол, Рэйнер проследил за моим взглядом и поморщился:

— Это точно. А не боитесь его открывать? Маги древности умели защищать свои секреты.

— Мне не впервой. Книга сама подскажет путь к ее сердцу. — Я развернула гримуар к нему обложкой. — Тут надпись даже не на утраченном виармо, это шифр, созданный самим Вишху. Для наследников.

— Вы и его в силах прочесть?

— Уже, — улыбнулась я.

— Тогда не стану задерживать. Время позднее, отдыхайте. — Рэйнер сцепил руки за спиной. — Если... если у меня возникнут вопросы, я к вам обращусь.

И он вновь с тоской покосился на записи некроманта.

— Развлекайтесь.

Прижимая драгоценную книгу к груди, я почти добралась до двери, когда мэйн не сдержался:

— Юта. Думаете, муж вас совсем не любил?

Я обернулась и чуть скривила губы:

— Уверена, вы бы понравились ему куда больше.

И насладившись его растерянным взглядом, наконец покинула лабораторию.

Глава 12

Глава двенадцатая, в которой утро вечера мудренее, а за пределами Арве-мал-Тиге есть жизнь

Просветление снизошло на меня ранним утром, да так резко и основательно, что я подскочила на кровати, не успев толком проснуться, и радостно рассмеялась.

Озарило меня по двум поводам сразу.

Во-первых, я выспалась. По-настоящему выспалась и не помнила ни одного ночного поползновения в мою сторону. То ли так устала, что призраки не сумели меня разбудить, то ли сегодня их больше интересовал засидевшийся в лаборатории мэйн Рэйнер, то ли надо мной попросту сжалились — меня устраивал любой из вариантов.

А во-вторых, я вдруг поняла, что действительно больше не хозяйка этому дому. Я. Не. Хозяйка. Я не привязана к Арве-мал-Тиге, что подтвердила поездка на побережье, а потому... потому могу в любой момент встать и пойти... Да куда угодно пойти! Погулять по лесу за границами владений Гантрамов, добраться до озера за холмом — купаться еще рано, но можно помочить ноги — или отправиться в город, почему нет?

Я так привыкла к удерживающей меня цепи, что, даже продав дом и сбежав, ни на секунду не задумалась об открывшихся перспективах. Просто стремилась убраться как можно дальше и не оглядывалась по сторонам, но теперь... Теперь я здесь гостя, и раз уж вынуждена терпеть воздействие призраков во всей красе, то и благами свободной жизни имею право воспользоваться.

Вот прямо сегодня и воспользуюсь.

— Ты чего подскочила? — удивленно спросила Тильда, из угла наблюдавшая за моими безумными метаниями по комнате. — Едва рассвело.

— Вот и отлично! — воскликнула я, распахивая гардероб. — Раннее утро — лучшее время для прогулки.

Ко мне тут же подлетел призрачный вихрь.

— Далеко собралась?

— В город.

Я придирчиво рассмотрела свои немногочисленные наряды. Тильда успела их отгладить и живописно развесить, чередуя цвета. Черный. Красный. Черный. Синий. Черный. Черные, траурные, платья были самыми новыми. Красное сохранилось с моего последнего бала в столице и для прогулки ну никак не подходило. Оставалось только синее, купленное в лавке готового платья лет шесть назад, когда я окончательно округлилась в нужных местах и перестала влезать в одежду, присланную родителями из дома. Конечно, были еще и простенькие домашние платица, но на то они и домашние, что на людях в них показываться нельзя. И еще на чердаке пылился свадебный кокон, из которого я два часа выпутывалась в свою одинокую первую брачную ночь, да так и не выпуталась и уснула на горе воланов, рюшек и крючков. Мука пострашнее игр с жуткими близнецами.

— С собой возьмешь? — с подозрением уточнила Тильда.

Я скосила глаза на ее полупрозрачную фигуру.

— Материализую только у самого Хамранта, — решила в итоге. — И по дороге ты не будешь донимать меня своими нравоучениями.

— Да когда я тебя донимала?! — возмутилась Тильда.

— Будешь спорить, всю прогулку просидишь в кулоне.

— Ладно, — буркнула она и тоже устала на мои наряды. — Синее?

Я вздохнула:

— Синее.

Довольно с меня траура по собственному мучителю.

Я нацепила артефакт, который вчера чуть не забыла в библиотеке, и, пока Тильда возилась с моими

волосами и с причитаниями затягивала корсет, успела пролистать еще несколько страниц гримуара Вишху.

Пока что книга не оправдывала легенд, коими была овеяна. Виармонтский заклинатель весьма пространно рассуждал о природе магии и миссии магов на земле и изредка разбавлял занудные мысли формулами, схемами и наговорами. Не самыми сложными и совсем не особенными — я как точно за десять лет переводов встречала подобные не раз. Конечно, стоило прочесть до конца, прежде чем делать выводы, но пока все указывало на то, что всю свою жизнь мой муженек гонялся за пустышкой с раздутой славой. Смешно, если вдуматься. Виармы называли такое кармой, а я бы назвала возмездием.

Единственное, что вызывало хоть маломальский интерес, — это упоминание «силы духа». Не в смысле стойкости к невзгодам, а в смысле огромных возможностей души, покинувшей тело — как после смерти, так и при жизни. Вишху практиковал многодневные медитации, во время которых якобы свершал великие подвиги, не сходя с насиженного места, но пока его истории больше походили на заумные притчи с вывернутой моралью.

— Уф, готово, — выдохнула Тильда, и я, закрыв гримуар, подняла глаза.

Несмотря на новую прическу, немного краски на лице и цветное платье, грандиозного преображения не случилось. Но я себе нравилась. Очень нравилась. А значит, день будет хорошим, наверняка.

Главное, чтобы за время моей изоляции, в городе не появился еще десяток Лен Эморри. Боюсь, такой конкуренции не выдержат даже мои горящие радостью глаза и в кои-то веки румяные щеки.

Время завтрака мэйна Рэйнера давно миновало, но его не обнаружилось ни в гостиной, ни в столовой, ни в кабинете, куда я заскочила спрятать в сейф гримуар от греха подальше, ни в библиотеке, куда меня нехотя пропустила Лорэля, ворча о «девах злобных и смесках сдобных». Оскорбленная Тильда тут же ринулась в бой, ругаясь «тощими курицами» и «лохматыми швабрами», с полок полетели книги, едва расставленные по местам после нашествия мэтра Штанге, а я воспользовалась призрачным скандалом и заодно проверила лабораторию, на сей раз даже не забыв снять кулон.

Потайная комната встретила меня идеальным порядком, сложенными аккуратными стопками бумагами — наверняка разобранными по темам и пронумерованными, — и начисто вымытой доской. Даже остатки пентаграммы с пола исчезли, как и мои подушки и тарелки. Стало ясно, что Рэйнер провел здесь всю ночь и теперь наверняка отсыпается, а потому тревожить его не стоит. То есть я бы в любом случае не рискнула вламываться в мужскую спальню, но...

Об уходе следовало предупредить. Во-первых, чтобы меня не заподозрили в побеге, во-вторых, мэйну могло что-нибудь понадобиться в городе, а мне несложно выполнить необременительную просьбу.

Поймав себя на разочаровании от того, что ничем не смогу порадовать всю ночь трудившегося мэйна, я вдруг очнулась и даже головой потрясла. Переживет! Если что, потом может Тильду отправить — поддержание ее материальной формы на расстоянии съедает немало энергии, но Рэйнер куда сильнее меня, а даже я справлялась. И с чего мне так приспичило ему угодить?

Еще раз оглядев сияющую чистотой лабораторию, я вернулась в библиотеку — в эпицентр бабский грызни. Хоть в этом призраки не отличались от живых.

Явившая свой бледный и растрепанный лик миру Лорэля парила под потолком, извергая обидные рифмы, а Тильда носилась меж стеллажами и швыряла в нее тома бессмертной классики. Поднять ей удавалось далеко не каждый, но ярость придавала сил, и каждая третья книга улетала в цель. Лорэля охала, хваталась за сердце, заламывала руки и пыталась поймать свои сокровища.

Мне хватило пары минут этого цирка, затем я нацепила кулон и объявила:

«Я ухожу, а ты как знаешь».

Могла бы и вслух, но меня вряд ли бы услышали за царившим вокруг гомоном, да и подставлять Тильду перед другими не хотелось — ее и так порой дразнили послушной собачонкой. Пусть лучше сочтут, что она мудро решила первая замять скандал и отступила добровольно.

— Мы еще не закончили, смердятина болотная! — рывкнула Тильда, сводя на нет все мои усилия, и развеялась.

В следующий миг в голове раздался ее голос:

«Зато теперь швабре будет чем заняться. Рэйнер же хотел, чтобы ты их отвлекала. Пусть красавчик отоспится».

Я закатила глаза, надеясь, что она не станет таким же образом «отвлекать» и остальных. Иначе дом не выстоит...

За главными воротами — узорчатыми и неоправданно помпезными, учитывая общую негостеприимность дома — подъездная дорожка Арве-мал-Тиге перетекала в петляющую меж деревьев тропу, достаточно широкую, чтобы протиснулся экипаж, а дальше впадала в накатанный тракт, что тянулся вдоль кромки леса, соединяя далекую столицу с нашим милым Хамрантом. Насколько я знала, на данный момент население города насчитывало меньше полутора тысяч человек, но он все равно считался одной из главных достопримечательностей империи, ибо раскинулся у самого Лиутского леса. Святого, как провозгласил не столь давно его величество Клаус Сиятельный, исцелившийся в этом лесу от смертельного недуга. Провозгласил, а заодно запретил Хамранту разрастаться, а подданным — строить на святой земле.

Мне в этом виделось очередное влияние вездесущего мэтра Итана Гантрама, унаследовавшего единственный на сегодняшний день лесной дом и не желавшего, чтобы какие-то там соседи прознали о его тайнах. Конечно, вряд ли Арве-мал-Тиге подпустил бы к себе навязчивых зевак, даже поселись они под каждым деревом, но Итан всегда был перестраховщиком. Его даже близость города тревожила, а вот мне на втором часу прогулки подумалось, что как-то далековато этот Хамрант, и может, ну его?

«Слабачка», — фыркнула Тильда, когда я устроила очередной привал, дабы полюбоваться полями и сопками.

Солнце уверенно ползло вверх по небосклону, раскаляя весеннюю зелень, и я лишний раз порадовалась, что решила отказаться от траурного одеяния — плотного, душного и притягивающего солнечные лучи, как хорошенькая девица ухажеров. Сшитое из более легкой и светлой ткани синее платье идеально вписалось в теплый день и давало надежду, что в город я приду еще не окончательно промокшей от пота.

«Расскажешь, о чем вы с Рэйнером говорили в лаборатории?» — неожиданно спросила Тильда.

«Расскажешь, как призраки узнали, что мне пришло послание с того света, и зачем вам нужен гримуар?» — не осталась в долгу я.

Надо отдать должное, лгать и изворачиваться подруга не стала. Просто промолчала, избавив и меня от необходимости отвечать.

«Хватит расслаиваться, — наконец пробурчала она, не выдержав и минуты тишины, — платье помнешь. Город уже за поворотом, а там уж устроишься с удобствами в какой-нибудь едальне, ведь не позавтракала даже...»

И я не стала напоминать о нашем уговоре про «никаких нравочений», ибо в ворчании Тильды слышалась исключительно забота, а уж такая роскошь на мою долю выпадала нечасто. С улыбкой я поднялась с земли, отряхнулась, выбросила травинку, которую успела расщепить на тонкие усики, и через пятнадцать минут действительно уже вышагивала по улице Хамранта. Рядом гордо плыла материализованная Тильда.

Город уже проснулся и, наверное, жил бы своей привычной размеренной жизнью, кабы не наш нежданный визит, привлечший нездоровое внимание общественности. Разумеется, я догадывалась, что стараниями семейства Эморри и мэтра Штанге весть о совместном проживании бывшей и нынешнего хозяев Арве-мал-Тиге уже не только весь Хамрант облетела, но и наверняка просочилась за океан. Собственно, потому и рискнула сунуться в город — какой теперь вред, раз жернова слухов запущены? К тому же Тильду, последние годы выполнявшую мои поручения за пределами дома, здесь знали как даму строгую и не дающую спуску никому, что должно было осадить самых языкастых злословов.

И все же наше явление во плоти вызвало слишком уж бурный интерес.

На нас... глазели.

Главная из немногочисленных сплетенных воедино улочек Хамранта, усыпанная разномастными лавками, как лицо Лены Эморри веснушками, не то чтобы бурлила, но не замирала ни на миг. До нашего прихода. Теперь же каждая булочница, швея и прачка, каждый торговец и все до единого покупатель, как местные, так и прибывшие издалека в надежде отхватить кусочек святости, стояли

в нелепых позах, торчали из окон и дверных проемов и провожали наше триумфальное шествие ошеломленными взглядами. Несколько шагов нам удалось сделать в гробовой тишине, а затем все разом отвернулись, и город захлестнула волна шепотков.

— Что не так? — нахмурилась я и на всякий случай оглядела нас с Тильдой сверху донизу.

— Ничего, — пожала она плечами. — Просто каждый боится, как бы ты не решила зайти именно в его лавку. У тебя репутация надменной суки.

— Что?! — воскликнула я, вновь привлекая к себе внимания, и тут же добавила свистящим шепотом: — Ты же говорила, меня считают милой затворницей?

— Кто-нибудь, где-нибудь... А здесь еще живут те, кого ты в самом начале пыталась нанять для работы в доме. Ну и все милые дамскому сердцу безделушки мы заказывали из столицы, будто хамрантские товары недостаточно хороши. — Тильда хохотнула. — Как сейчас помню, с каким лицом почтальон всякий раз отдавал мне очередную посылку.

— А предупредить не могла? — прошипела я.

Как знала, что надо было идти к озеру.

— Зачем? Репутацию можно и исправить, — отмахнулась она. — Будь милой, улыбайся. Правда, траур, наверное, зря сняла, хоть бы год выдержала. А так... начнут осуждать.

— О боги... — Я возвела глаза к небесам. — Паршивая из тебя помощница.

— Я не помощница, а не упокоенный дух, которому положено тебя донимать, и лишь врожденное мягкосердие...

— Заткнись.

Удивительно, но Тильда послушно умолкла.

Чужие взгляды жгли кожу сквозь ткань, однако стоило обернуться, и все резво отводили глаза, при этом недовольно поджимая губы. Так что оглядываться я перестала и пробормотала:

— Дойдем до конца торговой улицы, там сворачиваем в какой-нибудь не столь оживленный уголок и окольными путями выбираемся из города.

— Трусиха, — фыркнула Тильда. — Трусиха и дура. Грохнешься же где-нибудь по дороге в голодный обморок. И будет потом страдающий мэйн Рэйнер рвать свои прекрасные черные кудри и разыскивать твоё тело в весенних травах.

— Да ты поэт. Смотри, скоро сможешь составить конкуренцию Лорэлее. — Я поморщилась и вдруг спохватилась: — А с чего это Рэйнеру страдать?

— Да так. Фантазирую.

— Не стоит.

— Госпожа Гантрам! Госпожа Гантрам! Госпожа Гантрам!

Визгливые вопли заставили нас сначала замедлить шаг, а потом и вовсе остановиться. Оборачиваться не хотелось, потому что голос я узнала, но всеобщее внимание не оставило выбора. Нацепив на лицо благодушную — надеюсь — улыбку, я все же повернулась на зов и пару минут наблюдала, как по пыльной дороге к нам приближается мэтр Штанге.

Выглядел он неважно, словно бежал от самой столицы. Форменный зеленый мундир, какой обязаны носить все маги, перекосялся, широкая, отнюдь не благодаря мышцам, грудь тяжело вздымалась, лицо и залысины привычно блестели от пота. Мэтр пытался обтираться платком, но, очевидно, не справлялся с двумя делами одновременно, и для каждой процедуры осушения ему приходилось останавливаться. Наконец короткие толстые ноги мага принесли его к нам, и бедолага согнулся пополам, упершись руками в колени и хрипло выдыхая.

— Уф, г-госпожа Г-га...

— Здравствуйте, мэтр Штанге, — натянуто поприветствовала я, кивнув, а Тильда присела в глубоком реверансе.

Проклятье, мне тоже надо было? Впрочем, судя по настроению толпы, меня и так готовились закидать камнями, потому одной ошибкой больше, одной меньше...

— Утро доброе! — воскликнул мэтр Штанге, сумев таки отдышаться и распрямившись. — А я только, значит, открыл контору, и тут слышу, что вы сами, значит, в город прибыли. Ну и я со всех ног...

— Вы что-то хотели? — устав быть вежливой, перебила я.

Солнце уже припекало макушку, внимание горожан раздражало, и если честно, я готова была во всей красе продемонстрировать свою трусость и неучтивость и позорно сбежать.

— Эм... — замялся маг. — А мэйн Рэйнер с вами?

И заглянул мне за спину, словно именно там я прятала скромнягу мэйна.

— Мэйн Рэйнер отбыл по делам в столицу, — неожиданно даже для самой себя соврала я.

Тильда дернулась и, прищурившись, уставилась на меня, будто пыталась понять мой тайный замысел.

А замысла никакого и не было. Точнее... мне просто захотелось проверить одну теорию.

— Да что вы говорите, — протянул мэтр. — Надолго?

— Полагаю, до завтра, — как можно небрежнее бросила я.

Я не знала, в курсе ли он способностей Рэйнера, благодаря которым тот может отбывать и возвращаться хоть каждые десять минут, но рискнуть стоило.

— Жаль, очень жаль, — излишне радостно отозвался маг, затем на миг завис, привлеченный всколыхнувшейся грудью Тильды, но быстро очнулся. — А вы... вы к нам пешком?

Что и требовалось доказать.

— Да, — ласково улыбнулась я. — Так приятно, знаете ли, пройтись с самого утра по нашему чудесному краю. Вот и аппетит нагуляли. Не желаете ли с нами перекусить?

Тильду мое дружелюбие, похоже, окончательно вогнало в транс, и она лишь хлопала глазами, уставившись в одну точку.

— Ох, нет-нет-нет, — замотал головой Штанге. — Не то чтобы я не хотел, вы не подумайте, но дела, дела, значит, много дел. — Он вновь суетливо протер платком блестящий лоб. — А вот едальню посоветовать могу, это могу, да.

Мэтр нервно заозирался, наконец выбрал жертву и указал на ближайшее здание, от которого так несло жареным мясом, что даже я опознала бы в нем трактир. Вывеска с говорящим названием «НАКОРМИМ ДО ОТВАЛА» тоже помогала сделать верные выводы.

— У Детлефа лучшая в мире творожная запеканка! — воскликнул мэтр, продолжая тыкать в едальню пальцем, словно карающим перстом, и замерший на пороге невысокий тощий мужичок в фартуке — очевидно, упомянутый Детлеф — отчетливо вздрогнул и поспешно скрылся за дверью.

Я бы не удивилась, если бы он начал заколачиваться изнутри.

— Что ж, благодарим за совет, — еще слаще разулыбалась я.

— Мдам, не за что, не за что, — проквакал маг. — Ну... приятного аппетита, а я тогда пойду. Дела, столько дел...

— Разумеется.

Уход его напоминал скорее бегство с поля боя под шквальным огнем: мэтр зачем-то петлял, оглядывался и без конца спотыкался, но в итоге все же добрался до поворота и вскоре исчез из поля зрения.

— Ты не заболела? — пробормотала Тильда, прикладывая к моему лбу тыльную сторону ладони. — Если решила быть милой, зачем начинать с этого крючкотворца? Лучше б Рэйнеру так пару раз улыбнулась...

— Дался тебе этот Рэйнер! — разозлилась я и оттолкнула ее руку. — И вообще, у меня стратегия.

— Ну-ну, — хмыкнула Тильда и развернулась к трактиру. — Воспользуемся советом?

Народ продолжал глазеть. И прислушиваться, разумеется, хотя вряд ли им многое удалось разобрать.

— Воспользуемся, — вздохнула я. — Но трактирщику будешь улыбаться сама, я себя исчерпала.

К нужной двери я приближалась с опаской. А ну как испуганный Детлеф и правда закрылся, лишь бы избежать моего визита? «Гэспожу Юту Гэнтрам, отнюдь не скорбящую вдову прекраснейшего придворного мага его величества Клауса Сиятельного, отказались обслуживать в захудалой едальне» — отличный заголовок. В меру интригующий, в меру скандальный, в меру позорный для меня.

Но вопреки всем страхам, в трактир мы вошли без проблем. И неискренне, но все же улыбающийся Детлеф лично проводил нас за «лучший столик» и рассказал о блюдах, которые лучше всего подходят для столь... необычного для трапезы времени — уже не завтрака, но еще не обеда. Впрочем, подоплека его гостеприимства раскрылась быстро: вслед за нами в двери едва ли не ввалился еще десяток посетителей.

Похоже, желание собрать обо мне побольше слухов оказалось сильнее всеобщей неприязни, что трактиру только на пользу.

Чего я не ожидала, так это того, что в миг, когда я суну в рот кусочек хваленой творожной запеканки, по залу разнесется восторженное:

— Госпожа Гантрам! Какой приятный сюрприз!

И чему я так радовалась, проснувшись этим утром?

Глава 13

Глава тринадцатая, в которой зависть не красит, а от предназначения не уйти

Лена Эморри — прекрасная девушка.

К концу трапезы я была готова признать это без иронии и сарказма, без агрессии, скрытой за показной любезностью, без кавычек и скрытых смыслов.

Лена Эморри оказалась прекрасна во всем.

Мила, но не приторна, добра, но не простодушна, умна, но не надменна. Разве что болтлива, но только в минуты особой нервозности, а стоило ей успокоиться и понять, что я не самый страшный в мире зверь, как беседа потекла вполне размеренно и двусторонне. Полагаю, все это я бы разглядела еще во время чаепития в Арве-мал-Тиге, но была слишком занята наблюдением за мэйном Рэйнером: как он ей улыбнулся, как коснулся руки, как ласково посмотрел. И потому теперь я испытывала некое подобие стыда.

Лишь подобие — потому что ничего плохого я ей сделать и сказать не успела, а ворчливые мысли на полноценное покаяние не тянут. Ведь так?

К тому же, хоть Лена Эморри меня более не раздражала, но начинало раздражать то, что она... не раздражает. Всегда неприятно чувствовать себя завистливой и склочной, и прекрасная Лена оказалась белым полотном, на фоне которого проявились все мои черные пятна.

Нет, ее я не винила, но порою трудно сдержаться и не разбить зеркало, отразившее твой не самый расчудесный лик.

Я изо всех сил старалась не поддаваться пагубным и неприглядным эмоциям, не хмуриться и улыбаться в положенных местах, но нет-нет да уходила в себя, пропуская целые фразы. В такие мгновения нить беседы перехватывала Тильда, на удивление милостиво принявшая нашу нежданную сотрапезницу.

Тильда взирала на нее почти с нежностью, как на дитя родное, смеялась над действительно забавными историями о горожанах и тем самым подкидывала дров в костер моей низменной ревности.

А я... я все-таки выдержала весь наш поздний завтрак и не сказала ничего обидного или едкого.

Трактир мы покидали втроем под куда более благодушными взглядами посетителей и хозяина. Очевидно, несмотря на «проклятие» доктора Эморри, дочь его в Хамранте любили, и общение с нею несколько возвысило меня в глазах горожан. Я не горжусь мыслью о том, что с ее помощью могла бы исправить свою подмоченную репутацию, но таковая все же промелькнула. Хотя, казалось бы, зачем мне это? Я уеду. Скоро уеду...

— Чудесно, что вы решили наведаться именно к Детлефу, — улыбнулась Лена, когда мы вышли на улицу.

— А тут много вариантов? — удивилась я.

— На самом деле да. Но все наверняка ждали, что вы отправитесь в ресторацию при «Короне». Это гостиница для столичных гостей. Там значительно... — Лена мило покраснела, — роскошнее.

Мы с Тильдой переглянулись, а она продолжила:

— Но у Детлефа куда вкуснее! И ближе к народу. Вы ведь потому сюда пришли? Чтобы...

— Опровергнуть мою славу надменной суки? — ляпнула я и едва не захлопнула рот рукой.

Ну вот, все-таки сорвалась, а ведь так хорошо держалась, пытаюсь соответствовать почти святой собеседнице.

Но Лена лишь искренне рассмеялась:

— Да, что-то такое я слышала, но не поверила ни на миг. Вы просто честная, что многим может прийти не по нраву.

Я пораженно моргнула, Тильда покосилась на меня с сомнением, но смолчала, а Лена нетерпеливо взмахнула руками:

— Показать вам город?

Я задумалась. С одной стороны, бежать прочь, сверкая пятками, уже не хотелось — то ли ее заразительный энтузиазм сказался, то ли сытная трапеза. С другой, обратный путь неблизок, а мы и так дали мэтру Штанге значительную фору. Я понимала, что наверняка пропущу все самое веселое, даже если полечу домой со скоростью ветра — маг-то на дело явно не на своих двоих отправился, — но мечтала застать хотя бы финал представления. Глупо, конечно, получалось — явились в такую даль только ради запеканки и травяного чая, но кто ж знал, что я встречу ушедшего мэтра и решусь на проверку...

Лена восприняла мое молчание по-своему:

— Хотя о чем это я. Вы тут столько лет живете, а я, приезжая, пытаюсь устроить нелепую экскурсию. — Она опять залилась румянцем и, вновь занервничав, затараторила: — Просто поговаривали, что вы в городе почти и не показываетесь, а тут много всего интересного появилось — на площади недавно фонтан заработал, такая красота! Вот я и...

— Нет-нет, — поспешила успокоить я, — мы бы с удовольствием прогулялись, правда. Но если честно, я не рассчитала собственные силы, отправляясь в путь, и уже валюсь с ног, а нам еще обратно возвращаться.

— Так вы... пешком? — ахнула Лена, как будто сама вчера не явилась к нам тоже пешком.

Или меня сочли такой старой, что уже не ждали подобных подвигов?

Неуместное раздражение вновь пролезло наружу, и я, сцепив зубы, засунула его поглубже. «Сама придумала, сама обиделась», — сказала бы Тильда, если б знала мои мысли. А может, она и знала. По крайней мере, посмотрела очень так... выразительно, благо хоть смолчала.

Я развела руками:

— В Арве-мал-Тиге нет конюшен.

Ибо ни одна лошадь не выдержит присутствия стольких мертвецов.

— Так я вас провожу! — воскликнула Лена. — Если вы не против, разумеется. Даже не так... я вас отвезу!

— Отвезете? — оживилась, если можно так выразиться о призраке, Тильда.

Лена кивнула:

— У нас есть своя пролетка. Папа до обеда обходит пациентов, ему она вряд ли понадобится, а я просто не вправе отпустить вас, когда могу помочь.

— Нам неловко вас утруждать. Наверное, мы можем нанять экипаж на станции.

Я сама не знала, почему противлюсь, ко ничего не могла с собой поделатъ. Правы хамрантцы, я та еще...

— Не получится, — помотала головой Лена, и рыжие кудряшки задорно запрыгали вокруг щек. — Там всего-то три экипажа, и на сегодня все ангажированы приезжими. В императорскую рощу, где исцелился его величество, допускают всего пару дней в месяц и небольшими группами, и...

— И нам повезло, — подытожила я.

— Простите, — привычно повинилась Лена, словно лично составляла расписание визитов в треклятую рощу.

— Тогда мы с радостью воспользуемся вашим предложением, — внезапно опять подала голос Тильда, и мне осталось только возмущенно пыхтеть.

— Превосходно! — воодушевилась Лена. — Тогда я... вы...

Она вдруг закусила губу и заозиралась.

— Подождете? Вон там великолепная гончарная мастерская, а напротив продают прелестные ленточки и бусины — сезон шляпок открыт. — Лена игриво приподняла поля собственной плетеной шляпки, украшенной тканевыми цветами. — Я быстро обернусь, моргнуть не успеете.

Пришлось любезно улыбаться, кивать и наблюдать, как она совсем по-детски и отнюдь не благородно мчит прочь, чуть приподняв подол милейшего кремового платья и успевая

здороваться с местными.

— Утро, госпожа Лена!

— Не упадите, милая!

— Угощайтесь морсом, только из погреба! — несло с обеих сторон улицы, а Лена заливисто смеялась и бежала дальше.

— Обворожительное дитя, — вздохнула рядом Тильда, и я повернулась к ней.

— Когда-то ты так говорила обо мне.

— Когда-то ты была обворожительна.

— Язва.

— Стерва.

Закончив обмен любезностями, мы синхронно развернулись и направились в упомянутую гончарную мастерскую. Не то чтобы я так уж нуждалась в чашках и плошках, но стоять и ждать посреди улицы считала излишним.

Когда снаружи донесся цокот копыт и лошадиное ржание, я как раз расплачивалась за выбранный Тильдой глиняный горшок — по виду точь-в-точь ночной. Но она так нежно прижимала его к груди и едва ли не баюкала, что я решила не ерничать и не спрашивать, зачем ей понадобилась сия драгоценность. А через минуту все вопросы и вовсе вылетели из моей головы, ибо я узрела пролетку семейства Эморри.

Вполне обычную пролетку, лаково-черную, сверкающую в солнечных лучах, вот только на облучке гордо восседала Лена Эморри собственной персоной и ловко держала поводья. Белая, с виду смиренная лошадка вяло потряхивала головой и лениво фыркала.

Наверное, от удивления у меня приоткрылся рот, потому что Тильда тут же ткнула меня локтем в бок:

— Лицо попроще. Или ты думала, у них есть личный извозчик?

— Не думала, — глухо отозвалась я.

И правда не думала. Если честно, эта сторона плана «я вас отвезу» мною даже не рассматривалась. Лена ослепительно улыбнулась и приглашающе взмахнула рукой, и мы наконец отмерли и забрались на сидение под поднятую крышу.

— Домчу с ветерком, — низким голосом пообещала Лена и залихватски свистнула, явно подражая какому-то местному вознице.

А я вновь завистливо вздохнула. Даже в этом образе она была очаровательна.

Мчались мы действительно с ветерком, который в конце концов сорвал с прелестной рыжей головки Лены Эморри модную цветочную шляпку и впечатал ее в лицо Тильды. Могло повезти и мне, но годы жизни в Арве-мал-Тиге научили меня уворачиваться от летающих объектов. Думаю, Тильда тоже могла избежать полного рта шелковых ленточек и пострадала вполне осознанно. В минуты материализации она старалась брать от жизни все — даже не самое приятное.

Лена обернулась проверить, далеко ли унесло ее плетеное чудо, и вспыхнула:

— Простите.

— Ничего страшного, — отозвалась Тильда, укладывая шляпку себе на колени поверх горшка, однако наша извозчица все же придержала лошадь.

Слава всем богам. Ленный облик этого белогривого чудовища оказался обманкой, и тянуло оно пролетку так, словно нас всех демоны заждались в бездне, а врата вот-вот закроются. Я в бездну не торопилась и сомневалась, что городская прогулочная коляска рассчитана на почти спортивную гонку, потому сбавленную скорость встретила вздохом облегчения. Даже желание застать очередное погребение мэтра Штанге под книгами не стоило глупой смерти.

— Папа меня всегда бранит за лихачество, — покаялась Лена, повысив голос. — Говорит, лучше б я так замуж рвалась, как рвусь свернуть себе шею. А я ведь каждую ямку чувствую, каждый поворот.

Зачем еще мне такой дар?

Мы с Тильдой переглянулись. Действительно, очень странный дар для милой девушки, но Анико обычно оказывался прав. Или мне просто хотелось так думать, ведь тогда все мои мучения обрели бы какой-то наивысший смысл, и можно было сослаться на судьбу, мол, я ничего не могла изменить. Но я могла, просто ума не хватило.

— Уж кто-кто, а папа должен понимать, как трудно игнорировать благословение...

— Лена, вы тревийка? — все-таки не удержалась я.

Она оглянулась через плечо, и я заметила алые пятна на щеках. Так яростно и совсем не обворожительно Лена при мне еще не краснела.

— Раздражает, да? — скривилась она. — Простите.

«Да прекрати же ты извиняться!» — едва не рявкнула я, но почувствовала на плече руку Тильды.

Лошадка меж тем совсем перешла с бега на легкий шаг, и цокот копыт почти не заглушал признание Лены Эморри:

— Мама была из Тревии. По-хайдски она говорила вполне сносно, но с жутким акцентом. Па... отец его обожал. Я с самого детства слышала «твой папа то, твой папа се». А потом мамы не стало, но я заметила, что, когда повторяю это «папа», отец словно расцветает. — Она вновь обернулась и вместо очередного извинения одарила нас грустной улыбкой. — Всего одно слово, но оно уже въелось под кожу, никак не получается вытравить.

— И не нужно, — хрипло отозвалась я, с ужасом наблюдая, как Тильда смахивает со щеки слезинку.

Плачущая Тильда — это как... как Тильда с розовыми фейскими крыльями за спиной. Немыслимо даже для моего воображения.

Впрочем, должна признать, меня история тоже впечатлила, пусть и не до мокрых глаз, и вновь заставила устыдиться и почувствовать себя сказочной злодейкой. А еще мысленно попрощаться с парой страниц текста, на которых моя Шанталь встречала мерзкую соперницу. Придется ей и дальше воевать исключительно с сэром Артуром и его похотливыми руками.

К Арве-мал-Тиге мы подъезжали в унылом молчании. Лена так больше ни разу и не обернулась, Тильда косила на меня покрасневшим глазом и осуждающе поджимала губы, а я, даже понимая, что надо бы извиниться за несдержанность, не могла выдавить ни звука. В конце концов, я задала вполне невинный вопрос! Кто ж знал, что за нелепым «папа» кроется личная трагедия?

Когда же мы наконец остановились, а я решилась сказать что-то вроде «прошу прощения за потревоженные раны», нас всех ждал сюрприз. Самый настоящий папа, то есть доктор Эморри, из плоти и крови, мнущийся на крыльце и с тоской взирающий то на парадную дверь, то на нашу троицу. Сегодня он был еще грустнее обычного, зато без склянок, и даже с двадцати шагов я видела, как горестно поднимаются и опускаются его плечи.

— Папа?! — удивленно воскликнула Лена, точно мальчишка спрыгивая с облучка. — Как ты здесь очутился?

Мы с Тильдой одновременно ступили на подножки, и я чуть не завалилась обратно на скамью, настолько пролетка накренилась в пользу островитянки. С трудом удержав равновесие, я все же добралась до твердой земли и тоже направилась к доктору.

— Пришел, — хмуро ответил тот дочери. — Не мог не прийти.

— Опять? — всплеснула руками Лена, а я удостоилась новой волны осуждения от Тильды.

Она уже догадалась, к чему я подтолкнула мэтра Штанге, и теперь каждый курчавый волосок на ее голове подрагивал от возмущения, а в глазах так и читалось невысказанное: «Вот видишь, до чего доводят твои игры». Я лишь тихонько фыркнула, ибо Тильда и сама любительница подобных игр, и только необъяснимая привязанность к семейству Эморри не давала ей сейчас рвануть в дом, дабы полюбоваться поверженным мэтром.

— Отчего же вы не заходите? — спросила я, и доктор философски пожал плечами:

— Никто пока не кричал.

— Может, он не может, — пробормотала Тильда.

А я занервничала. Покалечить мага я не стремилась и не хотела взваливать на себя еще один груз

вины — и так уже не разогнуться. А ну как Рэйнер вспомнил боевое прошлое и, не разобравшись, прикончил бедолагу? Дар доктора срабатывает, когда пациент уже мертв?

— Тогда, наверное, стоит поспешить.

По ступеням я взлетела первая, но, судя по шагам за спиной, остальные не отставали. На миг замерла в фойе, прислушиваясь к дому, однако не разобрала ни шороха, ни вздоха. Впрочем, и остановка-то была излишней. Я точно знала, куда идти, и в отличие от доктора не нуждалась в криках о помощи.

На сей раз двери в библиотеку оказались закрыты, а книжные стеллажи за ними — нетронуты. Я вновь застыла и для верности моргнула. Затем испуганно повернулась к полкам со свитками — неужели маг все же сумел просочиться в лабораторию? — но и их, похоже, никто не трогал. По крайней мере, свиток-рычаг был опущен, и потайная дверь послушно изображала самый обыкновенный шкаф.

— Надо посмотреть в других комнатах, — осторожно предложила Лена Эморри, наверняка недоумевающая, с чего меня понесло именно в библиотеку.

Но тут я отчетливо расслышала чей-то шепот и цыкнула:

— Тише.

— П-п-помогите, — донеслось из-за стеллажей легким выдохом, но я была уверена, что не обманулась.

— Сюда! — велела остальным и сама побежала на звук.

А едва обогнув ближайший шкаф, замерла как вкопанная.

У дальней стены библиотеки, где книжные полки уходили под самый потолок, а потому добраться до них можно было только по длинной и хлипкой на вид лестнице, обнаружился мэтр Штанге в весьма компрометирующей позе. Не знаю, сам ли он так извернулся, или призраки постарались, но почтенный маг висел вниз головой, зацепившись пухлыми коленями за одну из перекладин той самой лестницы. Висел на приличной высоте и, очевидно, слышал, как скрипят по полу, отъезжая все дальше, деревянные ножки его опоры, а потому старался лишний раз не шевелиться и ничего не говорить. С покрасневшегося и залитого потом лица на нас с неописуемым ужасом взирали щелочки придавленных щеками глаз.

— Помогите, — все же повторил мэтр одними губами, и в тот же миг за спиной раздалось:

— Великолепно.

Мы развернулись, дабы предстать пред мэйнором Рэйнером во всем великолепии. Тильда с ночным горшком, на котором все так же красовалась шляпка; грустный доктор, с тоской смотрящий в никуда; его румяная дочь с рыжим гнездом на голове — недаром мчались с ветерком — и я. Скромная, приличная, ни в чем не виноватая, но отчего-то удостоившаяся особо сурового взгляда мэйна.

Глава 14

Глава четырнадцатая, в которой мэйн Рэйнер делает неожиданное предложение, а Юта принимает холодный душ

— Я все могу объяснить, — проблеял мэтр Штанге, едва высвободившись из исцеляющей хватки доктора Эморри и поднявшись с библиотечного пола.

На сей раз нас не выгнали, но предупредили, что одно слово или громкий звук — и ходить магу с кривой рукой до скончания дней. Мэтр так впечатлился, что, кажется, даже дышать перестал и к финалу лечения цветом напоминал перезрелый помидор. Хотя я подозревала, что, падая с все-таки надломившейся под его немалым весом лестницы, он не только руку сломал, но и язык прикусил.

Да, снять мага невредимым мы не успели — а некоторые не очень-то и стремились.

— М-могу объяснить, — повторил мэтр, не дождавшись от Рэйнера реакции и под его мрачным взглядом начиная неотвратимо бледнеть.

— Не сомневаюсь, — все же отозвался мэйн и продолжил свою игру в гляделки.

Я тем временем радовалась, что объект его гнева сменился, и медленно, но неуклонно отступала к двери. Хотела и Тильду за собой утащить, но зараза и сама благополучно исчезла где-то в процессе спасения непутевого мага — только горшок со шляпкой оставила на столике со светильником. Бросила свое сокровище в тылу врага, лишь бы смыться. Я едва не фыркнула, но быстро зажала рот рукой. Эх, мне бы сейчас не повредила способность испаряться без следа...

«Ум бы тебе не повредил, — буркнула Тильда в моей голове. — А то в этой коробушке слишком много глупых мыслей. Вот куда ты пятишься? Думаешь, он тебя позже не найдет?»

— Господа, — подал голос доктор Эморри, когда я уже почти добралась до стеллажа, за которым начинался путь к вожделенной свободе. — Думаю, ваш конфликт подождет пару дней. Мэтр сейчас держится исключительно на влитой силе, но боль скоро вернется. А еще пострадавшей конечности необходима шина, которую в данных условиях я наложить не могу. Нужно как можно скорее доставить его в город.

Вещал доктор так же тоскливо, как выглядел, Лена, успевшая поправить прическу, задумчиво кивала в такт его словам, а мэтр Штанге с каждой фразой расцветал аки лелеемые Джертом ночные розы под луной. Я бы на его месте тоже чувствовала себя висельником, в двух шагах от петли получившим помилование, но не улыбалась бы столь откровенно, а то мэйн Рэйнер ведь не железный. От маговской улыбки лицо его сделалось совсем равнодушно-каменным, как в дни до покупки дома — только в глазах привычно бушевал шторм, — и по мне, это было куда страшнее открытого проявления гнева.

— Конечно. Я никого не задерживаю, — наконец произнес мэйн, продолжая сверлить Штанге взглядом, и тот мигом притушил улыбку. — Спасибо за помощь, доктор Эморри.

— Пожалуйста, — пробормотал доктор. — Лена, идем, отвезешь нас в город, раз уж ты так кстати здесь...

Лена в этот момент почему-то посмотрела на меня, словно извиняясь за прерванное общение, а вслед за нею и все остальные — печальный доктор, все еще бледноватый маг и твердокаменный Рэйнер. Оценив мою стратегическую позицию, последний едва заметно прищурился, и я занервничала.

— Я провожу, — выпалила, пока никто не успел сказать ни слова.

— Разумеется, — хмыкнул мэйн, и троица гостей в едином порыве сделала шаг ко мне.

Штанге явно с трудом сдерживался, чтобы не припустить на выход со всех ног, будто опасался удара в спину. Очевидно, не зря.

— Уважаемый мэтр, — окликнул его Рэйнер, едва маг поравнялся со мной. — Прошу, не утруждайтесь новыми проверками защиты моего дома. Я уже вызвал из столицы Стефана Хейко, и уверен, такому сильному заклинателю не составит труда залатать все замеченные вами дыры. Он прибудет через три дня. И все эти три дня я буду лично следить за безопасностью в Арве-мал-Тиге. От злоумышленников спасает не только магия, но и самое обыкновенное оружие, а уж его война подарила мне с избытком. Так что не волнуйтесь о нас, мэтр, следующего негодяя я встречу как полагается.

Тонкостью намеков не отличался, и даже такой тугодум как Штанге осознал перспективы с первой попытки. Лицо его вновь приобрело насыщенно алый оттенок, и, натянуто кивнув, маг продолжил путь на выход.

— Хорошего вам дня, — улыбнулась на прощание Лена Эморри, на секунду растопив непробиваемую маску Рэйнера и опять погрузив меня в пучину зависти.

«Скорее ревности», — не преминула вставить Тильда, и я мысленно шикнула.

Гости покидали дом в полном молчании. Доктор, судя по горестному виду, проклинал свой дар и тот миг, когда поддался его зову и явился на помощь мэтру Штанге, а сам мэтр обтирался платком и затравленно оглядывался, словно искал лазейку для возвращения. Ну если он и после такого предупреждения не успокоится...

«Кажется, у кого-то ума еще меньше, чем у тебя, — прокомментировала Тильда.

— Спорим, завтра бедному доктору придется вынимать пулю из маговской задницы?»

Я стоически промолчала.

А вот Лена хоть и не нарушала тишины, все же выглядела не в пример жизнерадостнее прочих. Не сомневаюсь, она прекрасно поняла подоплеку сегодняшней драмы, но предпочла не омрачать теплый весенний день чужими проблемами. И это мне в ней тоже нравилось.

Пока пролетка удалялась по подъездной дорожке, я стояла в дверях и размышляла о всякой ерунде. Например, о том, на лошади ли прибыл мэтр Штанге, и если да, то где ее спрятал? И о том, что не сломай он руку, и мы бы вновь пили чай, только в этот раз я бы проявила куда больше дружелюбия и с удовольствием поддержала беседу с Леной.

Больше я ни о чем подумать не успела, ибо Тильда издала свой коронный смешок:

«Ага, взяла бы огонь на себя, чтобы мэйн Рэйнер с ней не особо общался. Долго ты еще будешь здесь стоять? Иди уже, не съест он тебя».

— Сама сбежала, а мне расхлебывать, — пробурчала я вслух.

«Не сбежала, а развеялась, дабы не тянуть из тебя силы, — нравоучительно произнесла Тильда. — И не расхлебывать, а отвечать за свои поступки».

— Ничего такого я не...

— Часто разговариваете сами с собой? — раздалось за спиной, и я резко развернулась и захлопнула дверь.

Фойе, лишившись основного источника солнечного света, погрузилось в приятный полумрак.

Рэйнер стоял всего в нескольких шагах от меня: руки скрещены на груди, лицо бесстрастно, даже шторм в глазах утих. И это полное отсутствие эмоций... подавляло. Захотелось отступить, но было некуда, разве что вжаться спиной в дверь и во всей красе продемонстрировать свою уязвимость.

Потому я лишь распрямила плечи и вскинула подбородок — дрожащий, но это уже мелочи. А потом затараторила, сводя на нет гордую позу:

— Мы встретили мэтра в городе, и да, каюсь, я не удержалась. Сказала, мол, вы в отъезде, надо же было проверить, что ему нужно в доме. Я была уверена, что вы сумеете поймать подлеца с поличным, это же такой шанс! Как вы могли его упустить? Потому да, я виновата, но и вы виноваты не меньше.

«Отличная стратегия, в твоём духе, — хохотнула Тильда. — Нападай активнее, глядишь, и вовсе на него все свалишь».

«Помолчи», — буркнула я и, не дождавшись реакции мэйна, продолжила:

— Вы же велели призракам предупреждать о незваных гостях. Неужели они не сообщили о вторжении?

— Они все утро донимали меня сообщениями о каждой пушистой или крылатой твари, оказавшейся на территории дома, так что я велел им заткнуться, — без единой эмоции в голосе ответил Рэйнер.

— Надо было просто уточнить про людей. Вот видите, вы сами...

— Поужинаете со мной?

— ...виноваты, — закончила я и растерянно моргнула. — Простите?

— Прощу. Если поужинаете со мной. — И все это также ровно, спокойно, бездушно.

— Я... в смысле?

— Ужин. Вечерняя трапеза. Со мной.

— Мы же... и так едим вместе... — проямлила я. — Еще обед впереди...

— Обед я пропущу, — перебил Рэйнер. — И я не прошу вас со мной есть. Я приглашаю вас на ужин.

Мысли путались, в груди разрастался какой-то горячий ком, мешая дышать и говорить, и я лишь слабо кивнула.

— Хорошо, тогда до вечера, — подытожил Рэйнер и, развернувшись, двинулся прочь, но на полпути к гостиной развернулся: — Юта. Я рад, что вы не сбежали.

— Даже не думала, — рассеянно отозвалась я.

— Этому я тоже рад.

Он наконец ушел, а я бессильно прислонилась спиной к двери.

— И что это значит? — прошептала чуть слышно.

«Что намечается нечто крайне интересное», — протянула Тильда, и я практически увидела, как она возбужденно потирает ладони.

Я не нервничала и не волновалась. Ни капельки. Скорее... слегка опасалась неизвестности. А что даже не запомнила, чем меня (по приказу Рэйнера) накормили в обед — так просто мысли были заняты другим.

Так что это не нервы, нет, лишь глубокая задумчивость.

И кулон я сняла как раз для того, чтобы Тильда этой задумчивости не мешала. Конечно, она все равно предпочла остаться рядом бесплотным духом и уже вслух комментировать мое поведение, но это игнорировать оказалось гораздо проще, чем беспрестанный зуд в голове.

— Ну что ты делаешь? Что это? Это разве прическа? Взяла и испоганила мои утренние труды. Распустила патлы. Неприлично это, неправильно.

Я упорно расчесывала распущенные волосы и неотрывно глядела на свое побледневшее отражение.

— А тряпку эту бежевую зачем достала? В такой только коров доить. Я для кого алое платье приготовила? Вдруг он тебя в люди выведет? В самую столицу! А ты в рубище и с неубранными волосами — ну чисто свергнутая королева перед казнью.

Я молча покосилась на то самое разложенное на кровати красное бальное платье, поверх которого пристроила обычное, домашнее. Очень милое и подчеркивающее... ну, не мою молодость, конечно, но по крайней мере отсутствие признаков глубокой старости. И какое-никакое очарование. В нем мне было легко и уютно, а потому у красного наряда не осталось шансов. К тому же я не верила, будто Рэйнер действительно куда-то меня поведет, и чувствовала бы себя глупо, разодевшись для банального ужина в столовой.

— И что, все? И даже щеки не подрумянишь? — ужаснулась Тильда, когда я сочла свой образ довершенным и в ожидании назначенного часа уселась на стул. — Да если ты к нему в таком виде спустишься, мейн решит, что ты померла и стала одной из нас! Вместо лица — одни глазища, и кровь, наверное, вся в пятки отлила. На твоём фоне даже Лорэрея покажется пышущей здоровьем.

— Я просто... думаю, — все же отозвалась я.

О том, зачем Рэйнеру этот ужин. О том, зачем я согласилась. О том, верно ли я все поняла, или он просто решил окончательно меня запутать этим своим «я не прошу вас со мной есть, я приглашаю вас»... Что это, демон его задери, значит?

— Ну разумеется, — фыркнула Тильда, — с непривычки поди все силы ушли.

Я пропустила очередное оскорбление мимо ушей и, поднявшись, прошла из угла в угол. Не нервно, нет. С достоинством убивая время.

— Не мельтеши. — Тильда вспыхнула передо мной размытым облаком, облетела со всех сторон, даже сверху на секунду зависла, вглядываясь в макушку, затем к чему-то прислушалась и исчезла.

А я навернула еще один круг по комнате. Посмотрелась в зеркало. Пощипала щеки. Заправила волосы за уши. Подумала, что надо бы заколоть хоть прядки по бокам, а то будут лезть и...

— Пора, — объявила вернувшаяся Тильда тоном могильщика, готового опустить гроб в вырытую яму. — Кулон надень.

— Еще чего, — буркнула я и замерла, вцепившись в дверную ручку.

Поворачивать ее пальцы отказывались.

— Ну как дите малое, — сокрушенно вздохнула Тильда, и в следующий миг дверь распахнулась, а я вывалилась в коридор, с трудом устояв на ногах.

Злость взбудрила и придала сил, так что я решила не обижаться и почти побежала по коридору, пока эффект не развеялся. Притормозила лишь у первых ступеней лестницы. Во-первых, не хотелось скатиться вниз кубарем, во-вторых, не хватало еще, чтобы Рэйнер счел, будто это я так к нему на ужин спешу. Потому спускалась я вполне спокойно, разве что пальцы от перил у подножия пришлось практически отдиравать. Эти проклятые пальцы сегодня в принципе существовали сами по себе.

Рэйнер ждал в гостиной, но заметила я его далеко не сразу, поначалу уделив повышенное внимание невесте откуда взявшемуся накрытому столу. Круглому, на высоких резных ножках белого дерева — я и не знала, что в доме есть нечто столь изящное, откуда мэйн его только вытащил? Еще и стулья под стать отыскал, с крупными золотыми листками, вышитыми на кремовых подушках, и деревянными птицами, распахнувшими крылья над вытянутыми спинками — над правым и левым плечом предполагаемого седока. Картину довершала шикарная узорчатая скатерть и расставленные приборы, от вида которых мне захотелось развернуться и рвануть прочь. Все это настолько выбивалось из атмосферы Арве-мал-Тиге, что я даже подумала, не прошла ли сквозь выстроенный Рэйнером туннель.

Но нет, вон и родная уродливая композиция из жутких кресел, дивана и кофейного столика. И камин с трехглавым монстром. И ковер, который первые ночи здесь являлся мне в кошмарах, засасывая в свои недра будто болотная трясина. И мэйн Рэйнер тут, стоит за одним из изысканных белых стульев, сжимая руками спинку, весь такой красивый, причесанный и в военной форме. Темно-синей, с серебряными знаками отличия.

Развернуться и сбежать захотелось еще острее.

— Чудесно выглядите, — нарушил молчание мэйн, приглашающе отодвигая стул.

Кажется, для меня. Я нервно огляделась, но иных гостей не узрела и на негнущихся ногах проковыляла к столу. Думала, и сесть-то не смогу, но в нужный момент колени сжалились, скрипнули, и я плюхнулась на расшитое золотом произведение искусства.

— Вы тоже, — проскрежетала, пока Рэйнер обходил столик и усаживался напротив. — Форма вам к лицу.

— Я не красуюсь, — криво усмехнулся он. — Хотя, возможно, немного пытаюсь произвести впечатление. Но в основном это просто... привычка надевать ее на все значимые события. Ничего наряднее у меня и нет.

А я явилась в домашнем платье, будто собралась... ну да, корову доить.

За спиной мэйна мне почудилась призрачная фигура Тильды, укоризненно качающая головой. Или не почудилась.

— А сегодня... значимое событие? — все же спросила я, радуясь, что хрипотца из голоса пропала и он звучит почти нормально, разве что теперь, напротив, чуть высокогато.

— Разумеется. Вы не сбежали, мы объявили перемирие и вместе ужинаем. Сразу три повода считать этот вечер значимым.

Рэйнер привычно щелкнул пальцами, будто изволил трапезничать в дорогой ресторации, и в следующий миг рука Аццо опустила передо мной тарелку с первым блюдом. Смотреть на него я не решилась.

— Во-первых, с чего вы взяли, что я замышляла побег? Во-вторых, не припомню объявлений о перемирии, даже переговоров не помню. И в третьих... ужин — это само событие, а не повод, потому

не считается.

С каждым словом голос звучал все увереннее, и я постепенно успокаивалась. Или наоборот, я успокаивалась и потому перестала блеять, как мэтр Штанге несколькими часами ранее.

— Хорошо, — неожиданно светло улыбнулся Рэйнер, — сойдемся на двух. И я ни в коем случае не подозревал вас в дурном, просто слегка обеспокоился, когда утром вы исчезли, а призраки только и смогли сообщить, что вы отправились в город. Целей вашей вылазки они не знали.

Я собралась было разоблачить лжецов и уже рот открыла, как вдруг погас свет. Весь, до малейшего огонька — кажется, во всем доме, — и стало ясно, что плотные шторы закрыты, и даже лунным лучам в комнату не пробраться. А луна-то хоть уже взошла, или снаружи еще тают сумерки? Оглушенная приглашением мэйна и сборами, последние часы я ничего вокруг не видела и не слышала.

А теперь не видела буквально...

Несколько секунд.

Мэйн во тьме звякнул вилкой и хмыкнул:

— Похоже, кто-то считает, что мы выбрали не самые подходящие темы для романтического ужина.

В тот же миг в камине вспыхнуло нежное пламя, а на столике и вокруг нас загорелось несколько свечей — как раз хватало, чтобы любоваться друг другом и ничем боле.

Черты Рэйнера, будто сплетенные из алых отблесков и теней, стали мягче. А еще он по-прежнему улыбался. Я почувствовала, что опять начинаю нервничать.

— Вы настроены на романтику?

— Я настроен на интересный вечер.

Мэйн поднял незаметно появившийся на столе бокал с вином, и я заметила перед собой такой же. И стоило хрустально соприкоснуться, как к звону присоединилась еще одна мелодия — все три пасти каминного чудовища сейчас успешно подражали клавишным и струнным инструментам, наполняя комнату немного тоскливой, но приятной музыкой.

— Эти часы с каждым днем все занятнее. Кто к ним привязан? — спросил Рэйнер, отпив вина.

— Все. По сути это какой-то хитрый механизм, вроде магофона или фотографических кристаллов, но в них заложено множество свойств, они как... — Я развела руками. — Как сердце дома. И каждый из обитателей может ими управлять и говорить их устами.

— То есть когда утром часы в три пасти орали: «Прошляпил девку, идиот» — это на самом деле кто-то из уже знакомых мне призраков? — деловито уточнил мэйн.

Я не сдержала смешка:

— Прямо так и орали?

— Это я еще смягчил.

— Раз вы искажаете фразу, тогда я не подскажу, в чьем она духе.

— Увы, значит я так и умру от любопытства, но не позволю себе повторить подобное в присутствии дамы.

— Дама за десять лет всякого наслушалась, — напомнила я, и с лица Рэйнера наконец сползла улыбка.

— Да... точно. Десять лет.

Костеря себя так, что призракам и не снилось, я прокашлялась и поспешила сменить тему:

— Расскажите, чем планируете заняться теперь, вне службы.

Рэйнер удивленно склонил голову на бок:

— С чего вы взяли, что я оставил службу?

— Вы забрались в глушь в поисках покоя, — пожала я плечами и сунула в рот наколотые на вилку овощи, вот только вкуса не почувствовала.

— Для меня расстояние особой роли не играет, если помните. А от армии мне никуда не деться — императорский полк кротами не разбрасывается.

Я снова хохотнула:

— Простите. Меня всегда смешила эта аналогия с кротами. Вас и в официальных документах так величают? Мэйн первой пехотной дивизии, самый одаренный из кротов его величества...

— Официально нас величают «проводниками», — улыбнулся Рэйнер, — ибо дар сей предназначен не для нас самих, а исключительно для пользы дела. Хотя враги порой зовут «перехватчиками», учитывая вторую сторону дара.

— Вторую сторону? — недоуменно нахмурилась я.

Он мгновение помолчал, разглядывая меня с интересом:

— Вы же знаете, что благословения Анико не односторонние? — И очевидно прочел ответ на моем лице, потому что тут же продолжил: — Взять, к примеру, нашего доктора широчайшей души. Анико наделил его целительским даром, но кто знает, сколько там еще мелких ответвлений. Нам с вами известно как минимум одно — чувствовать, где вскоре понадобится его помощь. Уверен, что и у вашей способности есть так называемые побочные ветви.

— Муж... Итан ни о чем таком не упоминал, — рассеяно отозвалась я и залпом осушила бокал, который тут же вновь наполнился.

Рэйнер пожал плечами:

— Он маг, мог и не вникать. Хотя вообще-то должен был, по долгу службы. Вероятно, просто счел неважным.

— Конечно, — скривилась я. — Ему хватало и основного моего дара. И какие побочные ветви у вашей способности?

— Отгадаете?

— Ну... — Я прищурилась. — Судя по тому, как называли вас враги, вы можете что-то перехватывать. Чужие туннели?

— В яблочко.

— А еще? — Я с любопытством подалась вперед, и мэйн рассмеялся:

— Потихонечко. Не выпытывайте все и сразу, надо уметь растягивать удовольствие.

Каминное чудовище затянуло новую мелодию, на сей раз еще более тоскливую, и я вздохнула:

— Лишь бы Лорэля не запела.

— Она может? — ужаснулся Рэйнер.

— Она любит.

— Тогда надо пользоваться еще не испорченным моментом. — И человек-тетива распрямился во весь рост, а через секунду уже стоял подле меня, протягивая руку.

— Потанцуете со мной?

Я с сомнением оглядел заставленную уродливой мебелью гостиную:

— Разве танец не предполагает кружение по залу?

— Танцы бывают разные.

Меня все-таки подняли на ноги и притянули к себе. Я честно пыталась сосредоточиться на музыке, на шагах, на руках, одна из которых сжимала мою ладонь, а другая, кажется, уже оставила ожог на талии сквозь платье. Пыталась, но не могла, потому что ничто из сказанного Рэйнером, ни одна из его улыбок и сменившихся тем не объясняла причины происходящего.

И я не выдержала. В какой-то момент сумела вырваться из мутного марева танца, кружившего голову и разгонявшего сердце до скорости белогривой лошадки Лены Эморри, и спросила:

— Почему?

Рэйнер замер, не выпуская меня из объятий, а часы, словно почувствовав смену настроения, оборвали мелодию на полузвуче.

— Что почему?

— Почему вы решили меня пригласить? На ужин. На танец. Зачем все это?

Мэйн нахмурился, поджал губы и словно нехотя отступил, забирая с собой обжигающее тепло прикосновений.

— Вы разочарованы?

— Я лишь пытаюсь понять ваши мотивы.

— Мотив «я захотел» вас устроит? — явно начал злиться он. — Почему во всем должен быть скрытый смысл?

— Не скрытый, — пробормотала я. — Хотя какой-то смысл.

— Существование в этом доме лишено всякого смысла. Я пробыл здесь в одиночестве всего неделю и едва не свихнулся. Вы прожили десять лет и заросли шипами от пяток до макушки. — Рэйнер сцепил руки за спиной. — Так почему мы не можем провести хоть один приятный вечер?

— То есть это попытка развеять скуку? — сощурилась я. — Или жалость к бедной стареющей вдове, так и не узнавшей лучшей жизни?

— Да нет же, демон вас задери!

— Тогда что же?

Рэйнер глубоко вдохнул и внезапно успокоился. Даже улыбнулся — если можно назвать улыбкой по-прежнему поджатые, но чуть искривившиеся губы.

— Просто так уж вышло, что вы вызываете у меня всего два желания: придушить или поцеловать. И я решил, что первое всегда успеется, а для второго нужна особенная обстановка.

И пока я разрывалась между удивленным морганием и возмущенным пыхтением, этот... солдафон схватил меня за плечи и начал уверенно склоняться к моим губам.

Не сомневаюсь, действовал он по-военному быстро, но и я каким-то чудом не сплеховала.

Я успела в деталях рассмотреть его раздувшиеся ноздри, углубившиеся морщины, сверкающие молнии в глазах, а через один выдох уже стояла в нескольких шагах, цепляясь за несчастную деревянную птичку на спинке стула и испуганно пялилась на поцеловавшего пустоту Рэйнера.

Он довольно быстро осознал, что что-то не так, опустил руки, распрямился и отыскал меня взглядом.

— Юта... — прошептал и осторожно, словно приближаясь к дикому зверю, шагнул вперед.

Для меня это стало сигналом к бегству.

Я понимала, что ничего такого страшного мне не грозит, и бежала скорее от себя, чем от губ Рэйнера, которыми втайне любовалась весь наш короткий ужин. Или не так уж и втайне, и на самом деле сама невольно пригласила его к... к... ну к тому, что он там собирался сделать?

И если пригласила, то, наверное, выглядела теперь еще большей идиоткой, но остановиться не могла.

Слышала шаги за спиной, которые, впрочем, замерли у подножия лестницы и наверх за мной не последовали. Слышала еще одно тихое «Юта» и громогласное «Болван!», пропетое часами на манер оперной партии. И стук собственного сердца слышала, надсадный и прерывистый.

— Он гонится за тобой с топором? — раздался равнодушный голос Тильды, и я вдруг поняла, что уже стою в своей спальне, прижавшись спиной к закрытой двери, а призрак островитянки парит передо мной, прижимая к груди драгоценный глиняный горшок.

— А то ты не подглядывала, — прохрипела я, и она надменно фыркнула:

— Больно надо идти туда, куда меня не звали.

«Обычно надо», — подумала я, но вслух ничего не сказала и попробовала отлепиться от двери.

Не тут-то было. Ноги тряслись, подгибались и отказывались удерживать остальное тело. Я со стоном повалилась обратно на опору и начала медленно сползать на пол, точно брошенная в стену склизкая каша — я такое видела и сама в детстве совершила пару удачных бросков, после чего меня перестали и пытаться кормить овсянкой. Однако сесть мне так и не удалось — обрушившийся сверху поток ледяной воды придал ногам твердости и упругости, и я подскочила.

— Какого демона?!

На самом деле воды было не так много — сколько там уместится в этом горшке? — даже платье толком не намочило. Зато в голове прояснилось и чувства вернулись на свои места, четко выделив фаворитов: смущение, горечь, стыд.

Тильда спокойно пристроила горшок на стол и переливчатым облаком вновь подплыла ко мне.

— Вообще я собиралась тушить в тебе непотребные страсти, но и для такого состояния водица пригодилась.

Я убрала с лица мокрые пряди.

— Ты для этого его покупала?

— Я тебе что, провидица? — фыркнула Тильда. — Просто приглянулась милая вещица. Я при жизни в таких валточии выращивала — алые, красивые, пахучие... А тут ни у кого вшивого ведра не допросишься. Вот что стоило старому извращенцу привязать меня к какой-нибудь кладовке? Тогда б весь инвентарь в моем распоряжении был, но нет...

Она все продолжала ворчать, но я уже не слушала. Как в тумане добрела до кровати да так и повалилась на нее ничком, мокрая и в обуви.

— Эй, — позвала Тильда, похоже, осознав, что потеряла единственного слушателя.

— Так что мэйн все-таки сделал?

— Ух-хаживал, — всхлипнула я, перевернувшись на бок и подтягивая колени к груди.

— Красиво ух-хаживал.

— Негодяй. Как ему не стыдно. — Тильда поцокала языком прямо у меня над ухом.

А я взяла и разревелась.

Глава 15

Глава пятнадцатая, в которой мэтр Гантрам выбирает любовника для жены, а дом подрабатывает сводней

В восемнадцать лет я решила завести любовника.

Хотя «решила», наверное, не то слово. Меня вынудили его завести, как вынуждают солдат стрелять ради спасения собственной жизни, а сильных магов — размножаться, лишь бы род не прервался. Вот и меня одна неугомонная островитянка накрутила так, что я уверилась: если немедленно не познаю мужчину и не разбужу свою женскую суть — так и помру во цвете лет от неудовлетворенности и кровоизлияний во всех причинных местах и жизненно важных органах.

Понятия не имею, откуда Тильда нахваталась этой несусветной чуши и почему решила поиздеваться надо мной, промывая незамутненный, почти детский разум столь извращенным способом, но своего она добилась. Идея пустила корни, а под воздействием прочитанных романов и полного равнодушия со стороны супруга зацвела пышным цветом.

Я не особо горжусь своей доверчивостью и поступками, коим та поспособствовала, но и ничего зазорного в них не вижу. К тому же польза от всего произошедшего тоже была: я поняла, что прелести полноценной супружеской жизни слишком уж переоценивают.

Ну... почти поняла, ибо, несмотря на все ухищрения и проявленную настойчивость, моя женская суть так и осталась спящей.

Хотя старалась я изо всех сил, что и говорить. Даже поведала о своих грандиозных планах мужу, когда он в очередной раз вывез меня в столицу. Всего на пару часов — продемонстрировать двору, что супруга второго мага империи жива, здорова и вот-вот начнет выдавать по одаренному наследнику в год. Император и придворные снисходительно кивали и делали вид, что ни сном, ни духом о том, кто на самом деле греет постель мэтра Гантрама, а я натянута улыбалась и понимала, что рожать наследника таки придется, и лучше бы познать все радости плотской любви до этого счастливого момента. И с кем-нибудь другим.

Но обманывать Итана я откровенно побаивалась, как и сделать что-то не так и оскандалиться в процессе адюльтера — все же высшее общество оставалось для меня темными и опасными водами, — потому сказала обо всем напрямик. Не представляю, каких трудов ему стоило не расхотаться мне в лицо — наверняка немалых, — но сдерживаемое веселье, столь ему несвойственное, выдавала лишь легкая дрожь в голосе, когда муж поинтересовался:

— И с кем же дражайшая супруга собирается мне изменить?

— Еще не решила, — понурилась я и глянула на него исподлобья.

Мужа я знала плохо, но прежде сопереживания близким и желания помочь за ним не замечала, потому следующие слова стали для меня полной неожиданностью.

— Что ж, тогда позволь дать тебе совет, — чопорно улыбнулся Итан.

И действительно дал совет. Даже несколько, суть которых сводилась к следующему: при дворе у него слишком много врагов, и ошибшись в выборе, я могу вручить им в прямо руки мощное оружие против великого мэтра Гантрама. Силу сплетен.

Поначалу я решила, что меня таким образом ставят на место, мол, уймись, девочка, и не порочь честное имя семьи. О том, что его собственные пристрастия давно опутали это имя грязными слухами, Итан предпочитал не вспоминать. Однако под конец своей довольно напыщенной и самодовольной речи он все же выдал одно единственное имя.

— Мальчишка, но умный и верный короне. И мне. В случае чего будет молчать даже под пытками, ну и соблазнить его не составит труда. — Муж смерил онемевшую от шока меня оценивающим взглядом. — Даже ты справишься. Только не понеси. И не сболтни лишнего. Ну и, разумеется, не попадись.

После чего развернулся и оставил меня на краю бальной залы в полной растерянности. Такого поворота событий я и представить не могла, однако, очухавшись, тут же отыскала среди гостей нужного «мальчишку».

Третий сын какого-то обедневшего вельможи, он был желанным гостем в любой гостиной благодаря молодости, чувству юмора и привлекательной мордашке. А еще небольшому дару прогностика — тут и там шептались, что он с легкостью просчитывал, к чему может привести то или иное событие.

В недалекой перспективе.

Тогда я подумала, что это действительно идеальный вариант.

Но полчаса спустя, когда пригласила целующего меня в темном закутке кавалера невзначай наведаться в Арве-мал-Тиге, ибо времени на прелюбодеяние прямо во дворце не оставалось, смогла полюбоваться выражением ужаса и отвращения на его лице. Вряд ли дело было в близости со мной — убегая прочь и на ходу поправляя камзол, несостоявшийся любовник шептал что-то о монстрах, мертвых душах и лесной ведьме. Полагаю, дар показал ему развитие событий в случае согласия, и не ждало нас в доме ничего хорошего.

— Если тебе интересно, юношу я успокоил, — хмыкнул муж, усаживая меня в экипаж для обратной дороги.

— Ты это нарочно, — осенило меня. — Нарочно выбрал прогностика.

Итан пожал плечами:

— Это оказался действительно самый безопасный вариант. Будь у вас хоть один шанс насладиться друг другом без последствий, он бы его просчитал. А так... — Он прищурился. — Я не жесток, Юта, и твоё невинное тело мне без надобности, но дом... Запомни, дом не отпустит.

Ту жуткую поездку в столицу я вспомнила неспроста, и утром после самого странного ужина в истории Арве-мал-Тиге, лежа под одеялом и прокручивая в голове события вечера, невольно сравнивала свои впечатления от прикосновений двух... ну пусть будет мужчин.

Хотя что тут сравнивать, если тепло рук Рэйнера до сих пор ощущалось на коже острыми иголками, а от того, кто подарил мне первый и последний в жизни поцелуй, даже имени в памяти не сохранилось. Возможно, я даже встречала его после во дворце и не узнавала.

«Интересно, — пронеслась мысль, — если Рэйнер сейчас исчезнет безвозвратно, его лицо и имя я тоже забуду?»

И тут же ответ: нет. Не забуду. Потому что от первого опыта мне достались только обида и смущение. И да, осознание, что весь этот процесс обмена слюной не так уж и приятен. Я и приглашать-то этого прогностика для продолжения не хотела, но не привыкла отступать от намеченной цели.

С Рэйнером же... все было иначе. И не потому, что мне не пришлось самой на него бросаться, просто даже не свершившийся поцелуй отзывался в груди таким спектром эмоций, что при одной мысли о нем я готова была молить Тильду об очередном холодном душе. Как она там сказала? Тушить во мне непотребные страсти?

Что, кстати, тоже вызывало немало вопросов, ведь восемь лет назад именно она стремилась подложить меня чуть ли не под первого встречного. Да и вчера призраки продемонстрировали поразительное единодушие в желании создать для нас романтическую атмосферу. Зачем им это — страшно было даже предположить, но я и так давно подозревала, что мои мертвые сожители что-то задумали. Оставалось выяснить, что.

Скатившись наконец с кровати, я решила, что можно совместить полезное с... полезным. Если кому-то приспичило свести нас с Рэйнером, значит Рэйнера надо избегать любой ценой. Так и моя гордость не пострадает, и не придется разбираться с чувствами, которые он вызывает, или в очередной раз убеждаться в собственной трусости.

— Избегай его, — напутствовала я свое помятое отражение в зеркале и растянула искусанные губы в улыбке. — Проще простого. Дом-то большой...

Вот только не я одна привыкла добиваться поставленных целей...

Я думала, что все три дня, оставшиеся до явления столичного заклинателя, Рэйнер будет занят изучением записей некроманта, а сама я смогу посвятить время запертому в сейфе гримуару, который мне уже даже снился и притягивал с необъяснимой силой. И что пересекаться мы не будем в принципе, даже за обеденным столом, если повести себя по-умному.

Уверена, Рэйнер думал так же или как минимум тоже не стремился к тесному общению, ибо, когда утром мы все же столкнулись перед кабинетом, меня лишь удостоили сдержанным кивком, а затем гордо удалились.

Я не расстроилась, отнюдь. Ведь сама же стремилась к отдельному существованию — каждый в

своей зоне комфорта. И понимала, что мое вчерашнее бегство можно расценить как личное оскорбление... в конце концов, мэйн не сделал ничего такого, чтобы вызвать мое недоверие. Потому нет, я не расстроилась. Зато расстроился кое-кто другой.

Или сделал выводы и решил действовать.

В кабинете я минут пять гипнотизировала идеально чистый стол с ровной стопкой бумаги и рядом блестящих перьев, и только потом выдохнула и шагнула к сейфу. Однако когда открыла первую дверцу, долгие годы смиренно изображавшую картину, и потянулась ко второй, то схватилась вовсе не за жесткую круглую ручку, а за... мягкий человеческий нос.

Мэйн Рэйнер сидел, уставившись на исписанные листы в руках, и я чьими-то стараниями очутилась прямо перед ним. Нервно осмотрелась, узнала выбранную им спальню, застеленную бежевым покрывалом кровать под мэиновской задницей, и пока он медленно поднимал ко мне лицо, попыталась разжать одеревеневшие пальцы. Слушались они плохо, и когда я таки сумела отлепиться от его носа, Рэйнер уже дышал через рот и смотрел на меня как на говорящую лошадь — с неописуемым изумлением.

— П-простите, — пробормотала я, пятясь к двери. — Я не... это не...

Вертевшиеся на языке оправдания казались нелепыми, потому я умолкла, тряхнула головой и, развернувшись, вылетела прочь.

— Не смешно, — шипела я, спускаясь по лестнице обратно в кабинет. — Вы б меня еще к нему в купальню засунули!

Наверное, зря подала идею...

Кабинет оказался заперт, и пока я безуспешно дергала за ручку, из двери выплыла хмурая физиономия Тильды.

— Ты забыла кулон, — упрекнула она.

— Не забыла, а не взяла.

Мне и собственных мыслей было многовато, не хватало еще чужих...

— Ну и ладно. — Тильда фыркнула и скрылась в кабинете.

— Эй! — Я ударила ладонью по двери. — Открой сейчас же!

В ответ не раздалось ни звука. Я всего-то хотела забрать гримуар и отсидеться с ним в лаборатории, но, похоже, придется найти себе другое занятие.

— У меня есть Шанталь, — буркнула я, все же направляясь в библиотеку. — Буду решать ее проблемы.

Однако и здесь ждал сюрприз. Шкаф, за коим таился вход в лабораторию, был от пола до потолка перекрыт стопками книг. Они кренились, шатались и грозили вот-вот обрушиться на чью-нибудь непутевую голову, но бдительная Лорэля парила вокруг и то и дело поправляла ту или иную литературную кучу.

— Думаешь, это меня остановит? — прищурилась я.

— От вызова не в силах отказаться я — У нас в разгаре инвентаризация, — пропела Лорэля.

— Мэйн запретил тебе мне мешать, — напомнила я.

— Запретно применять к тебе мой дар. Пора точнее быть в приказах, господа.

Зараза.

Я сдвинула брови, поджала губы и упрямо шагнула вперед, намереваясь разрушить эту книжную крепость, но уперлась прямо в чей-то шейный платок.

Хотя почему «чей-то»... выбор был невелик.

Отпрянув, я вскинула глаза на Рэйнера — лицо его оставалось серьезным, но уголки губ чуть подрагивали — и быстро огляделась.

Столовая. Отлично.

— Не подскажите, который час? — отступая, деловито уточнила я.

— Почти два, — в том же тоне отозвался Рэйнер. — Я только что пообедал.

Проклятые призраки съедали мою жизнь кусками в несколько часов и, кажется, не испытывали по этому поводу никаких угрызений совести.

— Не велите ли и для меня накрыть? — попросила я, чувствуя, как желудок сводит от голода — я ведь и завтрак пропустила.

— Разумеется, — кивнул мэйн.

— Правильно, поешь, женщина! — проорали из гостиной часы. — А то совсем отощaeшь, никто замуж не возьмет.

Я вспыхнула и поспешно уселась за стол, а Рэйнер с легким кивком удалился.

— Предатели, — бормотала я несколькими минутами позже, остервенело разделявая отбивную на тарелке. — Зачем он вам сдался? Зачем все это?

Ответить мне, естественно, никто не удосужился. Но хоть пообедать спокойно дали, очевидно, опасаясь переносить меня к мэйну с ножом в руках.

Столовую я покидала сытая и недовольная, беспрестанно оглядываясь, прислушиваясь и замирая после каждого шага. Дом затих, и это пугало. Обычно местные любили похлопать дверями и пошуршать занавесками, но сегодня даже свет нигде не мигал, рассеивая законные сумерки равномерным сиянием.

Я застыла как вкопанная, а через несколько секунд уже отодвигала тяжелую портьеру в гостиной. Точно, сумерки.

— Вы издеваетесь? — прорычала, резко обернувшись. — Может, сразу лет на пятьдесят меня состарите?

— Чаю? — чопорно предложил Аццо, материализуя перед моим лицом белую перчатку с подносом.

Я яростно взмахнула руками, надеясь опрокинуть этот треклятый чай, но коснуться успела лишь прозрачной дымки, в которой испарился дворецкий.

— Это жестоко! — крикнула в пустоту, и голос эхом уплыл в недра дома. — Жестоко, — повторила я гораздо тише, потирая виски.

Меня вынуждали обратиться к Рэйнеру... говорить с ним, смотреть в глаза, просить о помощи. Я сомневалась, что осилю даже один из этих пунктов, и с каждым мигом злилась все сильнее.

Да еще и тело ломало от усталости. Я никогда не задумывалась, что происходит с человеком, для которого Катрин сокращает время, но по ощущениям словно весь день на ногах провела. И опять проголодалась, хотя только что вышла из столовой. Наверное, так и простояла несколько часов столбом в коридоре, а Рэйнер ходил мимо, занимаясь своими делами.

Нет, это вряд ли. Скорее, даже не интересовался, где я, и все это время просидел в лаборатории над бумагами старика Гантрама. Иначе бы меня к нему уже раз двадцать переместили.

Значит, разговора не избежать. И просьбы. И взгляда пронзительных глаз, под которым я теряюсь и не знаю, куда девать руки.

Тяжело вздохнув, я шагнула было в сторону библиотеки, но мир подернулся дымкой, и нога моя опустилась уже на ковер в мэйновской спальне.

— О нет.

Я слышала плеск воды из-за двери в другом конце комнаты. И детский смешок за своей спиной. Развернувшись, я ринулась в коридор, но, распахнув дверь, увидела перед собой все ту же спальню.

— Прекратите, — прошептала, отступая назад.

Закрыла дверь. Открыла. Шагнула в коридор и вновь очутилась в комнате Рэйнера.

Рядом опять хихикнули.

— Холли, Нелли, — зашипела я, вцепившись в дверную ручку, — если не перестанете, я с вами больше никогда играть не буду. Никогда!

Смех затих, но выйти мне все равно не дали — на сей раз дверь попросту не открылась.

Мэйн в купальне что-то весело напевал и, судя по звуку, готовился предстать передо мной во всей своей мужской красе. Я понятия не имела, в каком виде он привык завершать ваннные процедуры, но вряд ли при полном параде и с идеально повязанным шейным платком.

Я глупо заметалась по комнате и от растерянности даже не подумала крикнуть и предупредить о своем присутствии. А когда дверь купальни с тихим скрипом начала отворяться, не нашла места лучше, чем небольшой закуток между кроватью и прикроватной тумбочкой.

Я втиснулась туда и, радуясь высоте перины, опустила голову, чтобы макушка не торчала, а для верности еще и лицо руками закрыла.

Идиотка.

Мэйн все еще пел. Мелодию я не узнавала, но вслушивалась в нее с все нарастающим священным ужасом — звук приближался. Обогнул кровать, чуть притих, когда Рэйнер, очевидно, вытирал лицо, и вдруг... оборвался.

Гадать о причинах не приходилось.

— Юта?

Мне на ладонь плюхнулась теплая капля, затем еще одна, и еще. Наконец мэйн догадался отступить и не заливать меня водой, а я рискнула приподнять голову и слегка растопырить пальцы.

Ноги передо мной были голые и волосатые, и этого хватило, чтобы вновь зажмуриться и прижать ладони еще сильнее.

— Прошу прощения, — спохватился мэйн и зашуршал одеждой

— Я не смотрю, — невнятно пробубнила я в ладони. — Откройте дверь, пожалуйста. У меня... не получается.

Мгновение тишины сменилось легкими шагами по ковру, щелчком и скрипом.

— Прошу.

Одной рукой цепляясь за тумбочку, второй продолжая прикрывать глаза, я поднялась и двинулась на голос. Через несколько шагов отважилась еще раз раздвинуть пальцы и приоткрыть один глаз и увидела смутные очертания дверного проема. Рэйнера в поле зрения не наблюдалось.

— Спасибо, — прошептала я и, спотыкаясь, вывалилась в коридор.

— Юта, — окликнул Рэйнер. — Все в порядке?

Кажется, я что-то промычала, прежде чем не оглядываясь рвануть в свою комнату. В ушах шумело, лицо горело так, что по моим подсчетам кожа уже должна была оплавиться и сползти, однако зеркало в спальне отразило лишь слегка порозовевшие щеки и сияющие безумием глаза.

Вот и поговорили.

— Какая ты... возбужденная.

Я обернулась к парящей над кроватью Тильде и поморщилась:

— Зачем вы это делаете?

— Мы? — удивилась она. — Нет-нет, я тут точно ни при чем. — Затем кивнула на кулон, так и оставленный мною на тумбочке: — Я лишь хозяйская побрякушка и права голоса в призрачном совете не имею, зато могу наслаждаться представлением со стороны.

— Рада, что тебе весело.

Я вновь повернулась к зеркалу, уперлась руками в туалетный столик и прикрыла глаза. Долго я так не протяну... демонов язык, отнимающийся в самый неподходящий момент! Неужели так сложно было сказать: «Прикажите, пожалуйста, всем призракам не применять ко мне дар». Меньше десятка слов решили бы все мои проблемы...

С другой стороны, неужто мэйн сам не догадался, что я к нему не по доброй воле весь день перемещаюсь? Ведь додумался же ограничить способности Лорэлей, мог и остальным шепнуть пару ласковых. Но нет, проще смотреть, как я мучаюсь. Наверное, повеселился не меньше Тильды.

— Он же мысли читать не умеет. — Я открыла глаза и встретила в отражении с насмешливым

взглядом островитянки. — Может, подумал, что это ты так неумело заигрываешь.

— Я что, вслух болтала? — проворчала я.

— Нет. — Она пожала плечами. — Просто я тебя знаю. Если можно обвинить в своих бедах другого, ты это сделаешь. Повзрослей уже и научись пользоваться ртом по прямому назначению.

Я лишь фыркнула и, рухнув на кровать, уставилась в потолок.

— Не могу к нему вернуться. Не сейчас. — И тут же приподнялась на локтях и отыскала взглядом Тильду, теперь зависшую над стулом. — Попроси их больше не трогать меня сегодня.

— Попросить? — вскинула она бровь.

— Да. Одна спокойная ночь. А я больше не буду избегать Рэйнера, обещаю. Помогу ему с бумагами, буду милой и общительной — вам ведь это надо? Хотя я и не представляю, зачем. Я даже не стану говорить, чтобы он ограничивал их дар. Только дайте выспаться, пожалуйста.

Тильда расплылась в довольной улыбке:

— Я попрошу... при одном условии.

— Каком?

— Завтра материализуешь меня минимум на полдня.

— Зачем? — насторожилось я.

Она хмыкнула:

— Затем. Пожить хочу. Тебе жалко?

— Нет, но... — Я умолкла, подумала и сдалась. — Хорошо.

— Даже если остальные не согласятся, — быстро добавила Тильда. — Я ведь иду к ним с наглым предложением. Роль гонца опасна, знаешь ли...

— Ладно-ладно, — отмахнулась я. — За роль гонца — полдня в теле. А если договоришься — хоть весь день.

— Идет! — выпалила Тильда и, преисполненная энтузиазма, испарилась.

А вернулась подозрительно быстро и не менее подозрительно счастливая. Я только и успела умыться и переодеться.

— Спи спокойно, золотце, — пропела служанка. — Сегодня в твоём распоряжении мягкая теплая постель, никаких искажений времени и даже никакого «Учгунжского заклинателя».

— Честно?

Верилось с трудом, потому что добиться от меня необходимых действий призраки могли и без всяких сделок, и даже лишившись возможности воздействовать на меня дарами. В их неосязаемых руках таилось множество секретов и приемов — мне бы жизни не хватило изучить все. Так с чего им так легко соглашаться?

— Честно, — кивнула Тильда. — Это будет самая сладкая ночь в твоей жизни. А я постерегу твой покой.

С этими словами она улеглась рядом, едва касаясь одеяла призрачным телом, скрестила руки на груди и закрыла глаза.

— Ты будто в гроб легла, — пробормотала я.

Подозрения все крепли, но сил докапываться до истины не осталось. Главное, что мне пообещали крепкий сон, и он меня уже затягивал, а с остальным... с остальным я разберусь утром. Если уж на то пошло, я действительно могу попросить защиты у Рэйнера, коли обитатели Арве-мал-Тиге нарушат слово.

Кажется, я все же успела сказать об этом Тильде, прежде чем отключилась. И утром, когда лучи солнца нежно скользили по закрытым векам, с улыбкой думала о своей глупой недоверчивости — ровно до тех пор, пока не попыталась подмять под себя подушку, а вместо нее нащупала... человеческое тело.

Большое, теплое и обнаженное.

Глава 16

Глава шестнадцатая, в которой мэйн притворяется, Юта как будто счастлива, а столичные заклинатели кое-что да умеют

Широкая мужская грудь под моей дрожащей ладонью вздымалась и опускалась размеренно, без перебоев, и как это ни глупо, первым делом я испытала возмущение, ибо поняла, что Рэйнер спит. Спит! Я тут, видите ли, на грани сердечного приступа, уже чувствую запах сырой земли и слышу голоса праотцов, а он даже не заметил, что не один в постели.

Благо продлилось сие помутнение недолго, и уже через пару судорожных вдохов меня захлестнула волна облегчения. Он спит. Спит! Значит, можно тихонько сползти с кровати — что она чужая, я поняла сразу — и вернуться к себе, избежав позорных оправданий. Если, конечно, дверь вновь не окажется заперта. Впрочем, уж лучше пусть застучает меня у двери — сделаю вид, что туда меня и перенесли, а не под теплый бок, покидать который было отчего-то до обидного грустно.

Я на миг зажмурилась, тряхнула головой и приступила к исполнению простейшего плана, вот только внезапно он начал обрастать дополнительными сложностями.

Перво-наперво мне даже из тряпичного кокона выбраться не удалось — что-то крепко удерживало мою ногу, и дергаться я не рискнула. Аккуратно приподнялась на локтях, откинула уголок одеяла и сглотнула, узрев свои конечности, придавленные голой ногой мэйна. Обнаженная грудь... ноги до колена... укрытыми оставались только его бедра, и мне очень хотелось верить, что на них есть какие-нибудь подштанники. По крайней мере, выскочив в коридор после эпизода с кашей, он голым задом не светил, а значит, не имел привычки спать совсем... без ничего.

Признаюсь, любопытство грызло. И всего-то и надо было приподнять одеяло, но я втянула воздух, выдохнула и со всей возможной осторожностью начала выползать из-под солдафонской конечности — довольно тяжелой, кстати говоря. Вскоре, едва не вывернув ступни, я таки подтянула к себе обе ноги, медленно развернулась и свесила их на пол. Кровать скрипнула, дыхание мэйна прервалось, я испуганно замерла.

Секунда. Две. Три.

Тишина.

Стиснув зубы, я наконец встала на мягкий ковер и снова застыла, не решаясь ни сделать шаг, ни оглянуться. Проснулся или нет? Если проснулся, мог ведь и промолчать, теща мою гордость. И лежит теперь, наблюдает из-под полуприкрытых век, как я мнусь и мучаюсь. Этот образ вызвал в груди глухое раздражение, и я резко обернулась.

Глаза Райнера были плотно закрыты, а губы, наоборот, разомкнуты, даже линия зубов виднелась — идеально ровных, белоснежных... И в целом на лице его застыло то самое расслабленно безмятежное выражение, которое приличествует спящим младенцам, и как раз это и вызывало подозрение. На младенца мэйн никак не тянул, и мне не верилось, что через каких-то полгода после войны хоть один солдат хоть одну ночь провел вот с таким вот лицом. Я бы охотнее приняла поджатые губы и сдвинутые даже во сне брови.

Взгляд невольно скользнул по ямочке на подбородке, по обнаженной груди, на которой даже волосы имелись, что безумно смущало, и еще ниже... Одеяло по-прежнему прикрывало все самое интересное, и я, вздохнув, решила.

— Вы притворяетесь, — заявила уверенно, хотя соблазн подыграть и молча уйти был велик.

Губы Рэйнера дрогнули, но глаз он так и не открыл. Зато признался едва ли не шепотом:

— Из последних сил. Знали б вы, как чешется нос.

Я не засмеялась, сдержалась, лишь фыркнула:

— Так почешите.

Смущение не то чтобы ушло, но дышать стало гораздо легче, и я неожиданно подумала, что ничего страшного не произошло. Вообще ничего не произошло.

— Вы так и будете тут стоять? — уточнил Рэйнер, с явным наслаждением почесав кончик носа.

— Вы же понимаете, что я не сама? — спросила я в ответ.

Сама не ожидала, что буду так спокойна, а поглядите-ка...

— Разумеется. Я сделаю им внушение.

— Я обещала, что не буду вас просить ограничить их способности...

Конечно, призраки нарушили слово, но вообще-то... не совсем. Я сама виновата. Перебирая в голове формулировки просьб и обещаний, я четко видела, где и в чем промахнулась. Дура. Знала же прекрасно, с кем имею дело. Не знала только, зачем им все это надо.

— Вы и не просили, я сам, — отозвался Рэйнер, так и не сменивший позы и не открывший глаза.

А я вдруг снова засмушалась и устыдилась. Стою тут... не даю человеку пошевелиться.

— Спасибо, — пробормотала я и быстро прошагала к двери.

За ручку бралась не то страшась, не то мечтая, чтобы она не поддалась. И тогда мэйн встанет, приблизится и...

Дверь открылась легко.

С острым чувством сожаления я шагнула в коридор и оглянулась. Рэйнер лежал на том же месте. И смотрел мне вслед.

— И за то, что притворялись... спасибо, — с трудом выдавила я и поспешно закрыла дверь.

Родная комната встретила тишиной и прохладой — кажется, вчера я оставила приоткрытым окно. И Тильда недовольным укором висела возле прикроватной тумбочки и многозначительно косилась на кулон.

— Утро нового дня в разгаре. Выполняй обещание, бесстыдница.

Странное томление в груди мешало как следует разозлиться, потому я лишь махнула рукой и, опустившись на стул перед туалетным столиком, рассеянно уставилась в зеркало. В отражении ошалело хлопала глазами на удивление здорового вида девица. Ни неестественной бледности, ни лихорадочного румянца — самое обычное лицо. Нормальное, разве что выражение придурковатое, но оно и понятно.

— О, поплыла, красотка, — прокомментировала Тильда, подплетая ближе. — Вот я и говорю, бесстыдница.

— Это не я себя к нему в койку сунула, — вяло огрызнулась я.

— И не я, — хмыкнула она. — Но ты б могла уйти без вот этого всего — мэйн давал шанс.

Я резко обернулась к ней и прищурилась:

— Не ты. Но ты точно знаешь, что происходит. Знаешь, зачем вся эта свистопляска.

Тильда отшатнулась и насупилась:

— Ничего я не знаю. Давай. Выполняй обещание.

Я помолчала, внимательно ее разглядывая. Да, Тильда определенно в курсе планов призраков, пусть и утверждает, что все важные решения принимаются без ее участия. Но если не сочла нужным меня предупредить...

— Тильда, — осторожно произнесла я, и призрачная фигура пошла рябью, — я тебе доверяю. У меня во всем мире нет никого ближе.

Чистая правда. Я не пыталась манипулировать, разве что чуть-чуть надавить на совесть и подтолкнуть к откровенности, вот только напрасно. Тильда отлетела подальше и скрестила руки на груди.

— Зубы мне не заговаривай, — пробормотала как-то нервно. — Идиоты просто развлекаются за ваш счет, вот и все. Где мое тело?

Я со вздохом встала и взяла кулон. Будет ей тело.

А остальное... я выясню сама.

Прихорашивалась я этим утром дольше обычного. То есть не прихорашивалась, конечно, а... приводила себя в порядок, как и положено приличной молодой женщине. Это Тильда заявила, будто я прихорашиваюсь, но куда она активно помогала, тратя на меня часть своего «телесного» времени, то и спорить я не стала. Да и вообще старалась в основном молчать — островитянка была на редкость мрачна и задумчива, и хотелось верить, что размышляла она о моих словах насчет доверия и близости. Так зачем отвлекать человека?

Через час мучений из зеркала на меня смотрела... я сама десятилетней давности. Не помолодевшая, но посвежевшая, нежная, открытая и как будто даже счастливая. Я давно не делала таких сложных в исполнении, но простых и естественных с виду причесок, чтоб и хрупкость черт подчеркнута, и локоны по плечам. И платье это давно не надевала, потому что коротковато, но не критично. И пусть оно простое, домашнее, зато зеленый мне явно к лицу.

В общем, отражение меня порадовало, только не давала покоя мысль, не воспримет ли мэйн подобное преобразование на свой счет. Или как раз хорошо, если воспримет, и плохо, если нет?

И почему с мужчинами так сложно... призраки, по-моему, и то доступнее для понимания.

В столовую я не шла — плыла. Наверное, слишком долго плыла, потому что Рэйнера там не застала и позавтракала в гордом одиночестве. Было немного страшновато — а ну как призраки опять начнут свои фокусы. Или не начнут, если мэйн запретил, но как-то иначе отыграются на мне за этот запрет.

Не отыгрались. Вообще никак себя не проявили, и даже еду подали на стол задолго до того, как я шагнула в столовую, лишь бы со мной не пересекаться. От этого стало еще страшнее и неудобнее, но я не позволила такой мелочи сказаться на настроении.

После завтрака решила проверить кабинет — пусто. Затем направилась в лабораторию, и — о чудо! — книжные завалы исчезли без следа, но войти я все равно не смогла. Демонов кулон и материализованная Тильда. Я понятия не имела, где ее носит, зато знала, что, если сниму артефакт и испорчу один из ее редких моментов настоящей жизни, мне этого никогда не простят.

— Призываю Лорэлею, — вздохнула я без всякой надежды на ответ, и его предсказуемо не последовало.

На мои призывы они имели полное право не реагировать.

— Призываю... хоть кого-нибудь, — не сдавалась я. — Вы в курсе, куда подевался новый хозяин?

Тишина. Только пол под ногами дрогнул, а когда я глянула вниз, на темном дереве проступила кровавая надпись: «ЕГО НЕТ».

Я всерьез забеспокоилась, и следующие полчаса обходила дом и заглядывала чуть ли не в каждую дверь, даже в чуланы, но Арве-мал-Тиге будто вымер. По-настоящему вымер, а не как до этого... Даже Бруно не показался, как я ни пыталась докричаться, а ведь он не из привязанных и всегда охотно шел на контакт.

В зеркала я больше не заглядывала, но, полагаю, к моменту выхода на улицу лик мой утратил добрую часть утренней свежести и восторженности. И хорошо, что Рэйнера и в саду не обнаружилось, а то ждала бы его встреча не с милой Ютой, а с Ютой хмурой и склонной к насилию.

— Куда все запропастились? — пробормотала я, маршируя по тропинке, и едва не запнулась, когда из кустов донеслось:

— Обиделись.

В заросли я ломанулась без раздумий и через пару секунд уже любовалась увитой плющом беседкой, в которой преспокойно попивала чай Тильда.

Я проморгалась и захлопнула открывшийся от удивления рот.

— Ты вот для этого просилась в тело?

— А что? — Она поднесла к губам фарфоровую чашку, с наслаждением глотнула и, запрокинув лицо, зажмурилась. — Маленькие радости жизни.

— И на что они обиделись? — вернулась я к прежней теме.

Тильда фыркнула:

— Пока ты кудри завивала, мэйн Рэйнер, оказывается, сильно гневались да приказы раздавали. Теперь слуги весьма ограничены в своих возможностях.

— А мэйн где? Все же в лаборатории?

— Нет. Ушел в столицу. За магом.

Кажется, я снова некрасиво распахнула рот.

— Как ушел?

— Туннелем твоим любимым. — Тильда подняла со скамейки опавший листок и поднесла к носу. Вдохнула. — Сначала запретами раскидывался, а потом договаривался, чтоб его дом на пару часов выпустил. А я все пропустила из-за твоего марафета...

— Кровь?.. — ахнула я.

— А если и кровь? На тебя ж они теперь все равно влиять не могут. Но нет, расслабься, не кровь.

— А что тогда?

— Вот вернется, у него и спросишь.

Я все же уселась рядом с Тильдой и хмуро уставилась перед собой. Мысли в голове бродили самые безрадостные.

Судя по всему, Рэйнера так измучили мои постоянные перемещения чуть ли не в его объятия, что он решил не дожидаться, когда заклинатель доберется сюда своими силами, и отправился за ним. И получается... это и было целью призраков? На хозяина она напрямую воздействовать не могли, и потому воздействовали на него... мной? Доводили? Я не жертва издевательств, а лишь инструмент?

Версия дурацкая, но отчего-то с каждым мигом она казалась мне все достовернее, и на душе становилось все поганее. Призраки — не живые люди, и думают они иначе. Я же сама говорила об этом Рэйнеру. Так что, когда он научился быстро и ловко раздавать точные приказы, им пришлось импровизировать. И кто оказался единственным подверженным влиянию объектом на лиги вокруг? Конечно же, счастливица Юта Гантрам.

Накрутила кудри, платье откопала... а мэйн полежал со мной в одной постели и решил, что пора поскорее разобраться с домом и избавиться от одной навязчивой девицы.

Другой вопрос: зачем призракам так срочно понадобилось приволочь сюда столичного мага? Неужели он и правда что-то да умеет? Или...

Или цель их не в том, чтобы доставить сюда заклинателя, а в том, чтобы на время выпроводить мэйна из Арве-мал-Тиге?

Кажется, к дому я рванула, еще толком не успев додумать эту мысль.

Глава 17

Глава семнадцатая, в которой не все мужчины и ароматы одинаково прекрасны

Время тянулось невыносимо медленно — настолько, что я даже заскучала по способности Катрин съесть мой день за несколько секунд. Нет, в таком большом выпадении из жизни я не нуждалась, но была бы рада незаметно проскочить этот час ожидания, а не вышагивать туда-сюда по кабинету без возможности присесть, ибо нервное напряжение как-то выплескивать надо.

Ждала я, когда столичный заклинатель, единственный и неповторимый (по его собственному мнению) мэтр Стефан Хейко, ознакомится с записями о проклятом доме. Не с изначальными, некромантскими, а с теми, что трепетно составлял Рэйнер, пока меня мотало во времени и по дому словно листок на ветру.

Мэйн высосал из дневников старика Гантрама все, что только смог, и составил приблизительную схему ритуала, дабы Хейко попробовал обернуть его вспять. Или хотя бы осмотрелся и предложил варианты решения нашей проблемы. До сего дня я к его возможностям относилась скептически, да и первое впечатление от знакомства уверенности не прибавило. Маг был красив, самовлюблен и... откровенно говоря, тупоголов.

Он без конца зачесывал рукой блондинистые волосы, выпячивал губы, то ли желая что-то сказать, то ли демонстрируя их форму и возможности, и смотрел на меня как на дикую лошадь, которую неплохо бы объездить, тем самым продемонстрировав своим многочисленным поклонникам удал молодецкую. Сомневаюсь, что он даже понял, кто я такая, и запомнил мое имя, так как, пока мэйн представлял нас друг другу, мэтр Хейко пытался взглядом испепелить на мне платье, а потом проникновенно шептал какие-то банальности о прекрасных дамах и лобызал фактурными губами мою окаменевшую от такой наглости ладонь.

К их прибытию я едва успела еще раз пробежаться по дому, убедиться, что призраки затаились и пока никакой пакости не устроили, и накрутить себя еще сильнее. Потому вышедших из туннеля мужчин встретила в весьма... разобранном состоянии.

Однако заклинатель все же сумел меня удивить, с ходу заявив, что к дому привязано множество сущностей и избавиться от них будет ой как непросто, но ничего невозможного нет. Я тут же покосилась на Рэйнера, надеясь, что он уловит мой немой вопрос: «Это вы рассказали?». Не знаю уж, понял он или нет, но головой покачал.

А затем они удалились в библиотеку, а я осталась — ждать и нервничать.

Немного тревожило, что мэйн собрался провести в лабораторию — а без этого никак, все-таки там произошло ключевое событие — малознакомого столичного хлыща, но я быстро себя одернула. Не все ли равно? Если... точнее, как только все удастся, дом навсегда станет чужим. И уж кому-кому, а мне точно не должно быть дела до сохранения в секрете всяких потайных комнат.

Выкладки Рэйнера по ритуалу я тоже не видела и переживала, опять же, о попадании ценной информации в чужие руки. Но старалась не унывать и верить в благоразумие мэйна: военный же человек, вряд ли он допустит, чтобы извращенная идея «умного дома» ушла в массы. Разве что Хейко окажется не столь тупоголов и сам все просчитает...

Я тряхнула головой. Нет, об этом лучше не думать.

Я навернула очередной круг по кабинету, удивляясь, что ковер под ногами еще не дымится, замерла перед сейфом, но гримуар пока решила не трогать. Да, с ним можно было убить время, однако если мэтр Хейко застанет меня с этой священной для заклинателей книженцией... Скажем так, тут даже полный идиот своего шанса не упустит.

И едва я успела одернуть руку от картины, как объект моих размышлений размашистым шагом ворвался в двери.

Я замерла, ожидая появления Рэйнера, но маг пришел один.

— А где?..

— Сейчас подойдет. — Хейко по-хозяйски огляделся и хмыкнул каким-то своим мыслям. — Решил распорядиться насчет чая. Забавно. Обычно слуг вызывают, а не бегают за ними по дому.

Я натянуто улыбнулась, представив, как бы он отреагировал, начни Рэйнер призывать наших слуг.

Кстати, о них. Я прищурилась, выискивая на лице мага следы воздействия, но лицо это было все так

же надменно и лишено всяких признаков умственной деятельности. Неужели призраки даже не попытались выставить незваного заклинателя из дома? Неужели они и вправду видят в нем избавителя?

Или все самое интересное еще впереди?..

— Голубые, — прервал мои размышления мэтр Хейко. — С ноткой бирюзы.

Я моргнула:

— Простите?

— Мои глаза. Вы так в них вглядываетесь. — Он игриво приподнял брови. — Не смущайтесь, я привык.

Что на такое отвечать, я не знала, и непроизвольно попятилась к кушетке. Мэтр... подавлял. Не харизмой, как ему наверняка казалось, а исключительно ростом и шириной плеч. Так что стати ему было не занимать, а вот хороших манер явно не доставало. Подумалось, что если я сяду, то и он пристроит куда-нибудь свое холеное тело и не будет нависать надо мной самодовольной глыбой.

Но я ошиблась.

Вскоре я сидела на кушетке, нервно стиснув руки на коленях, а заклинатель расхаживал по кабинету, с легкой брезгливостью рассматривая старомодную и экстравагантную обстановку. Рэйнер куда-то запропастился, Тильда на помощь не спешила, молчание затягивалось.

Закралась мысль придумать какой-нибудь предлог и уйти, но оставлять Хейко одного тоже не хотелось.

— Вы... какой-то особенный маг? — спросила я, прокашлявшись, дабы как-то разбавить тишину.

— Конечно, особенный, — тут же откликнулся он. — Но чем вызван этот вопрос?

— Мундир. Если не ошибаюсь, по уставу положен зеленый.

Все заклинатели Аделхайда действительно были обязаны носить темно-зеленую форму. Исключения не сделали даже для придворных магов, превосходивших прочих коллег и силой, и перечнем заслуг. Но данный представитель магической братии отчего-то щеголял в бирюзовом мундире, и единственная приходящая мне на ум причина казалась настолько невероятной, что я никак не ожидала услышать из его уст подтверждение.

Но услышала.

— Ах, это. Право, эта болотная зелень — такая скука. — Хейко поморщился и театрально всплеснул руками. — А вот бирюзовый подчеркивает мои глаза, кои так вас заинтересовали.

— Я вовсе не... — Я осеклась и сглотнула. — И вам никто не запретил?

— А за этим кто-то следит? — нахмурился маг.

Боги, он и правда идиот. И вот на него призраки Арве-мал-Тиге возложили свои надежды на освобождение?

Пока я силилась подобрать слова для вежливого ответа, мэтр Хейко вдруг плюхнулся на кушетку рядом со мной и одним резким движением приблизился вплотную.

— Чувствуете? — спросил с придыханием, нависая сверху точно стервятник над тушей безвинно убиенного оленя.

Я чувствовала лишь прогорклый запах табака с примесью чего-то кисло-ржавого, будто мэтр полдня курил и лизал металлические скобы в нашем подвале. Вряд ли он спрашивал именно об этом, но я на всякий случай кивнула.

— Это «Грешник».

Маг пыхтел уже где-то в районе моих обнаженных ключиц, а потом прижался влажным, как у собаки, носом к шее и шумно втянул воздух. Я вздрогнула и уперлась руками ему в плечи, пытаюсь отстраниться.

Страха не было. И волнения, как ни странно, тоже. И ничего близкого к тому, что я испытала от прикосновений мэйна Рэйнера. Только глухое раздражение и нелегкая растерянность.

— Лучший столичный аромат для мужчин, которые знают себе цену, — расшифровал Хейко, явно воспользовавшись заголовком с плаката или кричалкой ярмарочных зазывал.

Я тем временем отклонялась все дальше и дальше и уже практически лежала на кушетке, придавленная весом обрызганного «Грешником» идиота.

— Говорят, одна капля этих духов способна лишить разума...

— А вы давно ими пользуетесь? — уточнила я с непритворной тревогой.

Судя по всему — давно, ибо разума в этой коробочке совсем не осталось.

— ...лишить разума всех прекрасных дам, оказавшихся поблизости, — как ни в чем не бывало продолжил мэтр Хейко, — и разжечь невиданную страсть в их сердцах. При этом никакой магии, чистая наука.

Ну, что магии в парфюме нет, и так было понятно. Во-первых, подобное воздействие строжайше запрещено, и столичный хлыщ вряд ли решился бы столь нагло нарушать закон да еще и кичиться этим. Это ж все же не сшитый на заказ мундир неуставного цвета. А во-вторых, разум мой остался при мне, а в сердце если что и разожглось, то никак не невиданная страсть, а невиданное возмущение.

Ибо в дверях кабинета я заметила мэйна Рэйнера, с интересом наблюдавшего за нашим тесным общением с мэтром. И ведь стоит себе, прислонившись к косяку, и даже не думает шевелиться!

Глава 18

Глава восемнадцатая, в которой отменяются увечья, визиты и ритуалы

Я поджала губы и изо всех сил напрягла лицо, пытаюсь метать глазами молнии, но вряд ли получилось. По крайней мере, на Рэйнера точно не подействовало. Он мельком скривился и вдруг выдал совершенно спокойно:

— Мэтр Хейко, госпожа Гантрам. — Словно поздоровался со случайными знакомыми на прогулке в парке.

И даже позы не изменил.

Хейко хватило совести отпрянуть — не особо резво, но все же.

— Мэйн Рэйнер, — так же чинно отозвался он и поднялся. — Все распоряжения розданы?

Я наконец смогла сесть, брезгливо потирая шею, обнюханную магом. Вставать благоразумно не стала. Мужчины смотрели друг на друга как-то слишком уж выразительно, и переключать их повышенное внимание на себя я не собиралась.

— Разумеется, — произнес мэйн. — Прощу прощения за задержку. Впрочем, кажется, вы нашли, как скрасить время.

Щеки обдало жаром не то от смущения, не то от злости, а вот мэтр Хейко остался непробиваем.

— Да, — улыбнулся он, обнажив крупные белые зубы. — Я как раз рассказывал госпоже...

Маг запнулся, улыбка дрогнула.

— Гантрам, — хмыкнул мэйн.

— Конечно. Рассказывал госпоже Гантрам о последних достижениях науки. Поразительно любознательная особа, такая редкость для женщины.

А вот теперь я, не сдержавшись, вскочила и стиснула кулаки. Да что себе позволяет этот... этот... павлин! Но выплеснуть кипевшее внутри негодование не успела — Хейко вдруг ощутимо вздрогнул и медленно повернулся ко мне всем корпусом:

— Погодите-ка. Гантрам. Гантрам... А вы, случайно, не родственница?..

— Мэтр Хейко, — перебил Рэйнер, пока из меня по капле вытекал весь пыл.

Отлично, теперь заклинатель доставит в столицу свеженьких сплетен. Почему я не притащила с собой Тильду? И как мог Рэйнер отпустить его в одиночку болтаться по дому?

— Мэтр, — повторил мэйн. — Позвольте ненадолго отвлечь вас от темы научных достижений и показать кое-что напрямую связанное с делом. Полагаю, госпожа Гантрам не откажется обождать нас еще немного.

Я натянута кивнула. Улыбка мага окончательно померкла, и он, окинув меня напоследок хмурым взглядом, последовал за Рэйнером.

Я выждала ровно две минуты. Нет, бежать за ними и подслушивать я не планировала, а вот отыскать прохлаждающуюся служанку — да. Я, может, и обещала Тильде тело на весь день, но вовсе не отпускала ее на все четыре стороны с пожеланием заниматься, чем заблагорассудится.

«Тильда!» — мысленно позвала я, но откликнуться та не соизволила.

Пришлось маршировать на улицу в надежде, что она все еще попивает чай в саду или как минимум не покинула территорию Арве-мал-Тиге. Хотя это вряд ли. Я не чувствовала того особо натяжения, которое возникало всякий раз, как между мной и материализованной Тильдой увеличивалось расстояние. В такие минуты силы таяли невероятно быстро, сейчас же я была на удивление бодр. Впрочем, вероятно, тому способствовало раздражение.

«Тильда, ты мне нужна, — не прекращала звать я по дороге. — Если не ответишь, я тебя развоплю к бездне, и плевать, чем ты в этот момент занята!».

«У нас гости», — наконец раздалось в голове.

Я даже замерла на мгновение, удивленная, что угроза подействовала. Обычно эту язву ничем не проймешь.

«Я знаю. Он с Рэйнером».

«Во-первых, не он, а они, — фыркнула Тильда. — А во-вторых, как это с Рэйнером, когда со мной?».

Но я уже вышла на крыльцо и сама увидела, о ком речь. Страдальческий стон сдержать не удалось, благо знакомая пролетка и не менее знакомые отец и дочь Эморри расположились в самом конце подъездной дорожки и моих стенаний не слышали.

Приблизиться к ним не хотелось, но и в дом возвращаться — тоже. Ибо одна только мысль о причинах, побудивших доктора вновь явиться к нашему порогу, вызывала нервный тик и острое желание угнать пролетку и не останавливаться, пока Арве- мал-Тиге, Хамрант, да и вообще весь Аделхайд не останутся далеко позади.

Ну неужели у мэтра Штанге настолько туго с инстинктом самосохранения? Что ж его сюда влечет с такой самоубийственной силой?

Я вздохнула и медленно побрела по дорожке к гостям, по пути пытаюсь придать лицу доброжелательное выражение. На самом деле Лене я бы, может, и обрадовалась. В другой день, при других обстоятельствах, и прибудь она сюда в гордом одиночестве. Но доктора Эморри подобные визиты явно тяготили, кирсии он и в первый раз нарвал, на мой взгляд, предостаточно, а значит... значит опять активировалось клятое благословение.

Не знаю, чем развлекала рыжее семейство крутившаяся возле пролетки Тильда, но когда я подошла, они хором смеялись. Ладно, доктор едва заметно улыбался, но в его случае это можно смело приравнивать к раскатистому хохоту.

Я тоже улыбнулась и поздоровалась, не представляя, как бы потактичнее поинтересоваться, какого демона они здесь забыли. Потому просто растянула губы еще шире и спросила:

— Что ж вы не подъехали ближе? Пролетку вполне можно оставить у крыльца, и...

— Нет-нет, — перебила Лена, отчаянно краснея. — Мы не станем злоупотреблять вашим гостеприимством. Тильда уже объяснила, что к мэйну прибыл важный гость из столицы. Да мы и не планировали заходить...

Я покосилась на невозмутимую Тильду, снова перевела взгляд на восседающую на облучке Лену и нахмурилась:

— Не планировали?..

Она словно опомнилась и спрыгнула на землю, а вот доктор коляску не покинул, только нахохлился и спрятал лицо в высоком вороте сюртука.

— Папа не был уверен... — Лена мельком оглянулась на отца. — Знаете, эти предчувствия порой так размыты. То есть сначала все было ярко и определено, но едва мы подъехали и... Теперь он говорит, что все нормально и можно разворачиваться. Все-таки будущее изменчиво, и кто-то сегодня избежал серьезных увечий.

— Кто же это мог быть, — пробормотала Тильда себе под нос, и я предупреждающе на нее зыркнула.

— Мэтр Штанге? — спросила у доктора, но тот лишь фыркнул в воротник.

— Мэтр в городе, мы видели его перед отъездом, — поспешно ответила Лена и снова покраснела.

Да, как будто в нашем доме больше некому раниться.

— Ну раз увечья отменились, может, все-таки останетесь на чай? — собравшись с духом, выдавила я.

Не то чтобы мне очень хотелось развлекать беседой нежданных гостей и вновь наблюдать, как Рэйнер любитесь воплощенным в Лене Эморри совершенством, ко между этим и общением с мэтром Хейко я бы без раздумий выбрала первый вариант.

— Увы, у папа пациенты, — с явным сожалением вздохнула Лена. — Но мы будем рады видеть вас с ответным визитом в любое время. Я бы показала вам свою коллекцию...

— Коллекцию? — озадачилась я.

— Лена! — буркнул доктор, и она суетливо забралась обратно на облучок.

— Еще раз извините за беспокойство. Но уж лучше так, чем не успеть вовремя. Знаете, вот дара папа побаиваются, а ведь каждому бы хотелось быть спасенным ра...

— Лена, — снова позвал Эморри-старший, и она осеклась.

— Простите, — пробормотала смущенно. — И до скорой встречи.

— До скорой, — рассеянно отозвалась я.

А когда пролетка скрылась за поворотом, гневно уставилась на Тильду.

— А я-то что? — моментально ошетибилась она. — Гуляла, никого не трогала, встретила гостей, предупредила, что в дом лучше не соваться...

— С чего вдруг?

— Чтоб не мешали мэйну бить морду столичному заклинателю, — как о самом тривиальном событии оповестила Тильда.

— Что?!

Я пару раз моргнула, открыла и закрыла рот и, развернувшись, припустила обратно к дому.

— Да не переживай ты так! — понеслось мне вслед. — Сказали же, обойдется без увечий! Даже доктор не понадобится...

В дом я ворвалась, едва не извергая пламя и, что куда важнее, не до конца понимая, отчего же так взбеленилась. Какое мне, собственно, дело, кто, кому и за что собрался бить морду? Оба ведь хороши. Один прижимается, куда не следует, другой молча за этим наблюдает — да пусть хоть испепелят друг друга на месте, плакать не стану!

Но сердце все же активно пыталось выломать ребра, а кто-то внутри нашептывал: «Хейко маг... очень сильный маг».

Я как никто знала, на что способны маги, ибо жила в созданном ими кошмаре. И каким бы Хейко ни казался идиотом, он действительно силен и вполне может на удар кулаком ответить чем-нибудь из своего магического арсенала. А что же Рэйнер? Максимум зашвырнет противника в туннель или сам там укроется, что вряд ли. Не такой он человек.

Конечно, отъезд доктора внушал оптимизм, но, как сказала Лена, будущее изменчиво. Может, сначала кто-то избежал увечий, а стоило пролетке скрыться, и ситуация опять осложнилась.

В фойе путь мне преградила самовольно развоплотившаяся Тильда. Я резко затормозила, помня, сколь неприятно столкновение даже с призрачным объектом, и уперла руки в бока:

— А так просила тело...

— Не люблю бегать, — пожалала она плечами. — И куда тебя несет? Сами разберутся, не маленькие. Два здоровенных лба.

— Никакой больше материализации, — проворчала я и попыталась обогнуть служанку, ко она упорно повторяла каждый мой маневр.

Не выдержав, я зажмурилась и все же ринулась напрямик. Нос и уши тут же заложило, голова на миг словно погрузилась под воду, воздух застрял в груди. Но и Тильде пришлось развеяться, благодаря чему я спокойно пробежала оставшееся расстояние. Слава всем богам, бежать было недалеко — Рэйнер обнаружился в гостиной. Посиживал себе на диване в полном одиночестве.

Когда я с грацией дикого кабана влетела в комнату, запнулась об угол ковра и, с трудом поймав равновесие, замерла с растопыренными руками, мэйн лишь поднял на меня удивленный взгляд и чуть изогнул брови:

— Что-то стряслось?

В этот момент он был как никогда близок к статусу будущего пациента доктора Эморри, и даже подумалось, что вот сейчас, уловив мои кровожадные мысли, доктор велит дочери развернуть пролетку, но...

Я опустила дрожащие от гнева руки и прокашлялась:

— Где наш гость?

— Наш гость скоропостижно... отбыл, — с многозначительной паузой сообщил Рэйнер и вновь уткнулся в бумаги, которые я только теперь заметила в его руках. — Точнее я лично вы... проводил его в столицу.

— Передумали очищать дом? — уточнила я, стискивая кулаки.

И чего опять разнервничалась? Жив мэйн, жив. Даже невредим. Если не считать покрасневших костяшек...

— Нет, но, боюсь, мэтр Хейко не смог бы нам помочь.

— Он их почувствовал! — воскликнула я. — Чуть ли не с порога! И уверял, что все возможно...

— Да уж, видел я, как он уверял, — пробормотал Рэйнер. — Очень убедительно.

— Простите, это на что вы намекаете?

Дышать снова стало трудно, и я уже сама не понимала, на что и на кого злюсь. Во главе списка, разумеется, значился мэйн, во-первых, выступивший против заведомо более сильного противника, а во-вторых, лишивший нас шанса быстро избавиться от проблем. Самодовольный Хейко и его «дивный» аромат шли с минимальным отставанием от фаворита. Ну а следом на всех парах неслась я сама, запутавшаяся в собственных мотивах и чувствах, а оттого не в меру агрессивная и истеричная. Мне бы закрыть рот и уйти, подумать, разложить все по полочкам и настроиться на конструктивный диалог, но когда мы слушали голос разума?

— Юта... — Рэйнер, полюбовавшись моими раздувающимися ноздрями, отложил бумаги и устало потер переносицу. — Мэтр Хейко действительно не смог бы нам помочь, только доставил бы проблем. Да, ему хватало сил почувствовать призраков, но схема ритуала сначала привела его в недоумение, в затем вызвала нездоровый... а может, и здоровый для мага такого уровня ажиотаж. — Мэйн хмыкнул. — Он полный кретин в житейских вопросах, но в данном случае не угомонился бы, не откопав всех скелетов в подвале вашего славного семейства. Оно вам надо? Я сглупил, решив, что получится обойтись малой кровью, но когда понял свою ошибку и подвернулся повод...

— Повод? — просипела я, не скрою, впечатленная пламенной речью.

— Вам были приятны его ухаживания? — спросил Рэйнер, уставившись мне в глаза.

Я фыркнула:

— Какие ж это ухаживания, это... — Я осеклась. — А. Поняла. Да, хороший повод избавиться от излишне любопытного мага.

Видимо, что-то такое прозвучало в моем голосе, раз мэйн вскочил.

— Юта, что вы там опять себе напридумывали! — всплеснул он руками.

— Ничего, — сухо отозвалась я. — Полагаю, у вас есть запасной вариант? Я не намерена торчать в этом доме годами, пока вы не найдете достаточно сильного и при этом глупого заклинателя.

Рэйнер за секунду преодолел разделявшие нас метры и замер буквально в шаге от меня. Протянул было руку, намереваясь не то просто коснуться, не то как следует меня встряхнуть, но, очевидно, передумал.

— Запасной вариант есть, — произнес задумчиво. — Я почти восстановил события ночи, когда погиб некромант. Бруно мне помогает.

Мои брови непроизвольно поползли вверх.

— Да, — подтвердил Рэйнер. — Понять его сложно, но возможно. Все лучше, чем ничего, ведь старший Гантрам так и не объявился.

Действительно, Раджинманда я не видела с самого возвращения. Он, конечно, вредный старикашка, да и привык прятаться от прочих призраков, но всегда любил меня поугагать. Собственно, только ему это и удавалось. Даже Нелли и Холли со своими жуткими играми не так впечатляли.

— И чем нам помогут события той ночи? — все так же чопорно спросила я.

— Всем. Решить задачу можно, лишь узнав все переменные. Дайте мне еще пару дней разобраться в

деталях и последствиях, и, уверен, мы справимся без заклинателя.

«Так на кой демон ты его вообще приволок?!» — едва не завопила я, но выставлять себя еще большей истеричкой не хотелось.

— Вы его ударили? — все же сорвался с губ вопрос, и Рэйнер нахмурился:

— Ко... Ах, да. Чуть-чуть. Зато возмущенный моим поведением, он, вероятно, забудет о странном ритуале и призраках Арве-мал-Тиге.

«Зато обо мне не забудет, — мрачно подумала я. — И о том, что новый хозяин дома дал ему в нос за то, что потянул ручонки к прежней хозяйке, которая отчего-то живет все там же. А еще она вдова того самого Итана Гэнтрама. Нет, вы слышали? Слышали?»

Я как наяву видела взбудораженные лица сплетников, но вопреки всему этот образ отчего-то подействовал умиротворяюще. Наверное, мэйн прав. Лучше пусть шепчутся обо мне, о нас с ним, чем пытаются раскопать тайны рода Гантрам. Не то чтобы я пеклась о репутации семьи, просто в первом случае нас ждет пикантная, но незначительная сплетня, а во втором — громкий скандал, в котором и мне самой придется вариться, и еще неизвестно в каком качестве, невинной жертвы или коварной сообщницы.

— Хорошо, — кивнула я, кажется, немало озадачив Рэйнера. — Надеюсь, вы вспомните обо мне, если понадобится помощь.

Глава 19

Глава девятнадцатая, в которой Юту подводят собственные герои, древние гримуары и неумное любопытство

Несмотря на все заверения, мэйн Рэйнер ко мне так и не обратился. Не то в помощи не нуждался, не то не считал меня способной хоть на какие-то мало-мальски полезные деяния. Бруно считал, а меня вот нет.

Ладно, понимаю, Бруно свидетель событий роковой ночи, но я его «а потом все вспыхнуло, и папочка выронил книгу» десять лет выслушивала, неужто не смогла бы пересказать все в удобоваримой форме? Не говоря уже о том, что и сама копалась в некромантских бумагах и кое-какие выводы сделала. Не для того ли меня насильно вернули в Арве-мал-Тиге? И разве две головы не лучше, чем одна? Но Рэйнер решил, что справится сам, а я в силу воспитания, обиды и полной потери контроля над собственными эмоциями предпочла не навязываться и по возможности держаться подальше.

Два дня — это немного. Зато потом с чистой совестью смогу заявить, что мэйн сам виноват, и уйти на все четыре стороны.

Справедливости ради, судя по его поведению, уйти я могла в любой момент. Рэйнер уже доказал, что образ бесчувственного и грубого солдафона весьма зыбок, а вот его представления о морали — наоборот. Никто бы меня против воли обратно не притащил, и единственное, что меня удерживало в доме, — это, как ни странно, беспокойство о призраках. Меня действительно волновала их дальнейшая судьба. И я искренне хотела помочь — пусть не поучаствовать в ритуале освобождения, но хоть проследить, чтобы все закончилось благополучно.

Полагаю, осознание, что я здесь по доброй воле, как-то повлияло и на призраков. По крайней мере, пакостить они больше не пытались, а уж возможностей для этого было предостаточно, несмотря на все запреты мэйна. Потому первую половину следующего дня я еще передвигалась по дому мелкими перебежками и подозревала засаду за каждым углом, и только ближе к вечеру уверилась, что угрозы нет.

Даже как-то скучно стало.

Я пыталась писать, но собственноручно созданные мужские образы внезапно показались невыразимо тусклыми и пустыми. Даже злодейский сэра Артур, некогда регулярно навещавший меня во снах, утратил большую часть былого очарования. А еще я перестала понимать, с чего он вдруг воспылил страстью к Шанталь. Вообще, там каждый второй мечтал затащить ее в постель, но именно одержимость Артура теперь казалась мне неестественной и наигранной. До первой попытки завладеть строптивой девицей я столкнула их всего дважды, и если честно, оба раза Шанталь вела себя развязно и хамовато, так что на месте сэра Артура я б волокла ее в спальню, только чтобы тихонько прибить без посторонних глаз и закатать в ковер.

А ведь был еще великий герой, не то Бруно, не то Александр, который вообще видел героиню лишь издали, но уже мчался на выручку со всех копыт. Раньше я считала это безумно романтичным... такая любовь! Но приглядевшись, поняла, что себе бы такой любви не хотела. Ни с первого взгляда, ни с первого нюха, ни с первого прикосновения.

Я нуждалась в избраннике, который знал бы меня достаточно, чтобы видеть все недостатки, и принимал бы каждый из них. Который понимал бы мотивы моих поступков раньше меня самой. И который, как выразилась Тильда, умел бы пользоваться ртом по прямому назначению, а потому не стал бы создавать проблем на пустом месте, предпочитая откровенный разговор.

Бы... бы... бы...

Слишком уж невероятный образ.

— Решила сосватать Рэйнеру Шанталь? — раздалось над ухом, и я вздрогнула.

Затем опустила взгляд на листок, на котором, оказывается, продолжала что-то писать, и поняла, что мэйн действительно вкрался в повествование. Не только одно из множества его имен, коим я временно нарекла героя, а весь целиком. Со званием, внешностью и повадками человека-тетивы. В данный момент он как раз убеждал лучшего друга, того самого Бруно-Александра, не тратить время на спасение глупой и избалованной Шанталь, а обратить внимание на милую и скромную вдову из дома напротив.

— С чего ты взяла? — пробормотала я, вычеркивая строки.

— Ну как же... — Тильда скользнула в центр стола, словно выплыла на середину озера. — Друга переключит на вдовую клушу, а сам рванет спасать прекрасную Шанталь от сэра Артура. Коварный...

— Сама ты клуша, — обиделась я. — И вообще это черновик. Я нащупываю нить истории.

Я скомкала листок и зашвырнула его в кучу испорченной бумаги, скопившуюся в углу. Вот был бы у меня дар огня... спалила бы все одним махом.

— Он все еще в лаборатории? — не удержалась я, и Тильда невинно хлопнула ресницами:

— Кто?

— Не начинай...

Да, за сегодня я ее уже замучила расспросами о мэйне, где он и что делает, но могла бы войти в мое положение. Мне же любопытно. И только.

— В лаборатории, в лаборатории, — вздохнула Тильда. — Трудится в поте лица. И ты бы чем полезным занялась, а то бумаги не напасешься.

Я нахмурилась и вновь посмотрела на гору бумажных комочков.

А ведь она права. Не про напасешься, а про полезное занятие. Я как-то и позабыла, что помимо приключений разочаровавших меня героев хотела еще поработать над гримуаром Вишху.

Решительно поднявшись, я без слов направилась к двери.

— Эй, ты обиделась, что ли? — увязалась следом Тильда.

Я отказывалась надевать кулон, потому она повсюду таскалась за мной докучливой дымкой и пыталась давить на совесть. Разумеется, тщетно.

Я не ответила, но, полагаю, где-то по пути к кабинету до нее дошло, и дальше мы сосуществовали в молчании. Я беспрепятственно забрала книгу и вернулась в комнату, Тильда еще полчаса повисела над моим плечом, а потом затосковала и начала куда-то отлучаться. Не то проверять Рэйнера, не то строить планы по захвату мира с другими призраками. Возвращалась она примерно каждые двадцать минут и спрашивала, о чем я читаю. А теперь? А теперь? Все еще о том же? А теперь?

Как ни странно, вопросы не раздражали, и я даже с некоторым удовольствием пересказывала прочитанное на свой лад. Это помогало и осмыслению, и запоминанию — а ну как пригодится.

К примеру, та самая «сила духа», заинтересовавшая меня еще при первом прочтении, оказалась даже еще занимательнее и сложнее. И если я все правильно поняла, то при должной сноровке и вооружившись упорством и парочкой артефактов, та же Тильда легко могла выжить меня из собственного тела и занять пустующую оболочку. Ладно, не так уж и легко, но Вишху уверял, что для сильного духа нет никаких преград.

Естественно, конкретно эту главу я вслух пересказывать не стала. Не то чтобы верила явно слегка сумасшедшему автору и не хотела подавать Тильде идею, просто мало ли кто нас подслушивает. Не все в этом доме склонны к благоразумию и критическому мышлению, и я обоснованно опасалась, что замучаюсь потом отмахиваться от желающих вселиться в мое брненное тело.

А вот о главах, посвященных обратным ритуалам, я говорила охотно. Во-первых, они были довольно путанные, и встречные вопросы Тильды в итоге помогли мне постичь суть, а во-вторых, едва увидев название раздела, я испытала прилив возбуждения и вместе с тем недоверия. Разве такие совпадения бывают? Разве не странно, что подобная информация попала мне именно сейчас и именно в этом гримуаре? Как будто нарочно... Вот тебе книжка, деточка, найди ответ и утри Рэйнеру нос.

С другой стороны, я же никогда не спрашивала, зачем Итан так рьяно ищет труды Вишху. Вдруг он тоже хотел...

Представив мужа, окрыленного благородными помыслами, я едва не расхохоталась. Нет, этого бы скорее заинтересовал раздел о закреплении ритуалов и исправлении ошибок предков. Интересно, такой тут тоже есть? Уверена, что есть. Но сейчас не до него...

— Все равно не понимаю, — нахмурилась я после очередной прочитанной страницы.

— Как можно обратить ритуал без капли силы?

— Легко, — пожала плечами Тильда. — Как вылить воду из стакана.

Наверное, лицо у меня было совсем глупое, потому что она вздохнула:

— Маг совершил ритуал — читай, налил воду в стакан. Ты хочешь обернуть все вспять, так подойди и вылей. Для этого не нужно вновь ее наливать.

— Вода — это магическая сила? — на всякий случай уточнила я.

— Да.

— Как-то... слишком просто.

— Ага, неправдоподобно, — согласилась Тильда.

— Но ты так рассуждала сейчас, как будто в это веришь.

Она снова пожала плечами:

— Я лишь перевела заумную нудятину на доступный язык, хотя это вроде ты у нас переводчик. В любом случае, по мне, этот горе-ученый был, мягко говоря, шарлатаном.

— А еще он сам себе противоречит, — кивнула я, возвращаясь на предыдущую страницу. — Вот. Говорит, мол, каждый шаг, действие и помысел следует отразить с точностью до наоборот, а через абзац настаивает, что мотивы создателя и разрушителя ритуала должны совпадать. Разве не ясно, что, оборачивая вспять чей-то ритуал, я руководствуюсь прямо противоположными мотивами? А даже если нет, то как при совпадении мотивов у меня могут быть обратные помыслы?

Я подняла взгляд на Тильду и успела уловить странное выражение на ее лице. Непривычно грустное и какое-то... обреченное. Но она тут же скривила губы в ухмылке, и наваждение развеялось.

— Говорю же, мошенник этот твой Вишху. Наплел с три короба, а кучка идиотов потом веками грызлась за право обладать «бесценным сокровищем». Тьфу...

— Дальше не читаем? — прищурилась я.

— Да ладно уж, читай, — взмахнула прозрачной рукой Тильда, будто великое одолжение сделала. — Что он там про формулы насочинял?

Про формулы он насочинял много чего, да так забористо, что мы чуть не передрались, пока доказывали друг другу, как понимать тот или иной пассаж. Спорили до хрипоты, я даже поесть забыла, а когда очнулась, на дворе стояла глубокая ночь.

— Чудесно, — проворчала я, наконец отложив гримуар на тумбочку и шагнув к темному окну, за которым шумел сад и разгорались звезды. — Может, выпросишь у Катрин для меня какое-нибудь яблоко?

Я обернулась к Тильде, и она недовольно скривилась:

— Попробую, но ничего не обещаю. Рэйнер из-за тебя их ограничил, так что ты не в фаворе.

— Знаю. Спасибо.

Она исчезла, а я, переполненная и взбудораженная знаниями, навернула несколько кругов по комнате. Отчего-то не верилось, что Альберог Вишху был совсем уж безумен или некомпетентен. Не могла такая слава появиться из ниоткуда, а значит, что-то великое он все же совершил. Потому я вновь и вновь прокручивала в голове прочитанные строки, путанные тезисы и принципы выворачивания формул наизнанку, как вдруг дверь комнаты резко распахнулась и тут же захлопнулась.

Я подпрыгнула и прижала руку к груди, словно пытаюсь удержать внутри взбесившееся сердце.

— Тильда? — позвала растеряно. — Это ты?

По коридору пронесся залиvistый свист, и все снова стихло.

Так, кажется, кто-то все же решил на мне отыграться.

Хмыкнув, я спокойно прошествовала к двери и смело повернула ручку. Петли скрипнули, коридор ответил мигнувшими на стенах канделябрами, а в комнате за спиной свет и вовсе погас. Я только головой покачала — темнотой меня уже давно не испугать, как и большинством прозрачных фокусов.

На сей раз свист донесся с лестницы, и я тут же устремила на звук. Глупо? Возможно. Но если обитатели Арве-мал-Тиге что-то задумали, отсидеться в стороне мне бы все равно не удалось. Меня бы привели в нужное место, даже если бы пришлось тащить за волосы. Ну а еще... каюсь, было крайне любопытно, что же они приготовили.

— Тильда? — снова позвала я, шагнув на первую ступеньку.

Тишина. А потом — все тот же свист, где-то внизу.

«Подзывают как собачонку», — попытался возмутиться здравый смысл, но я только рукой махнула.

Пятая ступенька, шестая, седьмая, а вместо восьмой — пустота.

Я не успела испугаться или вскрикнуть. Лишь судорожно втянула воздух, который тут же застрял в глотке, и моргнула. Опустить взгляд уже не получилось, да и не надо было. Потому что я почувствовала ледяную хватку на плечах, едва ли не ломающую кости. Почувствовала, как медленно поднимаюсь вверх, словно перышко на ветру... или ребенок в лапах великана. Почувствовала, как кожа покрывается тонкой пленкой инея. И лишь затем увидела перед собой лицо.

Мертвое. Искаженное. Незнакомое.

Призрак сверкнул молниями в пустых глазницах, распахнул пасть, по виду способную проглотить меня целиком, и завыл.

А я наконец нащупала потерянную ниточку собственного голоса, и вскоре тонкий писк вылился в старый добрый полноценный вопль.

Глава 20

Глава двадцатая, в которой царят безумие и разврат, а Бруно держит свечку

Вопила я долго и от души. Даже зажмурилась для порядка, дабы не отвлекаться на жуткую рожу призрака и собственное положение в метре над полом.

Нет, не над полом... над лестницей. Разожмет эта тварь ледяные лапы, и я не просто грохнусь вниз, а покачусь кубарем по ступенькам, считая головой блестящие перекладины под перилами. И так отчетливо я все это представила, так живо и красочно, что орать как-то разом и расхотелось. Зачем нервировать человека, пусть даже мертвого?

Вот только осознать последствия — это одно, а суметь совладать с собственным страхом — совсем другое. Даже не страхом. Животным ужасом, какого я не испытывала даже в нежные шестнадцать лет в первые дни в этом безумном доме.

Этот призрак был не похож на местных обитателей. Да, я не знала большинство из них в лицо, но за прошедшие годы научилась чувствовать каждого нутром. Арве- мал-Тиге пропитался плененными душами, словно свежее испеченный бисквит сладким липким сиропом. Они ощущались в каждой незначительной безделушке, их настроение накаляло воздух, их гнев и радость стекались ко мне по нитям магической привязки, потому да, я далеко не всех видела воочию, но сейчас даже с закрытыми глазами понимала, что этот просто... другой.

Понимала, что если существует в мире воплощение «чистого зла», то мне повезло с ним столкнуться.

Я все же сумела оборвать крик и после пары хриплых выдохов с удивлением погрузилась в звенящую тишину. Я даже собственного сердца не слышала, только ощущала нервную пульсацию в горле, и тогда осмелилась приоткрыть глаза.

Незнакомый призрак был бледен и стар. Кожа на впалых щеках облезла, обнажив белые осколки костей. Молнии в пустых глазницах больше не сверкали, и вой, похоже, утих вместе с моим криком, но пасть так и осталась распахнута. Отделенная от черепа нижняя челюсть болталась на натянувшихся жгутах мышц...

Как и местным, удерживание материального объекта явно давалось ему нелегко. Я уже чувствовала, как сковавший плечи холод... не ослабевает, а будто просачивается внутрь. Как если бы вцепившиеся в меня пальцы начали проходить сквозь тело. Но уронить меня призрак не успел. Откуда-то сверху донесся уже знакомый свист, и облезлый старик быстро опустил меня обратно на лестницу и рассыпался в воздухе бледной пылью, напоследок обдав лицо морозным дыханием.

Ноги не удержали. Ничего не видя перед собой, я вцепилась в перила да так и сползла на ступеньку, не выпуская из рук деревянную перекладину. Выдохнула, уткнулась лицом в рукав. Попыталась всхлипнуть, но, как ни странно, слез не было. Только страх по-прежнему сотрясал тело и взбалтывал мысли, точно венчик тесто.

Я самоуверенно считала, что уже всяких ужасов навиделась и теперь мне все ни по чем. Я ненавидела бояться. Я...

Наверное, я вздрогнула, когда спины коснулась чья-то рука, не знаю — меня так трясло, что и не разберешь. Затем уже две руки вцепились в мои плечи — крепко, но почти нежно, не так как призрак- и развернули меня к себе, заставив отцепиться от перил. Забавно, пальцы послушно разжались, я уж думала, их придется отдирать силой.

— ...слышите?

Я все-таки подняла взгляд на встревоженное лицо Рэйнера и на всякий случай кивнула, хотя не слышала ровным счетом ничего. Даже как он подошел.

— Так кто? — Мэйн нахмурился, поддел мой подбородок согнутым пальцем, нахмурился еще сильнее.

— Я... я... — Я поняла вопрос, но ответить было сложно. Словно если произнести такое вслух, существование чистого зла станет реальностью. — Призрак. Чужой. Другой. Злой.

Произнесла.

Рэйнер осторожно, будто боясь спугнуть, заправил мне за ухо прядь волос, взгляделся в глаза.

— Точно чужой? Откуда здесь...

— Точно, — судорожно закивала я. — Вы же знаете. Вы теперь привязаны... чувствуете... Тут такого не было. Были вредные, непонятные, жестокие, но... свои... Чужой.

— Хорошо, хорошо. — Он успокаивающе сжал мое плечо. — Сейчас разберемся. Он...

— Просто напугал, — быстро перебила я. — Вроде ничего не сделал, а я чуть дышать не научилась. — И помолчав, зачем-то накрыла широкую ладонь на моем плече своей. — Спасибо.

— Я тоже... ничего не сделал, — недовольно скривился Рэйнер, но руку развернул, пальцы мои сжал и встал, предлагая и мне подняться. — Идемте, провожу вас в комнату, а...

— Я с вами, — упрямо заявила я, глядя на него снизу вверх. — Вы же наших допрашивать будете. Надо понять, кто... что...

Голос все же подвел, а вот ноги — нет. Даже не подогнулись, когда я резко вскочила. И не дрожали, когда первая устремилась вниз под аккомпанемент тяжелых вздохов Рэйнера. Я чувствовала, как на смену страху постепенно приходит ярость, и радовалась этому. О да, ярость — это прекрасно. Вооруженная яростью, я бы этому обтянутому кожей скелету накостиляла так, что он бы предпочел второй раз умереть, чем еще минуту провести в моем обществе...

— Даже боюсь спрашивать, о чем вы думаете. — В голосе Рэйнера явственно слышалась улыбка, и я обернулась. — Так пыхтите.

— Ни о чем, — проворчала я и размашистым шагом вошла в гостиную. — Приступайте, — взмахнула рукой, тут же оперев кулаки в бока. — Призывайте этих... заговорщиков. Без них явно не обошлось.

— Так-то лучше, — хмыкнул мэйн. — Боевой настрой вам к лицу.

Затем обвел комнату каким-то рассеянным взглядом, вновь нахмурился и наконец решился.

— Призываю Лорэлею... Катрин... Аццо... Джерта... Тильду...

От поднявшегося ветра взметнулись шторы, зазвенели подвески на люстре, слетели с кофейного столика какие-то бумаги...

Ого. Такой дружной компанией мы, кажется, еще не собирались.

Я ошиблась. Заговорщики явно были ни при чем. А еще выглядели жутко напуганными...

Напугать мертвых — это ж надо умудриться!

Лорэлея даже забыла рифмовать и с трудом удерживала призрачную форму, то и дело расплываясь в невнятное, почти неразличимое пятно. Остальным тоже приходилось несладко, и лишь приказ Рэйнера помогал сосредоточиться и четко отвечать на вопросы. Нет, не наш. Нет, никого не видели. Да, словно перестали... существовать. Всего на несколько минут, но все же. Клянусь, будь Катрин жива, она бы сейчас рыдала. Джерт все больше отмалчивался и поджимал губы, а Аццо хоть и не утратил привычной холодной невозмутимости, все равно то и дело задумчиво косился на свою руку в перчатке и перебирал пальцами, будто убеждаясь, что действительно вернулся в стан духов.

Сейчас они казались почти обычными людьми, которым не чужды страхи и волнения. Рэйнер вон, кажется, проникся, да и мне только годы мучений не позволили забыть, с кем мы имеем дело. И все же, я поверила.

Поверила, что призрачная тварь явилась извне. Проблема лишь в том, что явиться без приглашения она не могла при всем желании...

— Да явно же старый извращенец воду мутит! — воскликнула Тильда, скрестив руки на груди. Она единственная почти не отличалась от себя прежней, разве что голос выдавал тревогу. — Которую неделю по неведомым углам прячется, даже сыночка любимого воспитывать перестал.

— Кишка тонка, — хмыкнул Джерт и сдул с глаз призрачную челку.

Вот ведь сила привычки. Наверное, и я, когда умру, тоже перетащу в загробную жизнь искусанные ногти и нервное передергивание плечами.

— Почему? — задумчиво протянул Рэйнер. — Вы свои способности сохранили, что мешает и некроманту призывать духов даже после смерти?

— Он слаб, — нехотя ответил Джерт.

— Нас питает дом, — чопорно подхватил Аццо. — Мы сами — дом. Замкнутая цепь. А он не привязан, только заперт, и все эти годы терял силу...

— А как же Бруно? Выглядит вполне бодро, хотя тоже не включен в вашу цепь, и дар не утратил.

— С Бруно мы делились, — проворчала Тильда и, не дав явно заинтересовавшемуся мэйну и слова вставить, продолжила: — И все равно это старик Гантрам, уверена. Хитрый лис мог изловчиться, найти способ. Не зря, говорю вам, не зря он затих!

— Свист, — вспомнила я, и все головы тут же повернулись в мою сторону.

— Что? — Рэйнер приподнял брови.

— Я слышала свист, шла на звук. Подозревала очередную шалость, думала еще, мол, как собачонку меня подзывают. А если... не меня?

— Ну точно он! — всплеснула руками Тильда. — Приманил какую-то пакость и...

— Зачем? — перебила я. — Что ему проку с моего страха? Мог, как раньше, с ружьем посреди ночи ко мне ввалиться — тоже сомнительное удовольствие.

— Так. — Мэйн резко поднялся из кресла, которое грел уже добрых полчаса. — Вы сказали, что почувствовали неладное заранее, но не поняли в чем дело. Сейчас что-то чувствуете?

Призраки синхронно качнули головами, будто годами репетировали. Я невольно улыбнулась. Все же было непривычно видеть их вот так, всех вместе... порой они и по одному-то предпочитали оставаться бесплотными голосами.

Интересно, остальные тоже здесь? Стало даже немного жутко, стоило представить, что вокруг нас собралась незримая толпа. Я передернула плечами.

— Если вновь почувствуете что-то подобное... или какие угодно изменения — сразу ко мне. Не ждите, когда вновь растворитесь в небытие. — Рэйнер дождался такого же синхронного кивка и закончил: — А теперь свободны. Я разберусь, что это было.

Четверка старших слуг Арве-мал-Тиге словно только того и ждала — вспышка, и... хотела бы сказать, что мы с мэйном остались вдвоем, но увы. И дело даже не в том, что за нами по-прежнему наблюдали бесплотные сущности, а в упрямой Тильде, которая так и осталась висеть посреди гостиной, пристально нас разглядывая.

— Тильда? — вскинул бровь Рэйнер.

— Мэйн? — в тон ему отозвалась Тильда.

Я закатила глаза.

— Я провожу Юту до комнаты. И прослежу, чтобы сегодня ее больше никто не потревожил. Никто, Тильда, слышишь? Включая тебя. Это приказ.

Я нахмурилась, не до конца понимая, какого демона происходит, но Тильду странное поведение мэйна явно не удивило и не смутило. Она лишь обижено фыркнула и исчезла вслед за остальными, а меня тут же без спроса ухватили за руку и потянули из кресла.

— Идем... те, — с заминкой произнес Рэйнер. — Вам надо отдохнуть.

На языке вертелась сотня возмущенных реплик, но отчего-то озвучить я ни одну не смогла. Озадаченно глянула на ладонь, сжимавшую мои пальцы, и подняла глаза на спокойное лицо мэйна.

— Что происходит?

— Не знаю, — ровно ответил он. — Просто решил, что на сегодня вам хватит призрачного внимания.

Я прищурилась:

— И?

— И особенно ни к чему внимание явно испуганной и взбудораженной служанки, которая будет полночи вещать о старом некроманте и его деяниях и в конце концов толкнет вас на какую-нибудь глупость. Я лучше сам разберусь. Просто доверьтесь. И отдохните.

В любой другой день я бы ответила резко, колко. А сейчас прислушалась к себе и поняла, что мне в

самом деле приятна его забота, чем бы она ни была вызвана. Я могла бы сказать, что никакие слова Тильды не сподвигли бы меня собственноручно разбираться со стариком Гантрамом, но врать не хотелось. Может, и сподвигли бы. Страх уже развеялся, оставив после себя лишь горький привкус во рту да едва заметное покалывание в кончиках пальцев, и если меня как следует накрутить, то...

— Спасибо, — просто кивнула я и шагнула навстречу. — Я и правда устала.

Неужели умнею?

Пока поднимались по лестнице — слава богам, уже расцепив руки, — я все же немного дрожала, и сердце стучало чуть быстрее прежнего. Но озираться по сторонам желания не возникло. Почему-то я не сомневалась, что пока тварь не вернется. А если вернется... что ж, призраки действительно ощутили вторжение, а потому наверняка успеют предупредить. Можно спать спокойно. Можно спать...

— Спокойной... — начал Рэйнер, едва я коснулась дверной ручки, а вот закончить уже не успел.

Понятия не имею, что на меня нашло, честно. Наверное, все разом. И стресс последних дней, и пережитый ужас вкупе со страстным стремлением доказать самой себе, что я не трусиха. Появись сейчас на пороге комнаты этот облезлый ледяной призрак, я бы бросилась на него с кулаками, но покуда в наличии имелся только мэйн Рэйнер, то пришлось бросаться на другой свой страх. Страх близости. Конечно, не с кулаками, а с поцелуями.

Кажется, мэйна я к себе притянула за шейный платок. Наверное, еще и придушила слегка по дороге, потому что он странно захрипел и в первые секунды даже не подумал отвечать на поцелуй.

Зато потом ответил, да как ответил...

Не знаю, кто кого заволок в комнату, кто захлопнул дверь, сам ли Рэйнер привалился к ней спиной или я его толкнула, но поцелуй мы так и не прервали. Только я наконец перестала душить бедолагу и вцепилась в его плечи, отчаянно вытанцовывая на носочках, чтобы стать еще ближе.

Безумие какое-то...

— Темно, — вскоре выдохнул мэйн мне в губы, и я кивнула, хотя так и не открыла глаза.

Вероятно, и правда темно — свечи погасли перед явлением злого духа.

— Юта, зачем ты... — простонал Рэйнер, когда я на ощупь попыталась стянуть с него сюртук, но сопротивлялся не особо рьяно, и я приободрилась.

— Все хорошо.

— Юта...

— Правда хорошо. Пожалуйста...

Поистине волшебное слово.

Через несколько неловких шагов мы уже были в кровати, тщетно пытаюсь в темноте нащупать застешки и завязки. Точнее, не получалось только у меня, а вот Рэйнер с задачей явно справлялся. По крайней мере, в какой-то миг дышать стало легче, благодаря распушенной шнуровке, а вокруг рассыпались еще недавно собранные в небрежную прическу волосы.

Рэйнер тут же запустил в них пальцы, чуть оттянул мою голову и жадно припал губами к шее, отчего я едва не завопила. Да! Да, я знала, что это приятно! Не зря же наша экономка, госпожа Волдэри, так стонала, когда пасечник Гоззо зажимал ее в темном уголке и елозил по дряблему телу сальными губами. У Рэйнера губы оказались совсем не сальными, а мягкими, нежными и такими горячими... так что мне, наверное, должно быть даже приятнее, чем госпоже Волдэри.

Пока я мысленно показывала ей язык и неприличные жесты, Рэйнер оставил в покое мою шею и спустился ниже. Затрещала ткань, соска коснулось теплое дыхание, а я вдруг представила, как мы смотримся со стороны. Растрепанная и наверняка красная как помидор я на чернильно-черных простынях — иных в этом доме просто не водилось — в разорванном платье и с широко раздвинутыми ногами, меж которых пристроился почтенный мэйн Рэйнер, ласкающий мою грудь в мягком сиянии свечей...

Так. Свечей?

Я медленно повернула голову и взвизгнула, узрев зависший в воздухе над нами золотистый канделябр. Рэйнер тут же прервал свое важное занятие и вскинул голову, а во мраке за пламенем свечей нарисовалась тучная фигура Бруно Гантрама. Бледные щеки всколыхнулись, раздутые самой

счастливой в мире улыбкой; блеснули в темноте зубы.

Рэйнер перевел взгляд на призрака, снова на меня, на мою обнаженную грудь, и не придумал ничего лучше, чем накрыть ее ладонью. Спас положение, ничего не скажешь.

— А я и говорю Тильде: господа-то уединились, да в темноте, что делать будем? — Бруно словно рассказывал какую-то занимательную историю, начало которой мы пропустили. — А она мне: так иди, мол, свечку поддержи.

В доказательство своей исполнительности он взмахнул канделябром.

— Держу, сразу несколько. Только вы побыстрее, долго не смогу. Это же этот... материальный... как его... объект.

Я со стоном откинулась на подушки и уставилась в потолок. Нет, госпожа Волдэри определенно получала от близости с мужчиной большее удовольствие — я за ними хоть и подглядывала, но ведь только в самом начале и уж точно ничем себя не выдавала и не сбивала настрой.

Рэйнер тоже довольным не выглядел, хотя и злым тоже. Скорее уж, крайне растерянным. Я даже невольно засмотрелась на его лицо, все еще любезно подсвечиваемое Бруно, удивляясь, как когда-то могла считать его неспособным на сильные эмоции. Вон какая гамма чувств! Только стало немного обидно, когда растерянность сменилась осознанием, затем смущением и тут же испуганной бледностью, едва мэйн опустил взгляд на свою руку на моей груди.

— Боги, Юта, простите... я... — Он неуклюже скатился и с меня, и с кровати и замер, уставившись на Бруно. — Бруно, покинь комнату дамы, это приказ.

— Что? — моргнул тот.

— Он не привязанный, — устало напомнила я, вновь разглядывая потолок. — Для него ваши приказы...

— Демоны...

— Идите уж. — Я неловко стянула ткань на груди и даже попыталась подползти поближе к спинке и сесть, хотя поза все равно оставалась странной. — Нам всем нужно отдохнуть.

Рэйнер нахмурился:

— Юта...

— Идите, идите, — подбодрила я, растянув губы в улыбке. — И не волнуйтесь. С умными домами такое бывает.

— Как все нелепо. — Он потер лоб. — Вы не подумайте... просто...

— Что? — вновь моргнул Бруно.

— Я ничего не подумаю, — заверила я, хотя на самом деле уже подумала. Много всякого. — Мы все обсудим завтра. И поймаем злого призрака. И я вам расскажу о простоте обратных ритуалов, хотите?

Боги, что я несу?

— Хочу, — серьезно кивнул Рэйнер. — Вы...

— Да идите уже! Честное слово, все хорошо, — в очередной раз соврала я.

На самом деле, я хотела, чтобы он остался. Чтобы наорал на Бруно и вытолкал его за дверь... ну, фигурально вытолкал. Хотела снова ощутить прикосновения рук и губ к своей коже. И, проклятье, не было ничего хорошего в том, что Рэйнер так испугался допущенной вольности.

А если бы я позволила поцелуй тогда, за ужином?..

Очевидно, лгуньей я оказалась неплохой, потому что мэйн наконец ушел. Оглянулся у самой двери, но туда сияние свечей уже не дотягивалось, потому лица я не разглядела. А затем покинул комнату и тихонько прикрыл за собой дверь, обронив напоследок:

— Ничего не бойтесь.

Я вздохнула и натянула на себя одеяло. Бруно, конечно, до моих прелестей дела нет, но надо же соблюдать хоть видимость приличий, а то, привыкнув к призракам, легко забыть, как вести себя с

живыми людьми.

— Ну и я тогда пойду, — чуть виновато произнес Бруно после недолгого молчания.

Вряд ли он понимал, что именно прервал, но эмоции Рэйнера наверняка рассмотрел во всех нюансах. Или напряжение почувствовал. Вот не мог раньше уйти? Нет же, стоял, глазами хлопал...

— Постой, — окликнула я, когда призрак отвернулся. — Материальный объект оставь, почитаю хоть.

Все равно теперь не уснуть.

Бруно послушно пристроил канделябр на прикроватной тумбочке и, вопреки привычкам призраков, не растворился, а выплыл за дверь, вот только почитать мне все равно не удалось.

Безалаберно брошенный в комнате гримуар Вишху бесследно исчез.

Глава 21

Глава двадцать первая, в которой книги и рты лучше держать закрытыми

Я честно пыталась вспомнить, мысленно прокручивала то в прямом, то в обратном порядке каждый свой шаг с момента последнего брошенного на книгу взгляда, но вместо четкого знания в памяти зияла дыра.

Так я закрыла или не закрыла гримуар, прежде чем положить его на тумбочку?

Если закрыла, то в принципе волноваться не о чем. Вряд ли в окрестностях Хамранта, да и во всем Аделхайде тоже, нашелся бы еще хоть один человек, способный прочесть отпирающую фразу. Разве что потомок самого Вишху в гости бы нагрянул, но по слухам, род давно прервался. А вот если не закрыла...

Тогда все очень плохо.

Тлела в груди какая-то смутная тревога... почти ничем не обоснованная уверенность, что в гримуаре изложено нечто крайне важное, и пусть я пока не смогла по достоинству оценить всю ценность сих знаний, потеря их обещала обернуться бедой. Иначе зачем его красть... вот так? И я бы, может, не сильно переживала, все-таки виармо — язык официально утерянный, но подвластный отнюдь не только чтецам. Особо въедливые заклинатели по сей день используют его элементы в словесных формулах. Да, это поверхностные, обрывочные знания, но и с ними можно выудить из книги хоть что-то, особенно если знаешь, что ищешь.

Так что защищал гримуар только шифр на обложке, и если я умудрилась оставить книгу открытой...

Да кого я обманываю! Закрытую ее б никто и не подумал брать. Зачем, если внутрь не забраться? И получается, момент выжидали нарочно. Подловили меня в минуту рассеянности, выманили из комнаты, напугали до полубморочного состояния и спокойно вынесли добычу из комнаты.

И да, Тильда права: в подозреваемые годился только Раджинманд Гантрам.

От этой мысли стало совсем страшно. Если он действительно накопил достаточно сил, чтобы вновь повелевать мертвыми, и завладел гримуаром, который, насколько я знала, искал не один год, то явно не просто так. У некроманта была цель, и почему-то мне не хотелось, чтобы он ее достиг.

В погоне за пропажей я на всякий случай проверила кабинет, библиотеку и лабораторию — вдруг книжку убрал от греха подальше кто-то из «своих» призраков. Версия сомнительная, но обнадеживающая.

Впрочем, надежды быстро угасли, а после часа беготни по дому в поисках хоть одного слуги испарилось и терпение. Тильда на зов не откликнулась, даже надетый кулон не помог, да и остальные призраки, очевидно, получили от Рэйнера приказ не беспокоить нервную и издерганную госпожу Гантрам. Вот только оттого госпожа Гантрам нервничала и дергалась еще сильнее.

Вымотавшись и ничего не узнав, я побрела на второй этаж и очнулась только перед дверью мэйна. Проклятье, едва не вломилась к нему в спальню посреди ночи. Хорошо б я выглядела, особенно после того, как он сбежал от меня, сверкая пятками. Ну уж нет, я не из этих навязчивых дамочек, что ради ласки готовы вилять хвостом и преданно заглядывать мужчине в глаза. И пусть даже Рэйнер нужен мне по важному делу — шутка ли, злобный хитрый некромант! — он-то наверняка воспримет мое явление иначе.

Покорившись перед дверью еще с минуту, я все же вернулась к себе и без сил повалилась на смятую нашими страстными объятиями кровать. Полежала, глядя в уже изученный до последней трещинки потолок, фыркнула, мотнула головой и, вскочив, быстро расправила сбитые простыни. Даже покрывало идеально уложила, не хуже горничных.

Так-то лучше. Никаких следов неудавшейся близости.

Об еще одном, не самом надежном, но, безусловно, самом осведомленном источнике информации я вспомнила только на десятом кругу хождения по комнате, да чуть шишку не заработала — так ярко приложила себя ладонью по лбу. И почему сразу не попыталась его расспросить? Тем более есть повод надавить на чувство вины, если оно, конечно, сумело зародиться в этой наивно-добродушной головушке.

— Бруно? — прошептала я, опасаясь, что на громкий зов может явиться кто-нибудь из плоти и крови, вроде Рэйнера, и прочитать мне нотацию о пользе сна.

Есть ли на свете что-нибудь печальнее, чем отповедь от мужчины, еще недавно целовавшего твою грудь?

Сомневаюсь...

— Бруно?

Лишь после третьей попытки в полумраке нарисовалась бледная и круглая как луна физиономия Гантрама-младшего — в кои-то веки не озаренная улыбкой. Бруно взирал на меня хмуро и выжидающе и всем телом проявляться не спешил.

— Злишься? — спросил с подозрением, и я моргнула.

— Что? С чего ты взял?

— На меня все злятся, — вздохнул Бруно и наверняка пожал невидимыми плечами. — Я всех подвожу.

— Глупости какие, — вполне искренне возмутилась я. — Ты тут самый добрый и отзывчивый. Кого ты можешь подвести?

Он покосился на меня с сомнением, еще раз вздохнул, и через секунду я уже любовалась его прозрачной фигурой во всей ее необъятной красе.

— Других подвел, — грустно пробормотал Бруно, подплывая ко мне поближе. — Отца. Мэйна...

— А теперь подробнее. — Я нежно — надеюсь — улыбнулась, опустилась на кровать и похлопала рукой рядом с собой.

Сесть, конечно, Бруно не мог, ко с радостью изобразило сидячую позу, зависнув в паре сантиметров над покрывалом.

— Ты ведь тоже почувствовал... вторжение? — спросила я, предположив, что претензии других призраков к безобидному дурачку связаны как раз с этим.

— Угу. — Он по-детски шмыгнул носом.

Интересно, у призраков бывает и насморк? Или это очередной привет из прежней жизни?

— И ты... тоже ненадолго исчез?

— Нет, — буркнул Бруно. — Ловушка для привязанных, а я запертый. Папа говорит, что разница огромная.

Конечно, огромная, папу-то никто не ловил и насильно на цепь не сажал. Папа сам угодил в капкан. Погодите-ка...

— Ловушка? — переспросила я.

— Ну вот опять, — совсем опечалился Бруно. — Ты забудь, хорошо? А то папа снова скажет, что я дурак и не умею держать рот на замке.

— Снова?

Он понуро повесил голову и ссутулил плечи.

— Да ладно, — всплеснула я руками. — Если ты уже о чем-то проболтался и тебя за это отругали, то дальше можно говорить открыто, ведь это уже не секрет.

— Честно? — с надеждой прошептал Бруно, поднимая на меня полный отчаяния взгляд.

— Честно, — подтвердила я. — Ты ведь мэйну Рэйнеру что-то рассказал? Он упоминал, что ты ему помогаешь. Очень тебя хвалил. — Я снова растянула губы в улыбке. — И я тоже помогаю мэйну, потому он все равно передаст мне твои слова. Но лучше ж напрямую от тебя узнать, правда?

— Наверное. — Еще пару раз трагично вздохнув, Бруно все же расправил плечи и решился: — Я про ту ночь рассказал. Про ту, когда было много свечей и все кричали.

Очевидно, про ночь злополучного ритуала, призванного создать умный дом, а создавшего мою темницу.

— Ты и мне рассказывал, — беззаботно откликнулась я. — И не раз, помнишь?

— Да, но... — Бруно замялся. — Я ведь как думал... когда падаешь, то важно лишь, что ты упал. Коленку там расшиб или того хуже. А уж обо что споткнулся — какая разница? А мэйн Рэйнер сказал, детали важны. Мотивы важны. Юга, мотив — это «почему»?

— Да, милый. Почему.

— Папа запретил рассказывать, почему. Это же наше семейное дело, нечего в него носы совать. — Бруно явно цитировал старого некроманта. — Я и не рассказывал.

— Не понимаю. — Я устало потерла переносицу. Как же с ним все-таки сложно. — Все «почему» твоего отца мне известны. Я знаю, зачем он создавал этот дом. И если б ты не прервал ритуал...

— Я его не прерывал, — перебил Бруно.

Я застыла. Какого демона?!

— А кто тогда?

— Папа сам...

Я медленно поднялась, отошла на пару шагов от кровати и развернулась. То есть не было нарушенных потоков? Не было вмешательства великовозрастного дитятки, и Раджинманд Гантрам добровольно прервал ритуал, обрекая себя на участь пленника? Но...

— Почему? — выдавила я.

— Вот и мэйн сказал, что мотивы важны.

Глава 22

Глава двадцать вторая, в которой проясняется далеко не все, но антагонист обретает лицо

Утро я встретила в лаборатории, хотя добрые полчаса после весьма сложной, но насыщенной беседы с Бруно была полна решимости дождаться пробуждения мэйна Рэйнера под дверью его спальни. Так и стояла, стискивая кулаки и вдавливая пятки в пол, лишь бы не повернуть ручку и не войти... В общем, у досточтимого мэйна имелись все шансы поутру обнаружить на пороге меня, пустившую корни и почки в лучах рассветного солнца, но жажда действий оказалась сильнее, и, помаявшись немного, я все же поскакала вниз.

А вскоре и вовсе почти позабыла обо всех треволнениях последних часов — так увлеклась бумагами, над которыми трудился Рэйнер. Нет, я и раньше читала некромантские записи, но Раджинманд Гантрам был импульсивен, непоследователен и к тому же явно не пытался упростить жизнь возможным читателям. В отличие от Рэйнера. Он проделал огромную работу, вылавливая из потоков мыслей полубезумного старика зерна истины, которые я в свое время даже не заметила. К примеру, я не помнила, чтобы Гантрам ставил опыты на животных, но в заметках мэйна, составленных по мотивам некромантских дневников, нашлось сразу несколько упоминаний. Как и о «силе духа», с которой я уже познакомилась благодаря гримуару Вишху.

Вот этим вопросом Гантрам явно очень интересовался, но при этом опасался рассуждать о нем открыто. Даже новаторская идея умного дома и непростые семейные отношения описывались им с большей откровенностью, а вот когда речь заходила о свойствах души, некромант едва не переходил на тайные шифры. Но шифр подобно огромному амбарному замку на двери сразу бы привлек внимание к чему-то важному и ценному, потому свой интерес старик спрятал за туманными философскими рассуждениями и красочными метафорами.

Не удивительно, что я все это пропустила. Уж лучше самый заковыристый, выдуманный чокнутым экспериментатором код, лично для меня неотличимый от любого языка, чем бесконечные излияния о сознании, мышлении и духе. На этом фоне даже Вишху (при всем его занудстве) выглядел вполне здравомыслящим, прагматичным и не склонным к пустой болтовне.

Благо Рэйнер оказался куда внимательнее и ничего не упустил. Полагаю, наивные воспоминания Бруно о жизни отца тоже помогли, так что я теперь могла ознакомиться с самой сутью.

Пугающей сутью.

Когда над головой раздался протяжный выдох, я как раз читала об усиленном влиянии на кровных родственников, так что даже забыла вздрогнуть или подскочить. Лишь подняла на вошедшего наверняка круглые от потрясения глаза и прошептала:

— Думаете, он и правда все это может?

Мэйн Рэйнер ответил напряженным взглядом и не менее напряженным молчанием, и только тогда я заметила, сколь неважно он выглядит. Весь какой-то помятый, взъерошенный. Лишенный привычной сдержанности и военной невозмутимости. Как будто собирался впопыхах да пережил по пути ко мне пару ураганов.

Я нахмурилась и медленно опустила на стол листок, испещренный заметками.

— Мэйн?

— Вам полагалось отдыхать, — выдал Рэйнер и, на секунду зажмурившись, вцепился пальцами в переносицу. — Неужели сложно хоть несколько часов никуда не... лезть?

Так, похоже, кто-то разозлился. Понять бы еще, на что.

— Мне не спалось, — осторожно откликнулась я, стараясь не злиться в ответ, хотя возмущение уже потихоньку поднимало голову где-то внутри.

— Не спалось, — опять выдохнул мэйн. Затем убрал от лица руку, прищурился и повторил с рычащими нотками: — Не спалось. И разумеется, не нашлось ни единого способа предупредить меня о том, что вместо отдыха вы ринулись на поиски очередного злобного призрака, залетного заклинателя или... или...

«Солдафона, который будет целовать мою грудь, а потом сбежит», — мысленно добавила я, но Рэйнер решил закончить список иначе:

— ...или нового приключения на вашу непутевую голову! Юта, что мне было...

— Непутевую? — перебила я, все же не выдержав и вскочив. — Предупредить? Как, интересно? Наверное, через слуг, что может быть проще. Ах, да! Вы же запретили им ко мне приближаться. Или стоило оставить записку? Но, простите, я не думала, что вы станете ломиться ко мне в комнату с утра пораньше.

— Полдень на дворе, — чуть спокойнее заметил мэйн, но я уже разошлась:

— И вообще, если уж потеряли меня, вполне логично было проверить лабораторию, я же не пряталась. А еще лучше — спросить у тех самых слуг. Вам, в отличие от меня, они отвечать обязаны.

— Я спросил, — чуть смущенно хмыкнул Рэйнер. — Вы умудрились проскользнуть незамеченной, а что происходит в лаборатории, им не видно. — Я фыркнула, сдувая с глаз прядь волос, а он продолжил: — Вы правы, простите. Стоило сразу проверить лабораторию наряду с кабинетом. Я просто сам заспался, не нашел вас в комнате, Тильда сказала, что вы исчезли и... Я волновался.

— Обо мне? — озадачилась я.

— В том числе. — К мэйну почти вернулась былая невозмутимость. — Слишком много всего вокруг происходит, и я чувствую, что вот-вот грянет буря, но не представляю, как лучше ее встретить.

— Во всеоружии, — пробормотала я, устало опускаясь на стул.

Рэйнер сел напротив, и на минуту мы погрузились в гнетущее молчание.

— Нам надо обсудить вчерашнее, — наконец произнес он.

— У Гантрама теперь есть инструкция по вселению в тела, — в тот же миг выпалила я.

— Какая инструкция?

— Что именно из вчерашнего?

— То, что было после призрака и до Бруно.

— Гримуар Вишху.

— У меня болит голова, — затосковал Рэйнер. — Давайте остановимся на одной теме за раз.

— Давайте, — охотно поддержала я и сама же выбрала, ибо обсуждать «вчерашнее после призрака и до Бруно» ну совершенно не хотелось. — Гримуар пропал.

На мой вкус, сообщила я об этом излишне радостно, но мэйн будто и не заметил. Или просто не осознал сразу весь масштаб катастрофы — он-то книгу не читал, вот и не уловил, насколько не соответствует мой тон произнесенным словам.

— Гримуар Вишху. Присланный вашим мужем. Пропал, — медленно, словно пытаюсь все прочувствовать, повторил Рэйнер. — Из вашей комнаты?

— Да. И... — Я закусила губу. — Он был открыт.

Он отрешенно кивнул:

— Ясно. И это плохо, потому что внутри там?..

— То, чего не доставала старому ублюдку! — Я сгребла некогда аккуратно сложенные, а теперь вконец перепутанные листки и потрясла ими в воздухе. — Потому я и спросила. Думаете... он в самом деле все это может? Он... — Я сглотнула. — Он правда влиял на Итана? Вот, вы здесь написали...

Под пристальным взглядом мэйна я зарылась в бумаги и выудила изрядно помятый листок — его я перечитала не один раз.

— ...Ага... не то... вот... «Помимо воздействия на мертвых практиковал управление живыми», — процитировала я. — «Убедился в усиленном влиянии на близких родственников. Сохранил способность после смерти? Появление Юты в этом доме — чья воля? Итан Гантрам не был столь амбициозен и добился многого без всяких чтецов. Такли он нуждался в жене?» Знаете, — я подняла глаза на Рэйнера,

— вы задаете слишком много вопросов.

Губы его дрогнули, но улыбки я так и не увидела.

— Пытался рассуждать... сам с собой.

— И к какому выводу вы вдвоем пришли?

— К неутешительному. Юта... — осторожно начал мэйн, — муж... Итан не казался вам несколько противоречивым? Просто человек, поступивший с вами так бесчестно, мало похож на того, о ком я не единожды слышал исключительно хорошее.

— Образы, построенные на слухах, быстро рассыпаются при столкновении с реальной жизнью, — отчеканила я. Но затем, помолчав, все же добавила: — Я плохо его знала и почти не помню. Мне трудно поверить, что все его поступки продиктованы чужой волей, но... наверное, я не вправе совсем отвергать эту мысль. Только... зачем все это некроманту?

— Тут как раз все понятно. — Рэйнер передернул плечами. — То есть я пока не понимаю, с какой целью он изучал все эти вопросы при жизни, но после смерти... у пленника мало возможностей, вот он и расшатывал прутья клетки. Приманивал тех, кто может его освободить. Ждал гримуар и того, кто в силах его открыть.

— И я подарила ему недостающие знания, — практически прошипела я, ибо в этот момент заметила за спиной мэйна новое действующее лицо.

Точнее не такое уж новое, и будь я поумнее, повнимательнее да поусидчивее, давно бы поняла, кто и зачем так упорно притягивает одного незадачливого мага в Арве-мал-Тиге. Тучная фигура выплыла из тени, сердце мое дрогнуло, а лицо наверняка перекосилось, заставив и Рэйнера обернуться.

— Кхе-кхе, — театрально прокашлялся мэтр Штанге, шагнув в центр комнаты, и по-хозяйски огляделся. — Давненько я тут не был. Доску испортили, записи исчиркали, пентаграмму стерли... Ну и кому за это руки оборвать?

Глава 23

Глава двадцать третья, в которой торжествует зло, ибо добру торжествовать пока рано

Что такое десять лет чужой жизни для бессмертного духа? Пшик. Пустой звук. Незначительная мелочь. Особенно после более полувека попыток выбраться из собственноручно созданной темницы.

Я не пыталась оправдать Раджинманда Гантрама, ни в коем случае, но с его появлением в теле невезучего мэтра Штанге в голове начала складываться более-менее внятная картинка, и мне стало попросту не до жалости к собственной разнесчастной судьбе. Нет, себя было все так же жалко, но теперь я понимала, что никто не оценит и не разделит со мною этих высоких чувств.

Я не запомнила, как очутилась возле Рэйнера — или он возле меня, — но когда некромант вещал об изменениях в лаборатории, я уже вжималась плечом в крепкое тело мэйна и чувствовала на спине его надежную ладонь. И радовалась, безумно радовалась, что он так вовремя озаботился моими поисками — каких-то несколько минут, и встречала бы я одержимого Штанге в гордом одиночестве, совершенно не представляя, что делать. Я и сейчас не представляла, но могла хотя бы незаметно пихать мэйна локтем, вдохновляя на решительные шаги.

Мэйи вдохновился на осторожное полувопросительное приветствие:

— Мэтр Гантрам, полагаю?

— Если б не полагал, я бы разочаровался, — фыркнул некромант и благоговейно провел рукой по корешкам книг на одной из полок. — Хоть это сохранили.

Честно говоря, я не понимала его жалоб. Вот если б старик сунулся сюда в дни моего владычества, тогда б можно было ужасаться и сокрушаться, а так Рэйнер навел лоску. Подумаешь, пентаграмму стер — долго нарисовать, что ли? А на книги вообще никто почти не покушался, хватило и дневников с заметками, и то не со всеми разобрались. Даже я, хотя в запасе был не один год.

— А вот это зря, — вырвал меня из размышлений голос Штанге, и я почувствовала, как моя опора в лице мэйна начала заваливаться на бок.

Как ни старалась, удержать вес здорового мужика мне все же не удалось, ну хоть не дала ему покалечиться да голову спасла от удара об пол. И пока я сидела возле бессознательного Рэйнера и хлопала его по бледным щекам, некромант обошел разделявший нас лабораторный стол и замер в паре шагов от нашей живописной парочки.

— Что вы с ним сделали? — ахнула я, поднимая взгляд на Штанге-Гантрама.

Так странно, вроде внешне это был все тот же безобидный лысеющий толстяк, но что-то в нем неуловимо изменилось. Может, носогубные складки стали глубже, придав лицу какое-то хищное выражение. Может, в глазах добавилось стали и злобы. В любом случае, даже не зная я наверняка об одержимости духом, сейчас, под этим пронзительным взглядом, сразу бы заподозрила неладное.

— Не дал вытолкнуть тебя в туннель, девочка. Проблема вояк в том, что героизма в каждом из них на десятерых, а вот ума и на одного не хватает, — милостиво ответил старик и, немного удивленно уставившись на свою ладонь, пошевелил пальцами. — Похоже, зря я так долго пренебрегал этим телом. Все не так печально, как казалось.

Я тем временем нащупала ровно бьющуюся на шее Рэйнера жилку и облегченно выдохнула. Главное, что живой, а с остальным мы разберемся.

— Вставай, — неожиданно резко велел некромант, налюбовавшись новообретенной конечностью. — У нас много дел.

Никаких дел с ним иметь мне не хотелось, отпускать мэйна — тем более, и я лишь крепче вцепилась в его голову, которую пристроила у себя на коленях. Чем же его старик шарахнул, и надолго ли это?

— Не расстраивай меня, девочка. — Глаза некроманта полыхнули зеленью. — Я и так пытаюсь быть добрым ввиду нашей продолжительной истории.

Да-да, знаем мы эту историю... Впрочем, раз уж появился шанс прояснить некоторые моменты, то грех его упускать. А там, глядишь, и Рэйнер очнется. С ним как-то спокойнее. Надежнее. Он наверняка все решит...

И где этот вездесущий провидец доктор Эморри, когда он так нужен?

Я все же аккуратно пристроила голову мэйна на полу и поднялась, тут же попятившись подальше от Гантрама-Штанге. Мысли бешено носились от виска к виску, сталкивались и спутывались, но в годную идею никакие сливались.

Что я могла противопоставить старику? Он явно почти освоился с магией Штанге, да и собственной никогда не был обделен. Кажется, его самого удивил обморок Рэйнера — возможно, непредвиденный эффект от слияния сил. Или я надумывала, и некромант просто отвык от плоти, вот и глазел на свои пальцы.

Как бы там ни было, для меня все это значения не имело. И единственный осуществимый вариант — огреть его чем потяжелее и сбежать — я отбросила как весьма спорный. Мэйна я бы не оставила, да и не факт, что удар подучился бы нужной для отключки силы. И что потом делать с восставшим из мертвых и озверевшим от моей наглости некромантом?

В итоге я просто пятилась все дальше и дальше, не рискуя повернуться к нему спиной, а Гантрам следил за мной со скучающей улыбкой.

Наконец я уперлась в стену и выпалила, явно перебив уже открывшего рот некроманта:

— Вы действительно заставили Итана на мне жениться?

Он моргнул и усмехнулся:

— Это все, что тебя сейчас волнует?

Нет.

— Да.

— Что ж... — Гантрам вновь обошел стол, остановившись в центре комнаты, где когда-то красовалась пентаграмма, и скрестил руки на груди. — Итан был идиотом, как и его папаша. Самодовольным, заносчивым идиотом. Считал себя великим магом, но все его достижения строились на политических интригах. Для воздействия на его отца мне еще не хватало сил, а Итан... он понимал, что к чему, чувствовал внушение, но возомнил, будто сможет обернуть все в свою пользу. Так что ответ «да». Я помог ему принять нужное решение, однако не приписывай ему роль бесправной жертвы. В твоём заточении Итан виновен не меньше моего.

— Я и не приписываю, — пробормотала я, хотя, чего уж таить, очень хотелось поверить, что не все в моей жизни были отъявленными ублюдками.

— Ну-ну.

— А по...

— Нет, — перебил старик. — Я уже сказал, дел много, нечего меня забалтывать.

— Я просто пытаюсь понять!

Я двинулась вдоль стены, и некромант повернулся следом, не отрывая от меня взгляда, зато оставив без внимания Рэйнера. Из-за стола я не видела, пришел ли тот в себя, но если пришел или придет в ближайшее время, то свобода действий явно лишней не будет.

— Почему вы не вселились в Итана? — спросила я, вновь замерев. — Я же читала, кровные родственники легче...

— Поддаются внушению, — кивнул Гантрам, — благодаря созвучию сил. И благодаря ему же, побороть дух родственника при вселении в разы сложнее. Увы, долгое время этот дом был пристанищем только для Гантрамов. А потом появилась ты...

— Я тоже не подошла? Потому что женщина?

Мне и правда стало любопытно. Неужто я десять лет жила под угрозой одержимости?

Гантрам фыркнул:

— Потому что бездарная. — И не давая мне возмутиться, продолжил: — Благословение твое мне, конечно, пригодилось и еще пригодится, но тело можешь оставить себе.

— А Рэйнер? — не сдержалась я.

Зря, наверное, напомнила. Некромант оглянулся на мэйна, но через секунду вновь устался на меня:

— Его дар и связи полезнее, только защита сильнее. К нему не пробиться. — Он неожиданно потер лоб и вздохнул: — Хватит. Утомила ты меня. Пора действовать.

И затем засвистел.

Звук этот я узнала сразу и испуганно вжалась в стену, которая оказалась и не стеной вовсе, а застекленным шкафом со склянками. Створки затрещали, склянки зазвенели, свист эхом пронесся под потолком. А потом сквозь все тот же потолок в комнату просочилось пыльное облако.

Оно зависло над заваленным бумагами столом, всколыхнулось переливчатыми боками, на миг в мутном вихре мелькнула знакомая жуткая морда призрака, и следом из пыли и тумана на стол вывалилась книга, после чего облако развеялось.

Не в силах выдохнуть я во все глаза смотрела на кожаную обложку гримуара Вишху, затем поняла взгляд на некроманта и выпалила отнюдь не то, что собиралась:

— Призракам сюда нельзя.

Прозвучало несколько обиженно, потому не удивительно, что Гантрам засмеялся:

— Этот не местный и не привязанный, ему все равно. — И тут же посерьезнел: — Надеюсь, я в должной мере удовлетворил твое любопытство. Твоя очередь.

Он шагнул к столу и подтолкнул книгу в мою сторону, попутно смахнув на пол несколько листков.

— Вам нужен перевод? — понурилась я.

— Переводами будешь баловать неучей, вроде моего правнука, — отмахнулся некромант. — Нет, девочка, мне нужна формула. Пока несуществующая, но ты ее создашь.

Глава 24

Глава двадцать четвертая, в которой Юта помогает злодею и ждет спасителя

Я ползала по новенькой пентаграмме, старательно перерисовывая символы с выданной некромантом бумажки в один из внутренних кругов и не менее старательно, но как бы случайно стирая предыдущие свои художества. В мелу было все: пальцы, платье, обувь, да и лицо с растрепавшимися волосами наверняка тоже. И самое обидное — все напрасно. Гантрам, казалось, и не смотрел в мою сторону, увлеченный стаскиванием с полок нужных книг, но каким-то образом знал, где и когда я смазала носком туфли кривобокий треугольник с крестом, а где смахнула рукавом часть контура.

— Выберись из круга и рисуй заново, — посоветовал он, потянувшись за очередным томом в безликой коричневой обложке. — А то со следующим исчезнувшим символом исчезнет и сердцебиение нашего уважаемого мэйна.

Глаза у него на затылке, что ли?

Я испуганно вскинула голову на Рэйнера, которого проклятый старикашка щелчком пальцев переместил с пола на лабораторный стол да так и бросил поверх кипы бумаг. Наверное, еще и магией приложил повторно, потому как беспамятство мэйна слишком уж затянулось. Хорошо еще грудь равномерно вздымалась, и к щекам вернулась хоть часть крови. Но я не теряла надежды на бравого героя, который скоро очнется и разберется со злодеем, а пока тянула время как могла.

Впрочем, могла я немного. Теперь еще и пакостно портить рисунок было нельзя, так что оставалась только болтовня...

— Вы же сказали, он вам нужен, — напомнила я, послушно выбираясь из пентаграммы и приступая к восстановлению символов.

— Нужен, но не настолько, — рассеянно отозвался Гантрам и зашуршал страницами.

— А зачем?

Я покосилась на старика, он оторвал взгляд от книги и прищурился:

— Дорисуй — узнаешь.

«Ага, в процессе принесения жертвы или еще чего похуже», — мысленно скривилась я, но вывела на полу еще один непонятный символ.

Выступать в роли пособницы зла было паршиво. Еще паршивее — чувствовать собственную беспомощность. Нет, я все же попыталась сбежать и в какой-то миг даже поверила, что удача на моей стороне, но, поболтавшись в воздухе минут десять под насмешливые комментарии Гантрама, быстро смирилась с действительностью.

Самой мне его не одолеть. Из призраков в лабораторию в силах проникнуть только призванные некромантом монстры. А из людей... с людьми в моей жизни в принципе как-то не сложилось, и единственный, на кого я рассчитывала — и за кого переживала больше, чем за себя, — сейчас лежал на столе со скрещенными на груди руками, будто труп в гробу. Жуткое зрелище.

— И все же я не понимаю, — прокашлявшись, произнесла я. — Ладно я для вас бездарная, к Рэйнеру не пробиться, но ведь кроме Штанге были и другие варианты. Одного мы вам чуть ли не на блюдечке преподнесли. Хейко моложе, красивее, сильнее, в конце концов.

«Уверена, каждый плюгавый старикан мечтает о таком теле», — этого вслух я благоразумно говорить не стала.

— А если подумать? — хмыкнул Гантрам и, наконец собрав все необходимые книги, потащил их к письменному столу.

Механические штуковины на нем все так же клацали, щелкали и вжихали, но, повинуясь взмаху руки мага, замерли на ползвук. Я облегченно выдохнула. За последние полчаса их стрекотание едва не довело меня до нервного тика, а еще казалось, будто шум все время нарастает, нагнетая атмосферу, и вот-вот случится нечто ужасное. Не то чтобы тишина была сильно лучше, но передышке я обрадовалась.

Итак, о чем это мы?..

Подумать. Подумать...

Чем мэтр Хейко не угодил некроманту, в отличие от нашей троицы? Неужто они как-то связаны кровными узами? Я завершила еще один символ и посмотрела на Штанге-Гантрама, вспоминая его истинный облик. Вроде ничего общего.

— Нет, — ответил он, словно прочитав мои мысли, и уткнулся в один из томов. — Думай еще.

Еще так еще, мне несложно.

Что еще могло помешать старому ублюдку захватить молодое красивое тело столичного заклинателя помимо кровного родства? Вряд ли Хейко настолько мощнее Гантрама, что тот побоялся сам стать поглощенным, тем более, если верить гримуару Вишху, перевес в магических способностях тут особой роли не играет. Значит, защита? Как у Рэйнера? Хейко, конечно, не военный и не член императорской семьи, но самомнения у него вполне бы хватило, чтобы счесть себя достойным самого-самого ментального блока...

Или нет. Конечно нет! Как я сразу не догадалась.

— Защита, — выдохнула я, вновь уставившись на некроманта.

Он поднял голову от книги и насмешливо изогнул бровь — мэтр Штанге так никогда не делал. Я даже сомневалась, что его брови обладают нужной гибкостью, а погляди ты.

— Нет, — ухмыльнулся Гантрам. — Ду...

— Да не такая защита, — перебила я. — Защита дома. Вы с ней связаны, как создатель и пленник. Вам нужен был тот, кто соприкасался с контуром. Итан и его отец до этого вам не подошли. Как и я. А потом появились новый хозяин и маг, проводивший ритуал привязки. Вот если бы мы позволили Хейко побороться с призраками, если бы он хоть на миг слился с домом... Полагаю, вы на это и рассчитывали? Потому ждали и не трогали Штанге?

Улыбаться некромант перестал, впрочем, и иных эмоций на его лице не появилось

— он просто вернулся к чтению, обронив лишь:

— А ты не безнадежна.

— Спасибо, — буркнула я, заканчивая очередной треугольник, на сей раз с кругом внутри. Прямо занимательная геометрия, а не некромантия. И тут в голову пришла еще одна мысль. — А ведь сначала вы рассчитывали на мэйна. Не знали о его блоке, потому и продаже дома не мешали. В тот день я только привязанных призраков смогла запереть, с Бруно пришлось договариваться на словах, а вот ваших действий я все же жда...

Прервал меня раскатистый старческий хохот. В самом деле старческий, будто под натиском эмоций истинная суть Гантрама прорезалась даже в голосе. Смеялся он искренне, от всей своей мерзкой душонки, похлопывая пухлой ладонью по столу и периодически смахивая набежавшие на глаза слезы. А когда кончились силы, еще минуту просто постанывал, схватившись за живот.

— Ох, ну и забавная ты девица, Юта Марейк, — наконец выдавил некромант, вытирая влажные щеки. — Давно меня никто так не веселил. Так что ты там сделала? Заперла призраков? Ох, не могу, надо ж такое выдумать...

Обидно было до слез. Мел раскрошился в стиснутом кулаке, губы задрожали, и я их поджала, чтобы позорно не разрыдаться перед самодовольным стариком.

— Заперла, — упрямо повторила я. — Вы же смогли, когда натравили на меня монстра и украли гримуар, так почему бы...

— Я некромант! — прогрохотал Гантрам, разом утратив всю веселость. Даже поднялся для эффективности и теперь стоял, упершись ладонями в стол и гневно сверкая глазами. — Я их пленитель, я их хозяин! И то пришлось развеять несколько заблудших душ, чтобы хватило сил удержать местных хоть на пару минут. А ты мнишь, будто без капли дара сумела избавиться от них на целый день? Как это, интересно? Уж не с помощью ли того камешка с барахолки, которому по ночам скармливала кровь?

Именно.

Камень отыскала Тильда на прилавке заезжего торговца. Помню, как она радовалась, вернувшись с ярмарки, как расписывала мне чудесные свойства редкого артефакта, благодаря которому мы наконец сможем покинуть этот демонов дом. Не сразу, конечно. Для начала нужно было напитать круглый безлико-серый камень силой и дожидаться покупателя. Но потом... потом артефакт стал бы

временной клеткой в клетке, и ни один призрак Арве-мал-Тиге нам бы не помешал. Ну, почти ни один. Но с Бруно всегда можно было договориться, а его зашуганного папашу, долгие годы прятавшегося по углам, мы в расчет уже не брали.

Я действительно кормила камень кровью — единственной доступной мне силой — несколько месяцев. И ведь сработало же! Стоило надавить на небольшое углубление в его основании и прошептать нужные слова, как артефакт вспыхнул, а дом умолк. Мы все рассчитали и знали, на сколько часов хватит отданной крови. Мы успели, мы справились, мы ушли, и если бы не проблемы в порту...

Нет, старик просто пытался меня запутать, вывести из себя. Я не знала, зачем ему это, но поддаваться не собиралась.

— Это ловец душ, — уверенно произнесла я, отряхивая ладони от мела. — Он...

— Это простой накопитель, — фыркнул Гантрам. — Ты лишь собрала кровушки для питания этих троглодитов, другой вопрос — почему они притворились пойманными. Неужели тебе не любопытно? — Он снова сел и вальяжно раскинулся в кресле. — Знаешь, твоей подружкой кобылицей я займусь в последнюю очередь. Дам тебе шанс задать ей парочку вопросов. Самому интересно, что она ответит.

К глазам вновь подступили предательские слезы, и я часто-часто заморгала, пытаюсь их сдержать. Ну уж нет, в это я точно не поверю. Не поверю, что единственная в мире подруга, пусть донельзя вредная и не совсем живая, как-то использовала меня в своих целях. Она же знает, сколько предательств было в моей жизни, и не стала бы мною играть. В Тильде я больше всего и ценила как раз болезненно-грубую откровенность...

— Что значит «займетесь в последнюю очередь»? — прохрипела я, зацепившись за одну из фраз некроманта.

Он лишь загадочно улыбнулся и повторил:

— Дорисуй — узнаешь.

Дорисовывать хотелось все меньше и меньше, но я подняла дрожащими пальцами обломок мелка и, сдув с пентаграммы крошево, продолжила работу.

Оставалось всего несколько символов.

— Что вы подсунули мэтру Штанге? — чуть-чуть успокоившись, спросила я после нескольких мгновений молчания, скрежета мела и шороха страниц. — Вишху писал, что для успешного внедрения необходимы неодушевленные посредники. Одним стала защита Арве-мал-Тиге, это я поняла. А еще? Артефакты? Штанге ведь не просто так возвращался в дом, вы что-то с ним сделали.

Да, я уже сложила два и два и осознала, что в чудачествах местного крючкотворца тоже виноват Раджинманд Гантрам. Он ведь сам сказал, я не безнадежна. И о столкновении в библиотеке я вспомнила. Явно же старик пытался управлять жертвой, а остальные ему мешали. Вот только почему они скрывали происходящее?

На секунду показалось, что он заупрямится и не ответит, но то ли мой убитый вид вдохновлял на откровенность, то ли успехом хотелось поделиться, и в итоге он открыл рот:

— У вашего мэтра Штанге есть крохотный изъян. — Затем оглядел свое тучное тело и хмыкнул: — То есть изъянов в нем полно, но конкретно этот оказался губителен для него и полезен для меня. Сама догадаешься?

— Я устала гадать, — вздохнула я.

— Штанге — вор. Наглый, жалкий воришка. Вряд ли он действует осознанно, скорее, руки сами тянутся ко всякой незначительной мелочевке. А потом мэтр находит украденное и, обливаясь потом, спешит вернуть. Такой вот занятный недуг.

Я бы, наверное, поразилась открытию, кабы не другая странность, захватившая все мое существо. Гантрам говорил о Штанге в настоящем времени. А значит... мэтр жив?

Я поспешно опустила взгляд, дабы не показать вспыхнувшей внутри радости. И чему, спрашивается, обрадовалась? Как будто пусть даже живой, но подавленный чужим духом заклинатель смог бы чем-то помочь...

— Он украл всего лишь подставку для перьев. Дешевку, — продолжал меж тем некромант. — А когда вернулся, я уже был готов. И против кольца с частичкой моей плоти воришка не устоял, после

чего просто не мог держаться вдали от Арве-мал-Тиге.

На «кольце с частичкой плоти» меня отчетливо передернуло, и Гантрам расплылся в гаденькой улыбке. Удивительно, но теперь я все яснее видела за по-детски пухлыми щеками и залысинами мэтра Штанге потрескавшееся от старости, скуластое лицо с неизменным моноклем и белоснежные, зализанные назад волосы. Хотелось верить, что чуждый дух проглядывается потому, что тело его отторгает, а не наоборот...

Задумавшись, я сама не заметила, как перерисовала последний символ — кривую хвостатую звезду, — зато некромант сей момент не упустил и вскочил, довольно потирая ладони:

— Превосходно! А теперь, как и обещал, у тебя будет шанс проявить себя.

Ехидный комментарий о том, что этот шанс он может предоставить кому-нибудь другому, а я, пожалуй, обойдусь, пришлось проглотить. Я опомниться не успела, как уже стояла перед письменным столом, уставившись на три книги. Две были открыты на нужных некроманту страницах, а последнюю — треклятый гримуар Вишху, — очевидно, предстояло открыть мне. Конечно, Гантрам же знал, что я всегда под рукой, вот и не побоялся захлопнуть его между делом.

— Прочти, — велели мне. — Я выделил нужные абзацы. У Вишху найдешь пятую главу в третьем разделе, о расширении резерва, и тоже прочтешь. А потом создашь формулу для ритуала.

Я задумчиво провела пальцем по одной из змей на обложке гримуара:

— Вы так уверены, что у меня получится?

— Обратная сторона дара — непреложная истина, — как дурочке объяснил старик. — Итан не зря столько лет пичкал тебя всевозможными языками и заклинаниями, раскачивал способности. Ты теперь должна за секунду обращать любое описание в действующую формулу и наоборот.

Да, я не забыла разговор с Рэйнером и, когда Гантрам поведал о моей роли в его сегодняшнем представлении, почти не удивилась. Но сомнения все равно были, куда без них. Сотворить то, чего еще никогда не делала... Причем сотворить за считанные мгновения и с первой попытки, когда некромант уже запустит ритуал, иначе нам с мэйном конец.

— А ведь Итан не желал, чтобы гримуар попал в ваши руки, — поняла я. — Сами говорили, он чувствовал внушение и наверняка на момент смерти догадывался о ваших планах, вот и отсрочил отправку. Наверное, давал мне время уехать, чтобы вам некому было помогать.

— Ох, опять ты за свое, — всплеснул руками старик. — Святой Итан, практически великомученик. Да не тебе он время давал, а себе. Чувял неладное, готовился к возрождению, придержал книжку. Но все равно указал, чтоб сюда отправили, к верной женушке, которой из дома деваться некуда. Вот только рассчитывал умереть по-особенному и на тот момент уже привязать себя к гримуару. Зря.

— Это вы его. — Я не спрашивала, утверждала.

— Скажем так, я подсобил. Надо было еще раньше озаботиться. Позор семьи, с этими своими... мальчишками. Как жил ничтожно, так и помер.

Поразительно длинными оказались руки мертвого некроманта. При таких способностях он бы давно отсюда выбрался, кабы заполучил гримуар пораньше... Конечно, как захватить чужое тело, Гатрам знал и без него, но закрепиться смог только благодаря моей безалаберности. А теперь еще готовил очередной ритуал. Что же там такое в пятой главе третьего раздела?

— Читай уже, — как-то обреченно проворчал старик. — Сил никаких нет объяснять тебе элементарное...

И пока я пыталась сосредоточиться на расплывающихся перед глазами буквах, сам он двинулся к пентаграмме. Я то и дело косилась в ту сторону, толком не улавливая смысл текста, так что приходилось каждое предложение перечитывать по несколько раз. Гантрам полюбовался моими художествами, взмахнул рукой, убирая с рисунка меловое крошево и выравнивая границы, и вроде как остался доволен. Облегчение смешалось с разочарованием, и я вернулась к книгам.

«...чистая энергия души... поток... одновременное пополнение из пяти источников...»

— Чушь какая-то, — пробормотала я и потянулась к гримуару.

Там текст был еще веселее. Поначалу. Но по мере того, как в моей голове складывалась общая картинка, волосы на затылке вставали дыбом, а руки дрожали все сильнее.

«...вторичный материал... переработанная сила... пополнение и расширение резерва... магия без границ... пять лучей звезды по двадцать душ...»

— Ч-ч-что... вы... задумали? — прошептала я, поднимая глаза на некроманта.

Неприметное кольцо на его указательном пальце — наверняка то самое, с плотью — сияло зеленоватым светом, и Гантрам водил им над пентаграммой, наполняя символы силой. В воздух один за другим взмывали мерцающие треугольники, круги и звезды, выстраиваясь в неведомый узор, и комната наполнялась тихим мерным гулом.

— Ты думала, гримуар — безобидное пособие по медитациям? — Некромант изобразил обеими руками хитроумный пас, и пульсирующие зеленью символы застыли. — Вишху недаром считают великим. Он знал, как достичь могущества, и у меня есть для этого все необходимое.

— Так все это, — я беспомощно развела руками, — этот умный дом... только чтобы собрать души и... и... переработать их? Н... напитаться их энергией?

— Нет, почему? — Гантрам потрянул ладонями, словно сбрасывая с них капли воды, и на шаг отступил от своего детища. — Просто раньше я мыслил мелко. Узко. Но десятилетия бесплотного существования любого заставят задуматься. День за днем, год за годом я перебирал полученные когда-то знания и все отчетливее сознавал, на какие глупости спустил жизнь. Теперь у меня есть второй шанс. — Он оглянулся на меня. — И есть сотня душ, которая может сделать меня всемогущим. Кто от такого откажется, девочка?

«Я, я откажусь!» — едва не завопила я, но голос подвел. Ноги тоже грозили отняться, а пока просто мелко дрожали, так что пришлось для надежности опереться на стол.

— Ты же уже поняла, что от тебя требуется? — уточнил некромант. Наверное, я кивнула, ибо он довольно улыбнулся: — Чудесно. Смотри, времени будет мало. Как только я всех призову, сразу выстраивай символы в формулу. — Он махнул на застывшие в воздухе геометрические фигуры. — Как и обещал, подружку твою впитаю последней, успеете поболтать.

«А помешать тебе, старый хрыч, успеем?» — отрешенно подумала я, все еще не в силах ни шелохнуться, ни выдать хоть слово.

Что-то мне подсказывало, что нет, не успеем. Или не сумеем. Слишком уж уверенным выглядел некромант, явно не ожидая от меня удара в спину. Но это не значило, что я не попытаюсь ударить — еще как попытаюсь. И скорее сама сигану в бездну, чем создам нужную ему формулу.

Сотня душ во имя расширения и пополнения резерва одного единственного мага. Сотня душ, лишенная посмертия и перерождения. Нет, лучше стать сто первой, чем пособницей мерзкого старика. Тем более я сильно сомневалась, что, обретя пресловутое могущество, Гантрам оставит нас с Рэйнером в живых.

Кстати о Рэйнере.

Я мельком глянула на лабораторный стол и, опасаясь выдать немалое изумление, тут же уставилась в пол. Да так и стояла пару минут, кажется, разучившись даже дышать. Очнулась, только когда некромант дважды хлопнул в ладоши:

— Ну вот, все в сборе.

«Ошибаешься, ублюдок, не все», — злорадно подумала я, поднимая глаза.

Комната теперь действительно была заполнена мерцающим маревом, в котором с трудом угадывались перепуганные знакомые и незнакомые мне лица да огоньки свечей.

«Я про ту ночь рассказал. Про ту когда было много свечей и все кричали», — так говорил Бруно. Похоже, все вернулось к истокам, и старик надеялся завершить начатый семьдесят два года назад ритуал, но теперь с иным результатом.

Что ж, его ждал сюрприз. Потому что мэйн Рэйнер умудрился под шумок испариться со своего импровизированного жертвенного алтаря.

Глава 25

Глава двадцать пятая, в которой души уходят, а дом остается

Я на всякий случай шагнула поближе к сияющей пентаграмме, чувствуя как духи покорно расступаются и тут же сливаются за моей спиной в плотную стену тумана. Вскоре за этой белой мглой было уже не разглядеть обстановку комнаты, и я вздохнула с облегчением — теперь некромант точно не заметит отсутствия Рэйнера. Может, почувствует, но вряд ли станет отвлекаться от столь важного ритуала ради проверки.

Парящие в воздухе символы разгорались все ярче, вызывая резь в глазах; огарки свечей в руках пятерки главных слуг чадили, и по лаборатории расползался терпкий запах каких-то трав и воска.

Пятерка главных слуг... Пятеро. И лучей звезды тоже пять. «Единовременное пополнение из пяти источников...»

Аццо, Катрин, Джерт, Лорэля и Тильда — единственные, чьи силуэты отчетливо выделялись в беспокойном призрачном мареве — стояли по кругу, каждый перед своим лучом. Сегодня их лица пугали как никогда, ибо даже черты вечно невозмутимого дворецкого были искажены животным ужасом. Они знали, что уготовил им старик Гантрам, и опять не могли вырваться из-под его власти.

Наверное, я приближалась слишком медленно, и нетерпеливо притопывающий у границы внешнего круга некромант не выдержал и подскочил ко мне сам:

— Сколько можно! Я же сказал, формула нужна сразу! — А затем втолкнул меня в самое сердце пентаграммы.

На миг я замерла, ослепленная сиянием символов, окруживших меня точно звезды, а потом огляделась. То ли за доли секунды ситуация в комнате изменилась, то ли этот едкий зеленый свет даровал мне особое зрение, но теперь я видела вовсе не сплошной туман и даже не разношерстную толпу призраков. Я видела... людей.

Самых настоящих, живых людей. За спиной Аццо испуганно жались друг к другу совсем молоденькие горничные и лакеи. За плечами Катрин покачивались белые колпаки дрожащих поварят, к Джерту стянулись все садовники, а Лорэля пыталась прикрыть тощим станом служителей пера и хранителей пыльных книжных полок. Возле Тильды же заливались слезами Холли и Нелли и о чем-то причитали сгорбленные старики — я понятия не имела, какие функции они выполняли в доме.

Столько людей — я и не думала, что лаборатория такая огромная, — столько загубленных жизнью. Может, Гантрам и не убил их самолично, но он лишил их шанса на возрождение... медленно убивал души, что куда страшнее смерти телесной.

Я в очередной раз уверилась, что никакой формулы он от меня не дождется. Тем более теперь, когда до Рэйнера ему не дотянуться, а других рычагов давления поблизости нет. Кажется...

— Ну же! — рявкнул старик, и я наконец разглядела его за пределами круга, где-то между Аццо и Тильдой. — Формула!

Я покачала головой, и лицо некроманта заалело. Он подпрыгнул на месте, всплеснул руками, задевая близстоящих слуг, но словно не замечая этого. Наверное, для него они все так же оставались безликим туманом. Затем вдруг застыл, прищурился и злорадно ухмыльнулся:

— Решила, что самая умная? Думаешь, я не заметил побег твоего героя-любовника?

«Если и заметил, то только сейчас, — поняла я. — И не побег, а тактическое отступление».

— Время не тяни, он не вернется, — фыркнул Гантрам. — Но если тебе так необходим стимул...

Он щелкнул пальцами, и один из лакеев за спиной Аццо с криком упал на колени. Мальчишка совсем, вряд ли и до шестнадцати дожил. Не переставая кричать, он выставил перед собой ладонь и в ужасе наблюдал, как та прямо на глазах рассыпается сверкающей пылью. Крик подхватили горничные, еще горше зарыдали близнецы, Аццо зажмурился, и из-под его сморщенных век покатались крупные слезы.

Я не могла пошевелиться. Просто стояла и смотрела, как бедный ребенок обращается в прах, пока вопли его не стихли.

— Это больно, — прокомментировал некромант. — Мучительно больно.

— Вам же нужно сто душ, — хрипло выдавила я.

— Тут их с запасом. — Он пожал плечами. — Могу еще парочку развеять, коли тебя вдохновляют их страдания.

Нет-нет-нет...

Я шумно втянула воздух и зажала рот ладонью.

— Формула, — напомнил Гантрам. — И они уйдут тихо и безболезненно.

«Но все равно уйдут, — стучало в висках. — А так есть шанс дождаться подмоги в лице Рэйнера. Он наверняка что-нибудь придумает, и пусть за это время канет в бездну еще несколько душ, зато остальные спасутся. Разве оно того не стоит?»

Ответ был очевиден, но смириться с ним не получалось. Я знала, что не смогу спокойно ждать и слушать новые предсмертные крики даже ради великой цели спасения большинства, ведь каждый не спасшийся будет на моей совести. Да и придет ли Рэйнер? Нет, не так. В том, что он вернется, я не сомневалась, зато сомневалась, что успеет вовремя...

Но что я могу без него?

«А что могла Шанталь без своего героя?» — раздался в голове знакомый голос.

Тихий-тихий, но отчетливый.

Я уставилась на Тильду, но она смотрела куда угодно, только не на меня, и плотно сжимала губы, словно опасалась произнести что-нибудь вслух.

Шанталь и ее герой. Я судорожно перебирала отрывки собственноручно написанного текста, однако память подкинула совсем другой эпизод. Из жизни. Я за столом в своей комнате, и Бруно вчитывается в не успевшие высохнуть строки...

«— Когда уже появится великий герой и спасет Шанталь от коварных злодеев? Ты обещала назвать его в мою честь.

— Прости, Бруно, пока Шанталь придется спасаться самостоятельно, иначе она ничему не научится».

Тильда тогда вставила привычно ехидное замечание и сейчас зачем-то напомнила мне об этом. Или не об этом? О чем еще мы беседовали с ней при схожих обстоятельствах? Чему я должна научиться? Я попыталась дозваться до подруги, но больше ни единой подсказки не получила и обратилась ко всем нашим разговорам за последние дни. Что-то выныривало на поверхность разума легко и с радостью, что-то приходилось выковыривать и вытягивать силой, и вот наконец...

«— Как можно обратить ритуал без капли силы?

— Легко. Как вылить воду из стакана... Маг совершил ритуал — читай, налил воду в стакан. Ты хочешь обернуть все вспять, так подойди и вылей. Для этого не нужно вновь ее наливать».

Мы обсуждали противоречивые записи Вишху, Тильда считала его шарлатаном, а я не могла понять, как создатель и разрушитель ритуала могут иметь ровно противоположные помыслы, но руководствоваться одинаковыми мотивами. И если я сейчас должна обернуть давний ритуал Гантрама вспять, то сумею ли, не разгадав его «почему»? Ведь отчего-то он не завершил задуманное семьдесят два года назад...

— Вижу, тебе все же не хватает вдохновения, — протянул некромант, и я, моргнув, вернулась к реальности.

— Стойте! — крикнула, когда он уже поднял руку для очередного смертоносного щелчка. — Стойте... Я... все сделаю. Только помогите. Я поняла суть ритуала, но... не хватает подробностей.

— Каких еще подробностей? — разозлился некромант, но руку опустил.

— Пять лучей — это для?.. — Я многозначительно умолкла, ожидая пояснений.

— Пять лучей, пять источников, пять составляющих магического резерва, — затараторил он, нервно одергивая мундир. — Свет, тьма, жизнь, смерть и разум. Ты же читала! Перенаправь все в одну точку, в меня! Задействуй уже свой демонов дар!

«...мне нужна формула. Пока несуществующая, но ты ее создашь».

Я по-прежнему не представляла, что делать, но поняла одно: старик сам не в курсе, как должна выглядеть формула. А значит, если мой дар действительно работает так, как уверял Гантрам, я и правда могла сотворить нечто новое, но вовсе не обязательно именно то, чего требовал он. Пока он разберется, что к чему...

Я потеряла виски и слезящимися глазами уставилась на мерцающие в воздухе геометрические фигуры. «Задействую дар...» Легко сказать!

«Ты читаешь непонятные загогулины, не задумываясь, — вновь прошелестел в голове голос Тильды. — Не думай».

Это уже проще. Не думать. Но при этом мысленно настраиваться на конкретный ритуал, чтобы получившаяся формула сработала именно для него.

Итак, что я знаю о событиях прошлого? Гантрам-старший хотел поработить призраков, я желаю их освободить. Он пытался стереть их личности, я надеюсь отправить их на перерождение. Он запер их в доме, я выпускаю их на волю. Он прервал ритуал, потому что... потому что...

— А Бруно к какой из групп присоединиться? — пронеслось по комнате, и я вскинула голову.

У самого входа в лабораторию, скрестив руки на груди, стоял невозмутимый мэйн Рэйнер, а рядом с ним парил растерянный и бледный даже для призрака Бруно. Некромант медленно развернулся. Выражения его лица я теперь не видела, но заметила и напрягшуюся спину, и стиснутые кулаки. Казалось, Гантрам готов в любую секунду броситься в бой, невзирая на неспособность этого тела даже присесть без одышки.

— Бруно здесь не место, — проскрежетал он замогильным голосом.

— А вот он очень хотел посмотреть, чем занят любимый папочка, — хмыкнул мэйн.

Бруно меж тем обвел круглыми глазами собравшихся и остановил взгляд на отце:

— Папа?..

— Уходи, — выдохнул некрмант и добавил уже громче, с визгливыми нотками, присущими мэтру Штанге. — Уходи!

Из-за слез их фигуры расплывались перед глазами, и я моргнула, пытаюсь прояснить картинку. Но вместо этого увидела выстроившиеся передо мной в ровную линию треклятые треугольники, круги и звезды. Формула. Почти готовая формула. Как завороченная я потянулась к последнему символу, отчего-то точно зная, что нужен именно он, но не успели пальцы сжаться на пылающей зелени, но холодной звезде, как в мысли вновь вторгся голос Тильды: «Подожди...»

Она тоже казалась невероятно бледной, словно это общение отнимало у нее последние силы, но пока держалась. Как и прочие слуги, заметно приободрившиеся и взиравшие на меня в немом ожидании чуда.

Я замерла, вцепившись в эфемерный символ и наблюдая за действиями Рэйнера. Как-то плохо он подготовился к визиту в стан врага... даже оружие не прихватил, так отчего выглядит таким уверенным?

— Папа? — повторил Бруно, нахмурившись, и размытой тенью метнулся к некрманту.

— Уходи, — в последний раз велел тот, но как-то вяло и уже безо всякой надежды на успех.

«Он хотел поработить призраков, я желаю их освободить. Он пытался стереть их личности, я надеюсь отправить их на перерождение. Он запер их в доме, я выпускаю их на волю. Он прервал ритуал, потому что... спасал вмешавшегося в процесс сына от участи безликого, беспамятного слуги. Несмотря на все свои недостатки, сына некрмант любил. Это ли не главное «почему»? Это ли не противоположные помыслы и одинаковые мотивы? Я ведь тоже... люблю».

Бруно внимательно оглядел новообретенное тело отца, нахмурился еще сильнее, а затем взял его за руку и... просто выволок душу наружу. Я ахнула, мэтр Штанге без чувств — а может, и без дыхания — повалился на пол, а разъяренный призрачный старик взвыл и задергался в хватке сына.

— Нет-нет-нет!

«Теперь можно», — шепнула Тильда.

— Пора, — раздался над ухом голос Рэйнера, и я поняла, что он стоит за спиной и ободряюще сжимает мои плечи.

— Мне кажется, все вокруг может рухнуть, — пробормотала я, все еще опасаясь сдвинуть символ с места. — Успеете построить туннель?

— Успею, — с явной улыбкой отозвался мэйн. — Но постарайтесь обойтись без серьезных разрушений. Это вы планируете уехать, а я еще надеюсь привести в этот дом жену.

И без того не радужное настроение ухнуло куда-то на самое дно, и я со злостью впечатала демонову звезду в конец строки. Все выбранные символы тут же вспыхнули ярче и запульсировали сильнее, точно вспугнутые сердца; пол под нашими ногами дрогнул, над головой раздался треск, и нас обильно присыпало белым крошевом.

— Попробуем уйти ножками, — прикрикнул Рэйнер сквозь нарастающий гул дома, из которого пытались выдрать саму его суть. — Там еще Штанге.

Точно, про мэтра я почти забыла.

Стараясь не думать и не обращать внимания на сосущее под ложечкой чувство потери, я кивнула и первая устремилась к проему, во мраке которого скрывалась лестница, но на полпути замерла. Обернулась.

Призраки уходили... некрасиво. Хаотично. Не было никакого нежного сияния, пения небесных дев и ощущения снизошедшей до простых смертных божественной благодати — только серая мгла, ветер и разруха. С полок с грохотом и звоном слетали книги и склянки, бумаги со стола вихрем носились по комнате; по потолку, стенам и полу ползли трещины, и только мерцающая пентаграмма оставалась нетронутой, будто защищенная от всего мира незримой преградой. И в это тихое, безопасное место один за другим влетали клочки белого тумана, чтобы раствориться без следа и наконец обрести покой.

Я теперь совсем не видела их лиц, но точно знала, что они улыбаются... И Аццо наверняка тоже, чтоб мне провалиться!

Под ногами словно зарычал дикий зверь, и пол задрожал с удвоенной силой, грозя исполнить это пожелание. Я попятилась к выходу, все еще пытаюсь выловить в царящем хаосе хоть одно родное лицо, попрощаться хотя бы взглядом, но рассмотрела только огромного и совсем не туманного Бруно, который, нежно, но крепко прижимая брыкающегося отца к груди, волок его к пентаграмме. Старик выглядел как никогда жалким и немощным, и я в который раз поразились, сколько зла может причинить с виду безобидное существо...

— Юта! — окликнул Рэйнер, уже взваливший на плечо тело мэтра Штанге, и я кивнула, давая знать, что слышу и готова уйти.

А в следующий миг затылок пронзила боль, и в глаза словно плеснули черной краской.

Похоже, уйти мне предстояло не только из Арве-мал-Тиге...

Глава 26

Глава двадцать шестая, в которой все наконец-то кончено, но надо бы прояснить еще парочку моментов

— Говорили мне, не связывайся с этой Гантрам... Говорили, от нее одни проблемы... Говорили, не приближайся к дому в лесу... Но я же самый умный, лучше всех все знаю. Я же выше всяческих слухов, в конце концов, про меня тоже многое говорят. И что в итоге? Сначала калечных магов из-под шкафов вытаскивай, теперь всю троицу из-под завалов...

Смутно знакомый голос никак не умолкал, все бубнил и бубнил, но, как ни странно, это беззлобное ворчание не нагнетало головную боль, а будто, наоборот, ее снимало. Я чувствовала осторожные прикосновения ко лбу и вискам, и постепенно застывший разум сумрак отступал, и я начинала осознавать действительность. По закрытым векам скользили солнечные лучи, голая земля под ладонями была сухой и нагретой, а неугомонный голос... голос явно принадлежал доктору Аугусту Эморри.

— ...сидел бы дома. Эх, ну говорили же, не связывайся...

— Вы со мной и не связывались, — просипела я, не открывая глаз. — Вас привел дар.

— Этот дар куда только меня не тянет, — ничуть не удивился моему пробуждению доктор. — Я прекрасно умею расставлять приоритеты и избегать неприятностей. Только вот с вами и оплошал... Так, теперь попробуйте сесть. Вот так, аккуратнее, не торопитесь.

Поддерживая меня под спину, он помог мне принять сидячее положение и, кажется, отступил. По крайней мере, опора исчезла, и шею обдало легким ветерком. Но обратно наземь я умудрилась не бухнуться — завалилась вперед и обхватила руками колени. И только тогда опасно приоткрыла глаза.

Я действительно сидела на земле, заботливо застеленной чьим-то сюртуком — не докторским, судя по тому, что он предстал передо мной в полном облачении. Зато всклокоченный, помятый, весь перемазанный пылью и отчего-то сажей, словно последние несколько часов активно чистил камин в заброшенных домах. Солнце стояло высоко в небе — время едва перевалило за полдень. Значит, я провела без сознания либо полные сутки, либо считанные мгновения.

Так странно... там, в подвале, я и не подумала, что некромант решил устроить основное действо в разгар дня, а не посреди ночи, и теперь при ярком свете все случившееся казалось если не кошмарным сном, то каким-то причудливым видением.

— Как самочувствие? — угрюмо осведомился зависший надо мною доктор Эморри, и я рискнула размять плечи и шею.

Самочувствие порадовало относительной нормальностью, о чем я и сообщила доктору.

— Чудесно, — кисло улыбнулся он. — Тогда пробуем встать.

Еще и руку подал, чего я никак не ожидала, глядя на его сомнительное настроение.

Ноги вспомнили о своем предназначении далеко не сразу, и пару секунд мне все же пришлось повисеть на шее ничуть не обрадованного этим фактом доктора, зато потом никаких проблем со стоянием и даже хождением не возникло. Я помахала руками, повертела головой, немного попрыгала и одарила Эморри счастливой улыбкой:

— Спасибо. А не знаете... — я замаялась, — чем меня так?

— Это вы у мэйна спросите, — пробухтел он. — Он был рядом в разгар землетрясения, тоже немного пострадал.

Наверное, на лице моем отразился испуг, ибо доктор тут же закатил глаза:

— Да все с ним в порядке. Получше, чем с вами. Пришлось отправить его провожать мэтра Штанге, а то так и пугался под ногами, работать мешал. Еле выпроводил этого паникера.

Значит, Штанге жив. Ведь Штанге же? Я сама видела, как Бруно вытянул из его тела духа-захватчика, да и вряд ли Рэйнер отправился бы провожать мэтра домой, если б хоть на секунду заподозрил в нем по-прежнему одержимого.

А еще мэйн обо мне волновался, и это было... до дрожи приятно. Вот только продлились сии

ощущения недолго, свергнутые с пьедестала воспоминаниями о нашем последнем разговоре.

«Это вы планируете уехать, а я еще надеюсь привести в этот дом жену».

Ну и пусть приводит на здоровье! Только нечего тогда печься о самочувствии совершенно чужих и безразличных тебе женщин. Или... это он так на доктора Эморри пытался произвести впечатление, мол, смотрите какой я заботливый? Тогда понятно, кто вскоре станет новой хозяйкой Арве-мал-Тиге... или теперь уже просто Арве.

Мысленно кипя от возмущения, я собралась было что-то сказать доктору, но тут взгляд мой упал на дом, и все слова, нужные и не очень, вылетели из головы.

Оттащили бесчувственную меня не особо далеко, но достаточно, чтобы теперь разглядеть Арве-мал-Тиге во всей красе. И без того не слишком высокий, дом частично ушел под землю и лишился всех до единого окон, вмиг превратившись из респектабельного особняка в презренную ночлежку для бродяг. А ровнехонько по центру фасада отныне пролегла огромная ветвистая трещина, словно две половины дома рассорились и попытались разбежаться в разные стороны, но тщетно.

Я моргнула, до конца не веря, что вижу перед собой тот самый Арве-мал-Тиге, в котором прожила десять безумных лет, и растерянно посмотрела на доктора.

— Сильно потрянуло, — по-своему истолковал он мое ошеломление. — Редкость в этих краях, но местные говорят, лет семьдесят назад что-то подобное было. А вас разве не учили во время землетрясения не замирать столбом посреди комнаты полной летающих предметов? Впредь будьте умнее, помощь может и не успеть.

Я на всякий случай кивнула, хотя собиралась приложить все силы, чтобы вновь не оказаться пленницей в доме с привидениями и, соответственно, не стоять посреди комнаты с летающими предметами. Спасибо, попробовали, хватит.

Постепенно оцепенение от вида разрушений спадало, и в сердце зарождалась какая-то неведомая мне до сих пор боль. Боль... потери? Глупости, я же мечтала избавиться от этого дома. И от всех его обитателей заодно, разве что кроме Тильды, но...

Нельзя выпустить девяносто девять, или сколько там было, душ на свободу, а сотую эгоистично оставить при себе. То есть эгоизма мне бы, наверное, все-таки хватило, а вот знаний для осуществления задуманного — вряд ли. Тем более я сильно сомневалась, что Тильда пожелала бы остаться. Она явно вела какую-то свою игру, и немного жаль, что я так и не узнаю, чего она добивалась и правду ли сказал некромант насчет накопителя.

Но только немного... а вот потерянной подруги жалко было до слез.

Я даже носом пошмыгала под мерное бормотание доктора, когда за нашими спинами вдруг раздалось:

— Слава Анико, вы очнулись!

Мы с Эморри развернулись: я — быстро вытирая повлажневшие глаза, он — тяжело вздыхая, очевидно, о том, что не успел сбежать.

Рэйнер на мгновение замер посреди подъездной дорожки, пока за плечом его гасла арка туннеля, а затем практически подлетел к нам и стиснул мои плечи:

— Как вы?

— Прекрасно, — пробормотала я, пытаюсь вырваться, хоть и не особо активно.

Но и этого вялого трепыхания хватило — мэйн отступил на шаг и нахмурился.

— Что-то болит? — спросил напряженно.

— Нет, что вы. — Я выдавила улыбку. — Доктор Эморри отлично знает свое дело. — Затем перевела взгляд на поскучевшего доктора и улыбнулась уже ему. — Даже не знаю, как вас обоих благодарить. Вы мои спасители! Вот и мэйн Рэйнер настоящий герой, защищал нас с мэтром Штанге от... от стихии собственной грудью.

— И сам угодил под завал, — проворчал Эморри.

— Но ведь героически угодил. А еще он прекрасно разбирается в целебных растениях, и их здесь, в его саду, великое множество, правда же?

Я с надеждой уставилась на совсем уж мрачного Рэйнера, и он процедил сквозь зубы:

— Ничего в этом не смыслу.

— И дом хоть и пострадал, зато земля здесь на вес золота, — продолжила я нахваливать потенциального жениха, пусть и не своего.

— Землю без дома никто продать не позволит, — рыкнул чужой жених, не оценив моих потуг.

— И при дворе он бывает постоянно.

— Только если вынуждают.

— И ведет активную светскую жизнь.

— Ненавижу эти сборища.

— Да и, в конце концов, умудрился возглавить целую пехотную дивизию, а ведь ему нет и тридцати!

— Мне тридцать два.

— Кто откажется принять в семью такого героя?

— Доктор Эморри, вас сопроводить туннелем?

Я так и замерла с открытым ртом, а доктор Эморри, кажется, впервые на моей памяти вполне искренне улыбнулся:

— Благодарю, но вам не стоит сейчас перенапрягаться, да и мне прогулка не повредит.

По мне, так его от этих прогулок должно уже воротить. Кстати, почему Лена не доставила отца на пролетке с ветерком? Так, глядишь, Рэйнер бы прямо сейчас и...

В красках представляя, как мэйн объясняет потенциальной супруге, что домик хоть и перекосялся, но подлежит восстановлению, и вообще места здесь чудесные, а эта чужая тетка вот-вот уедет и больше не вернется, я так увлеклась, что пропустила уход доктора. И очнувшись от покалывания во лбу, точно туда шипы вонзали — но нет, это всего лишь Рэйнер сверлил меня недовольным взглядом.

— Что вы тут устроили?

— Ничего. — Я невинно похлопала ресницами. — Разве вам не хочется понравиться будущему тестю?

Он вздохнул устало, и злость из штормовых глаз испарилась.

— Глядя на вас, будущему тестю мне хочется исключительно врезать. За все ваши дурные мысли о себе.

— Что? — Теперь хмурилась уже я. — При чем здесь...

А вот договорить мне не дали, ловко заткнув рот поцелуем. Поначалу резким, жестким, торопливым, а затем нежным, щемящим, вынимающим душу...

— Так понятнее? — выдохнул мэйн, отстранившись, но совсем чуть-чуть, отчего я никак не могла рассмотреть его лицо.

Я помотала головой — и вовсе не потому, что хотела еще одного пояснения, хотя кто знает...

— Ваш сюртук так и валяется на земле, — прошептала я, когда мы с трудом прервали второй поцелуй и застыли, сцепив руки и прижавшись лбом ко лбу.

Полагаю, мэйну было демонски неудобно сгибаться в три погибели, но он стойчески терпел и даже казался довольным. Счастливым.

— Плевать.

— И дом разрушен.

— Отстроим заново.

— А призраки точно ушли?

— Точно, я проверил.

Мы еще немного помолчали, прислушиваясь к дыханию друг друга, и не сговариваясь повернулись к дому.

— Добились-таки своего, — непонятно хмыкнул Рэйнер, и я запрокинула к нему лицо.

— Добились своего? — спросила удивленно.

Он кивнул на наши переплетенные пальцы.

— В смысле... вот это и было их целью? — уточнила я, поднимая наши руки.

— Юта, — Рэйнер нежно улыбнулся и свободной рукой погладил меня по щеке, — первый ритуал Гантрама прервала его любовь к сыну. Думаю, они были уверены, что для освобождения в сердце пентаграммы должны стоять двое, связанные подобным чувством.

— Потому мне и позволили продать дом, — прошептала я.

— Потому мне и позволили приблизиться к дому, — вторил мне Рэйнер.

— Ты тоже веришь, что без... — я смутилась и отвернулась, — без этого чувства ничего бы не получилось?

Он загадочно промолчал, а когда я осмелилась вновь поднять взгляд, на секунду прижался своими губами к моим:

— Я тебя люблю.

И действительно, какая разница, что принесло ритуалу успех? Мои чувства к Рэйнеру, моя невольная привязанность к призракам или ни то, ни другое, а просто слепая удача и новая сторона моего дара?

Главное, что пленники наконец обрели долгожданную свободу, а я... Я тоже. Обрела.

Я покрепче прижалась к Рэйнеру, глянула на дом, уже представляя просторные светлые комнаты вместо нынешнего бордово-черного великолепия, и вдруг подумала...

А что из сегодняшних приключений запомнил мэтр Штанге?

Эпилог

Эпилог, в котором нарушаются клятвы и законы мироздания

Пока Вэлтан Джакоб Александр Готтфрид Рэйнер Четвертый старательно выводил свое бесконечное имя и список ласковых прозвищ пальцем в луже пролитых на новый стол сверхстойких чернил, я вяло размышляла о превратностях судьбы и бренности бытия.

Шансы на то, что из десяти сверкающих баночек, сын выберет именно эту, единственную в своем роде, были ничтожно малы. А на то, что он выстроит свой первый в жизни туннель в запертый отцовский кабинет именно в день доставки стола, — и того меньше. Впрочем, стоило ли удивляться этим математическим чудесам, раз уж сегодня Александр побил самый главный в Аделхайде рекорд по невероятным стечениям обстоятельств? Я бы даже сказала, нарушил закон природы, но некие сохранившиеся в доме от прежнего хозяина книги утверждали, что такое уже случилось.

Итак, трехлетний Александр Рэйнер построил свой первый туннель. Другой Александр Рэйнер, которого я упрямо звала Готтфридом, явился в кабинет через минуту после меня и теперь наблюдал за деяниями сына с широкой улыбкой и научным интересом, сияющим в серых глазах.

— Невероятно! — наконец изрек Рэйнер-старший.

— Ты про его навыки в письме или про наследственный дар? — угрюмо уточнила я.

— Он не может быть наследственным, благословение так не работает, — как маленькой объяснил муж. — Просто Анико счел нас достойными.

Я скептически скривилась, но спорить не стала, хотя лично мне подобное благословение богашутника не сулило ничего хорошего. Александр и так рос ребенком активным и неусидчивым, а еще крайне любопытным, и если дар ему достался такой же сильный, как отцу, чувствую, ловить нам его когда-нибудь на соседнем континенте...

— Не переживай, — прекрасно понял мои опасения муж и, крепко прижав к себе, поцеловал в висок. — Я настроюсь на него, буду перехватывать все туннели. Кто ж еще справится с юным кротом, как не такой же крот?

— Это все твое имя, Готтфрид, — упрямо пробормотала я. — А ведь я клялась, что никогда и ни за что...

— Традиции — это святое, — нагло хмыкнул мэйн и еще с минуту полюбовавшись перемазанным чернилами сыном, удалился. — Велю Марте тут прибраться.

Я проводила его усталым взглядом и вздохнула. Марта — это, конечно, хорошо, но вряд ли ей под силу избавиться от этих художеств. То ли дело в былые, призрачные времена... тогда бы эти чернила даже пристать к столу не успели и испарились бы по щелчку пальцев Аццо.

Еще раз вздохнув, я вновь посмотрела на сына и едва не взвыла в голос, ибо на прежнем месте его уже не было. Лишь насмешливо сверкали на светлом дереве черные лужицы с отпечатками крошечных ладоней да корявыми буквами: «Вэлтан Джакоб Готтфрид Алекс Четвертый Мамино Золотце».

Впрочем, отчаянный крик горничной, донесшийся откуда-то сверху, быстро выдал новое место дислокации юного крота.

Я поспешила на второй этаж, а оттуда к лестнице на чердак, причитая:

— Я настроюсь на него. Я буду перехватывать туннели... Ну и где ты сейчас, перехватчик?

По крутым ступеням мне навстречу скатилась перепуганная служанка, уже не вопившая, но надрывно сипевшая.

— Там... там... — Она попыталась одновременно указать себе за спину и вцепиться в мои плечи, и чуть обеих нас не уронила.

— Я разберусь, — кивнула я, аккуратно выворачиваясь из цепкой хватки.

Все-таки живые такие нервные...

Чердак встретил меня полумраком и залежами хлама, который слуги периодически безуспешно пытались сортировать и отправлять на выброс и который мы с мужем с упорством безумцев

возвращали в дом. Древние гримуары и дневники (исключительно с безобидным содержимым, от греха подальше), трехглавые часы, магические светильники и всяческая мелочь, уцелевшая после падения Арве-мал-Тиге. И среди ящиков, сундуков и бесформенных куч ныне гордо восседал Александр Рэйнер Четвертый, мусоля в руках нечто мелкое и блестящее. А потом и вовсе сунул безделушку в рот — только цепочка и осталась болтаться меж пухлых губ.

— Что там у тебя, золотце? — тихонько спросила я, когда сын меня заметил, и медленно приблизилась. — Покажешь маме?

Не хватало еще, чтобы от неожиданности он проглотил новую игрушку.

Я опустила на колени, Александр радостно кивнул и резким движением выдернул изо рта... кулон. Слишком хорошо знакомый мне кулон.

— Тильда! — отчетливо произнес сын и вложил находку в мою протянутую ладонь.

— Что? — попыталась выдавить я, но, кажется, не издала ни звука.

— У меня там Тильда. — Александр нахмурил смоляные, как у отца, брови, и ткнул в кулон пальцем. — Она звала.

Я судорожно пыталась сообразить, упоминала ли при сыне о призраках. Наверняка упоминала, откуда бы ему еще знать это имя? Я все же скучала, а после столкновений в городе с семейством Эморри или мэтром Штанге, для которого та роковая ночь так и осталась дырой в памяти, и вовсе порой рыдала в подушку. Но вот о связи Тильды и кулона Алекс точно не мог выяснить... никак.

Я сглотнула:

— Тильда тебя звала?

— Да, — кивнул он и тут же потянулся к ближайшей коробке с книгами и бумагами, разом утратив к кулону всякий интерес.

А я, распрямившись, повертела артефакт в пальцах, выдохнула и, пока не передумала, быстро застегнула цепочку на шее.

«Тильда?»

«Ну наконец-то! — Оказывается, даже мысленный вопль может оглушить. — До вас нынче и не докричаться, господа».

«Это... — Я зажмурилась. — Это правда ты?»

«Нет, это Аццо тренирует сопрано. Конечно, я. Дай немного силы, хоть выбраться из этой тьмы...»

Я расправила плечи, вспоминая, как еще пять лет назад делилась с духом энергией для материализации, но сейчас моих потуг хватило только на проявление слабого силуэта. До боли прозрачного, но узнаваемого.

К глазам подступили слезы, и я моргнула.

— Фух, думала, так и просижу там целую вечность, — вслух произнесла Тильда.

Я покосилась на сына, но того новое действующее лицо ни капли не смутило. Он лишь окинул гостью оценивающим взглядом, кивнул и вернулся к своим изысканиям.

— Ты... как... почему... сколько... — В голове роились сотни вопросов, и я никак не могла остановиться на одном.

— Я, — ответила Тильда, осматриваясь. — Решила подзадержаться и воспользовалась привязкой к кулону, но застряла.

— И ты все это время...

— Нет. Очнулась недавно, темно. Попыталась дозваться до тебя — тщетно. Да и вообще никого зацепить не получилось, силы, видимо, совсем иссякли. Только до беззащитного разума твоего мальчишки и добралась, оттуда и узнала, что не один год прошел. — Она прекратила вертеть головой и глянула на меня с упреком. — Вы б озаботились блоком, что ли. Ребенок все-таки.

А я поняла, что потрясение, растерянность и радость, еще минуту назад разрывавшие мое нутро на части, постепенно уступают место обиде, злости и жажде мести.

Похоже, скрыть эмоции мне не удалось, ибо Тильда насторожилась:

— Эй, ты чего?

— Значит, решила подзадержаться? — прищурилась я. — Или просто не довела свой план до конца?

— Какой план?

— Тебе лучше знать, какой. Тот, для которого потребовалось представление с накопителем, мнимый побег и фееричное возвращение после взятия контрабандистов в порту. Твоих рук дело?

Если б Тильда была во плоти, наверняка побледнела бы, а так только пошла рябью, точно водная гладь от брошенного камешка. Значит, я угадала, и побег не удался по ее вине. В последние годы я много об этом размышляла...

— Не пойму только, зачем, если целью был наш союз с Рэйнером?

Заслышав знакомое имя, Апекс поднял взгляд от исписанного листка, из которого увлеченно складывал непонятную фигуру.

— Не поймет она, — проворчала Тильда. — Как будто тебя можно было отговорить от побега. Да и Рэйнеру нужен был повод оставить тебя в доме — мы его и дали, мол, призраки требуют назад хозяйку. А заодно немного его охотничьи инстинкты пробудили, какая ж любовь без погони?

— Дура ты, прости Анико, — вздохнула я.

— Дура, — согласился сын и запустил в призрака скомканной бумажкой.

— Сами вы... — Тильда осеклась, оценила выражение моего лица и словно сдулась.

— Ну прости. Я же за общее дело... и осталась ради тебя. Думала, прослежу, чтоб у вас все хорошо сложилось, с детишками помогу, а потом ты меня развеешь.

Видимо, взгляд у меня стал совсем уж нехорошим, потому что призрачный силуэт снова задрожал.

— Ну чего ты опять?

— С детишками? — переспросила я.

Тильда закивала.

— А помогай. — Я быстро отступила к двери и повернула ручку. — Чтоб ни один волосок с его головы не упал, и чтобы никаких слез. Перемещаться — строго за ним, он у нас шустрый. Оставишь хоть на минуту — не прощу, загоню в кулон и закопаю в землю.

Тильда испуганно уставилась на Алекса, явно заинтересовавшегося неожиданным развитием событий.

— Ты серьезно?

— Смертельно, — припечатала я и, выскользнув прочь, захлопнула за собой дверь.

— Юта, не смешно, — понеслось мне вслед жалостливое.

— Юта, он на меня смотрит, — еще жалостливее через секунду.

— Юта, можно я с ним потом посижу, лет через восемнадцать?

— Юта, а бумага переваривается?

— Юта, это точно человеческий детеныш?

— Юта, меняю младшего Рэйнера на старшего.

— Юта, я знаю, что ты здесь...

А я стояла за дверью и улыбалась.

Конец